

МОЙ УРАЛ СКВОЗЬ СТОЛЕТИЯ

М. Ф. Обыденнов,
Е. А. Круглов

Клады и сокровища народов Урала и Поволжья

МОЙ УРАЛ СКВОЗЬ СТОЛЕТИЯ М. Ф. Обыденнов,
Е. А. Круглов

Клады и сокровища народов Урала и Поволжья

(от древности до наших дней)

Издательство
"КИТАП"
имени
Зайнаб
Бишшевой

УФА • 2011

УДК 902/904
ББК 63.4
О 30

Обыденнов М. Ф., Круглов Е. А.

О 30 Клады и сокровища народов Урала и Поволжья. – Уфа: Китап, 2011. – 144 с., ил.

ISBN 978–5–295–05275–0

Книга преподавателей Башкирского государственного университета, доктора исторических наук профессора М. Ф. Обыденнова и кандидата исторических наук доцента Е. А. Круглова посвящена истории находок и содержанию кладов или различных ценных предметов.

Кто в детстве не мечтал найти клад? Но все сокровища хранились в тайниках южных земель или на дне Карибского моря. Но, оказывается, и на территории Башкортостана было найдено немало кладов самых разных времен. Об этих находках, разнообразных по содержанию, зарытых по самым различным причинам и обнаруженных в разные периоды, рассказывает эта книга.

Книга может служить путеводителем для начинающих кладоискателей. Рекомендуются любителям путешествий и открывателям тайн.

ТП – 202/11

УДК 902/904
ББК 63.4

ISBN 978–5–295–05275–0

© Обыденнов М. Ф., Круглов Е. А., 2011

РАССУЖДЕНИЯ О ПРИРОДЕ КЛАДА, или ВВЕДЕНИЕ В КЛАДОЛОГИЮ

«**К**лад – сокрытое в земле сокровище, для сохранности в случае нашествия неприятеля, продолжительной отлучки из дома и т. п. Обычай этот существовал издавна, существует и сейчас у современных малокультурных народов»¹.

«Клад – спрятанные, чаще всего зарытые в землю вещи, не взятые владельцем и позднее случайно обнаруженные. Ценный исторический источник, собственность государства»².

Признайся, приступающий к чтению этих собранных воедино рассказов, что у тебя вновь перехватывает дыхание и учащенно бьется сердце совсем как тогда, в розово-голубом детстве, когда зачитывался ты романами о кладах, сокровищах, ищущих их благородных героях и не очень благородных разбойниках. Не раз в эти минуты и часы перед твоим мысленным взором на пути к славе и богатству проходили герои произведений об Али-Бабе и сорока разбойниках, о Джоне Сильвере и его «доблестных соколах» с «Острова сокровищ», персонажи легенд и преданий о Летучем голландце и пиратах южных морей. Ведь и поныне ждут своего часа на дне морей затопленные некогда испанские каравеллы и галеоны, до мачт нагруженные золотом; а в безлюдных ущельях Колорадо, говорят, ветер до сих пор вместо пыли бросает в лицо редких путников золотой песок... Правда, все это где-то там, «у них». А у нас, в России, в глубинке? «Велика Россия, – скажет на это иной скептик, – а кроме глиняных горшков да ржавых пятакон ничего в земельке нет». И сильно ошибется. Правда, невольно. Ибо инфор-

¹ Энциклопедический словарь русского библиографического института Гранат. СПб., 1914. Т. 24. С. 281.

² Большой энциклопедический словарь. М., 1991. Т. 1. С. 586.

мация о сокровищах и кладях России крайне мала, разрознена, рассыплена по разным источникам. Но ведь умолчание факта – не есть отсутствие факта! Хорошо известен всему миру уже более ста лет «клад царя Приама», найденный Генрихом Шлиманом на месте древней Трои на холме Гиссарлык. И хотя впоследствии выяснилось, что никакого отношения к Троянской войне и царю Приаму сей клад не имел, сам по себе он производил впечатление. Судите сами: 24 ожерелья, 8700 золотых перстней, 60 серег, 6 браслетов, более 4000 брошей, 2 золотые бутылки, несколько ваз из меди и серебра, инкрустированные золотом бронзовые мечи и кинжалы... У тебя еще не защемило сердце, дорогой читатель? Тогда, 120 лет назад, мир был заворочен обилием блистающих находок. Но что кажется нам более важным, мир был потрясен достоверностью стихов слепого аэда Гомера, в котором прежде привыкли видеть певца рифмованных мифов, почти сказок. А сказки оказались явью.

Об удачливом Шлимане знают, кажется, все. Наиболее же осведомленные в кладологии (если позволительно будет так впредь именовать область наших и ваших (!) интересов), конечно, упомянут об уникальных сарматских сокровищах Филипповских курганов Оренбуржья, о чем много писали газеты нашей страны в конце 80-х годов XX века.

Вот, пожалуй, и все, судя по «большой» прессе. Но так ли это в действительности? Неужто Урал и его окрестности, когда-то с такой сыновней любовью воспетые в сказках П.П.Бажова, не хранят до сих пор тайн своих кладов? И все ли они уже раскрыты? Уверены, что нет. Узнать об этих тайнах как раз поможет эта книга, где на базе строго научных фактов дается описание множества случаев нахождения кладов, причем кладов самых различных эпох и времени обнаружения.

Пытливый ум внимательного читателя сумеет не только выхватить из текста ряд интересных фактов, но при желании извлечь из него сведения о местах вероятного хранения кладов вплоть до наших дней. И не где-то там, в каньонах Калифорнии, а куда ближе...

Успеха, кладоискатели! Эта книга – для вас. Но прежде чем вы с лопатой наперевес ринетесь на поиски клада, наверное, необходимо будет уточнить начинающему кладофилу, что же это такое вообще клад? Какими бывали (и бывают) клады? Что хранили подальше от чужого глаза далекие наши предки, а позднее – и их потомки?

Конечно, в разные эпохи менялись вкусы людей, их привычки, нормы и правила морали. Менялись и представления о том, что ценно, что достойно хранения и сбережения. Теперь, оглядываясь назад, мы знаем, что клады зарывали во все времена, но зарывали во все времена не все!

Чаще всего в состав кладов входят функционально важные предметы быта, орудия труда, оружие (например, клады мечей), слитки

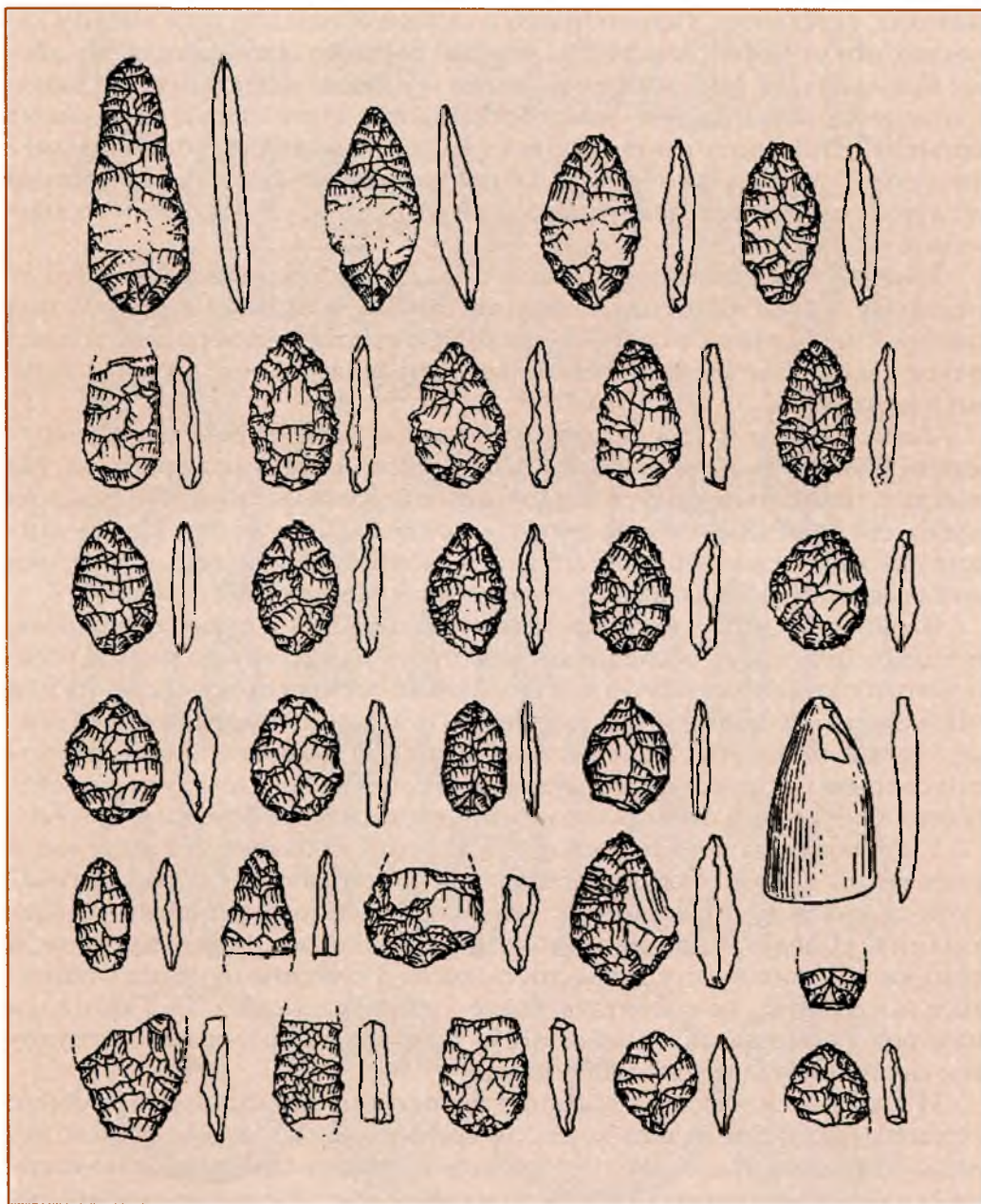

Рис. 1. Чишминская находка каменных орудий.
По Ю. А. Морозову

металла, украшения. Разнообразен и сам материал: в разные эпохи в зависимости от дефицита, а это – вечный спутник человечества, им могли быть вначале медь и бронза, затем – железо и драгоценные самоцветные камни, позднее – серебро, золото. Но в самые отдаленные времена, т. е. в эпоху каменного века, главной ценностью были предметы культа – боги первобытных людей, которые были их защитниками от дурного глаза соседей, однако, при этом сами «нуждались» во внимании и охране.

Именно эти ценности главным образом и стремились спрятать от незваных гостей и врагов. А спрятав, бывало, и забывали. Иногда под напором неожиданных «гостей» приходилось второпях бросать родные очаги – и становились припрятанные боги первыми невольными кладами в истории.

Такие первые клады оказывались как бы барометром, регистрирующим уровень экономической и политической ситуации в регионе. Не всегда с точностью удастся определить обстоятельства формирования клада, его принадлежность, статус «хозяина», но в любом случае данные находки – своеобразная летопись экономики, а подчас и политики эпохи захоронения клада на определенной территории.

Чаще всего этот «ключ времени» оказывается в руках археологов, и только они могут обследовать местность находки, выяснить и установить наличие или отсутствие здесь каких-либо следов поселения или могильника. Хотя порой клад может быть зарыт и на древнем памятнике, т. е. как бы под охраной местных духов... И если в глубокой древности сокрывали самих богов и духов, то в средние века эти духи уже становятся оберегами новых кладов – монетных и даже бумажных денег!

У страха глаза велики, говорят в народе. Добавим, что у слухов – язык велик. Слухи о кладах обычно распространяются с фантастической скоростью, обрастая при этом совершенно невероятными «детальками». И ведут, бывало, археологи раскопки где-нибудь за селом, а село уже бурлит: «...студенты-то, слышать, 3 кувшина намедни откопали, а там золота – не сосчитать, да все – империялы, да-а-а». Глядишь, а на утро «в помощь юному археологу» полраскопа превращено в котлован каким-нибудь ночным энтузиастом.

И стираются навсегда так и оставшиеся непрочитанными древние страницы истории отчего края... А причина ясна – жажда легкой наживы в трудное время. Что тут главное – трудно судить, ведь по закону за сдачу найденного клада государством предусмотрено вознаграждение – 25 % от стоимости клада, за сокрытие же его (в зависимости от стоимости найденного) – исправительные работы сроком от одного года до трех лет. Так и стоит кладоискатель перед дилеммой: или пан – или пропал. Вчера. Сегодня. Завтра...

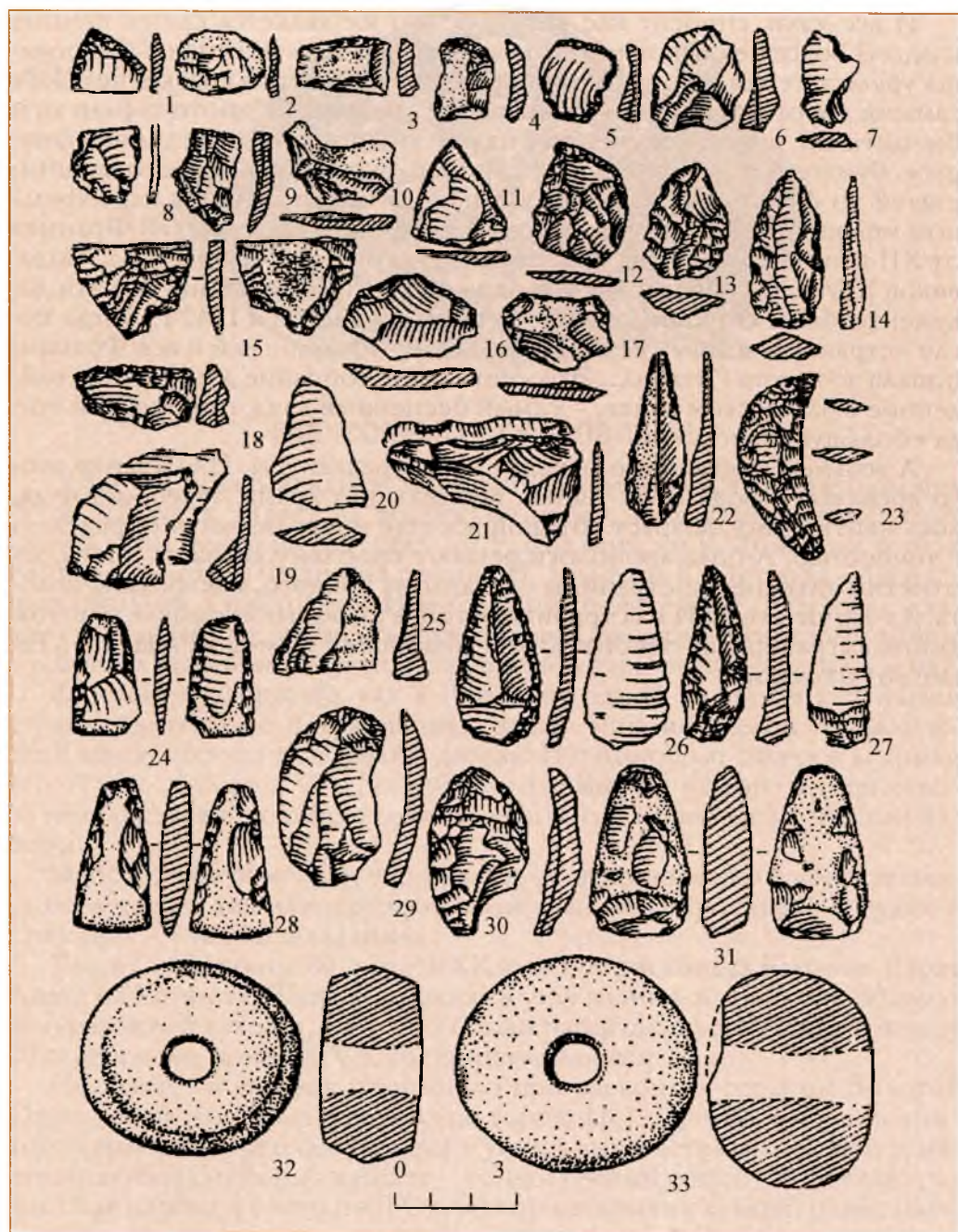

Рис. 2. Находки из клада Аксу

И все-таки, спросит нас читатель, что же является самым ценным кладом? Золотые сокровища типа «клада Приама» Шлимана? Сокровища уральских самоцветов Хозяйки Медной? Ответим кратко: нет! Ибо самыми дорогимикладами оказываются древние библиотеки (или хотя бы часть их), книги, документы с надписями и текстами на камне, папиресе, бумаге и т. д. Вспомним, например, сколько было восторженных статей во французской печати по поводу обнаружения в картофельном мешке (!) 50 тысяч рукописей и писем видных деятелей Франции от XII в. по XIX, включая оригиналы текстов Вольтера и Руссо, Людовиков XIV и XV, Фредерика Шопена и самого Наполеона! Все эти документы были спрятаны патриотами от фашистов в 1940 г., когда после «странной войны» вслед за Эльзасом, Лотарингией и вся Франция попала во власть Гитлера... Это уникальное собрание документов, найденное в эльзасском замке, – самый бесценный клад, получивший тогда «большую прессу».

А возьмем уникальную находку из Анурадхапуры. На окраине этого древнего города Шри-Ланки, в развалинах храма, археологам удалось найти книгу, возраст которой все еще никак не могут определить с точностью. А пока хронологи решают проблему возраста книги, мы отметим главное: ее страницы сделаны из тонкого, как фольга, золота. Да-да, читатель! И на страницах этой, в буквальном смысле золотой, книги выгравирован текст великой индийской поэмы «Рамаяна». Такие вот находки...

ГДЕ СОКРЫТЫ СОКРОВИЩА?

«Где же искать клады?» – спросит истомившийся от предисловия читатель. Ответ на вопрос не прост. Ибо карт, ненайденных кладов, пока никто не составил: ни У. Коллинз, ни К. Дойль, ни братья Вайнеры, ни отец Федор из романа И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев» – никто! Но! Имеются многочисленные сведения о кладах уже найденных, когда-то упрятанных в фундаментах старых домов, в тайниках старой мебели, под деревьями, а чаще всего зарытых в земле.

Вспомним, например, как в 1984 г. на одной из застав юга нашей страны бдительные пограничники нашли миноискателем металлический ящик, обросший корнями дерева. И с помощью саперов вскрыли его. А там... булава XVI в., серебряный кувшин и из того же приятного металла ваза и поднос, также столовый (на 10 персон) и чайный наборы.

Необходимо отметить, что прятать драгоценности в ящиках хозяева богатств не любили, предпочитали хранить сокровища в сосудах, в кувшинах – «лампах Аладдина».

Так, в самом конце 80-х годов XX века при раскопках Караван-Сарая Айата на Устюрте (Кара-Калпакия) в углу здания, в ямке, был обнаружен разбитый кувшин, в котором были найдены завернутые в тряпицу 20 серебряных монет XIV в. государства Хорезм¹.

Но бывает и так, как произошло при раскопках столицы Золотой Орды – Нового Сарая (Царевское городище). При расчистке покрытого керамической плиткой пола в углу, в ямке, встретилось нечто, напоминающее ситуацию в Айате – тонкостенный сосуд. То-то было радостных надежд и ожиданий! Однако при вскрытии кувшин развалился,

¹ Сайпанов Б. С. Клад серебряных монет XIV в. из Караван-Сарая Айата // Археология Приуралья. Вып. IV. Ташкент, 1990. С. 154.

а под ноги археологам вместо монет высыпались из горшка только земля и один кривой ржавый гвоздь. Да-а-а, бывает и такое...

А вот японцу Отоко Китауре в середине 80-х годов XX века у берегов Мраморного моря повезло куда больше. Нырять на мелководье, он обнаружил и достал со дна древнегреческую амфору, которая была герметично запечатана плотной свинцовой пробкой, да к тому же еще и залита для верности смолой. Вскрыв ее и заглянув внутрь, сын Страны восходящего солнца обнаружил в амфоре зерна пшеницы, как будто их только вчера обмолотили и закрыли в кувшине. Каково же было изумление мировой научной общественности, когда эти посеянные в грунт зерна дали 100 % (!) всхожесть, четырнадцать веков пролежав в амфоре! Вот вам пример бесценного для наукиклада.

Такая же находка ожидала в 1972 г. археологов в Краснокамском районе Башкирии на Новокабановском городище. Здесь при раскопках памятника раннежелезного века (ананьинская культура) среди прочего был найден глиняный горшок, полный зерен пшеницы. Высеять их ради эксперимента не было необходимости, т. к. находка была важна сама по себе. Ведь столь древнее зерно (VII–VI вв. до н. э.) злаковых растений в данных районах встречается крайне редко (это вам не Египет...). Найдено это – сущий клад, ибо позволила доказать на фактах земледельческий характер хозяйства древних обитателей края и помогла определить сортовой состав злаков.

А бывают и находки-сюрпризы типа Ставропольской. Однажды, когда чабан пас отару, то неожиданно увидел, как на поляну «спикировал» степной орел. Не успел он опомниться, как хозяин неба взвился вверх, держа в когтях... нет, не овцу, а блестящий предмет! А вот удержать его не сумел, выронил добычу. Чабан, подобрав находку, отправил ее специалистам. Каково было их удивление тому, что на земле, прямо на поверхности, без всяких раскопок, можно найти... ювелирное золотое украшение из древнего скифского захоронения!

Сотрудник института АН Украины Б. Н. Мозалевский искал там, где уже давно никто ничего не ждал, но тоже нашел. Это было еще удивительнее, ибо искал он в давным-давно (что было общеизвестно) разграбленном кургане Толстая Могила, что на Днепропетровщине. Давно уж «знатоки» на этот курган рукой махнули. Но Б. Н. Мозалевский оказался знатоком без кавычек и нашел именно в разграбленной Толстой Могиле уникальный шедевр скифского искусства – золотую пектораль, нагрудное украшение царицы из 48 композиционно связанных между собой фигурок людей, птиц и животных.

Что и говорить, «джентльмены удачи» были посрамлены до скончания века...

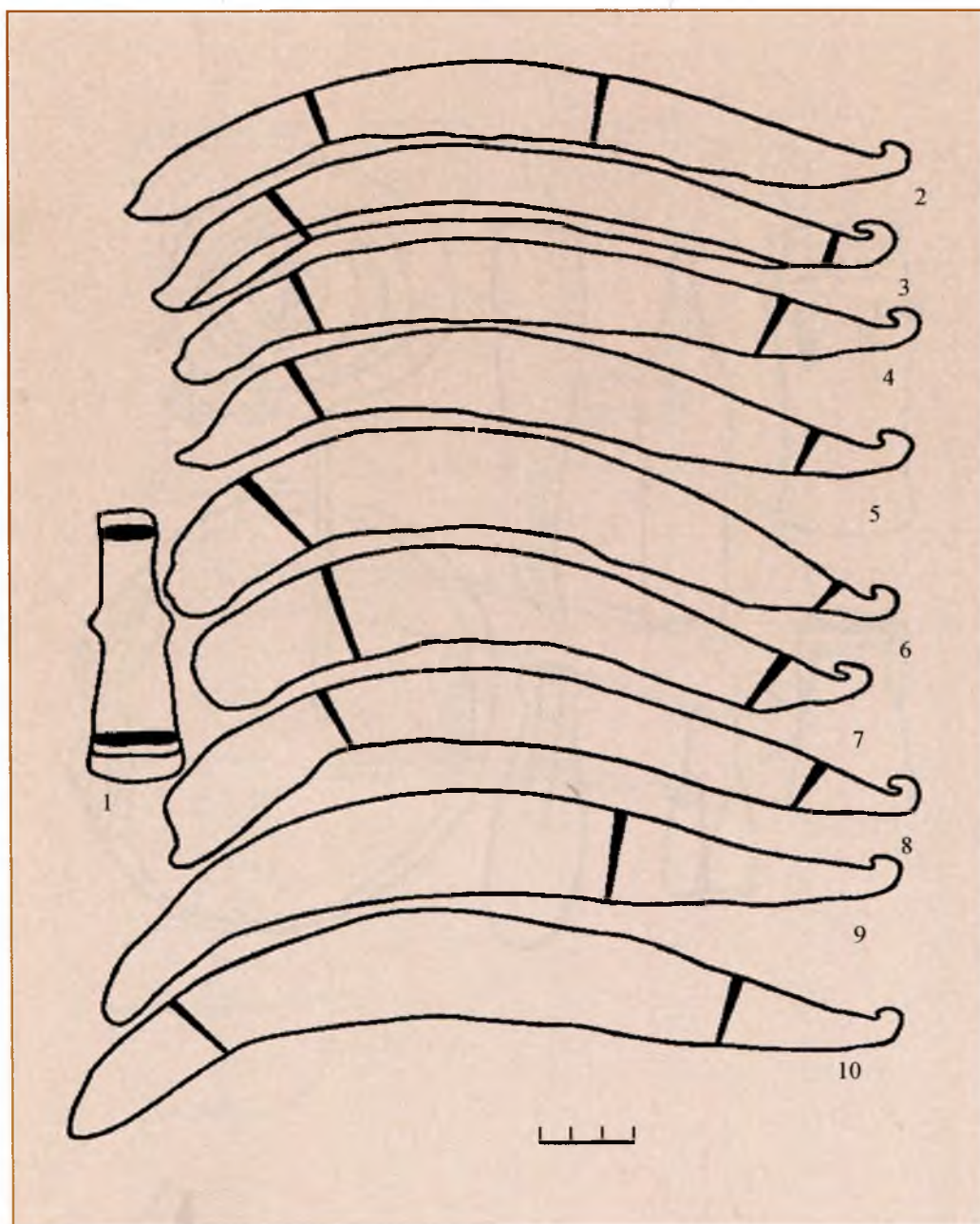

Рис. 3. Бахчинский клад бронзовых изделий

Рис. 4. Сабанчеевский клад эпохи бронзы. По Н. Я. Мерперту

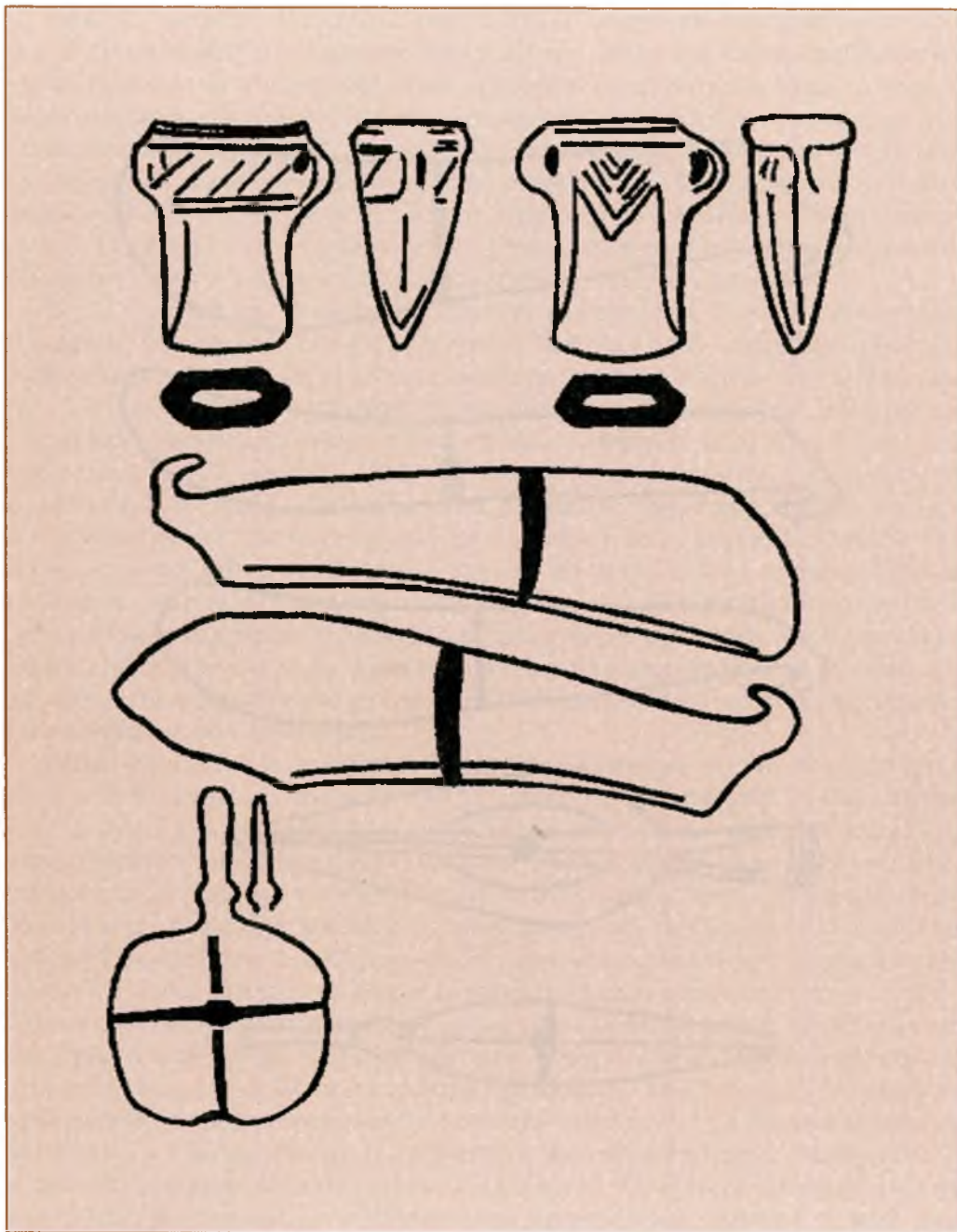

Рис. 5. Терешковский клад эпохи бронзы. По С. В. Кузьминых

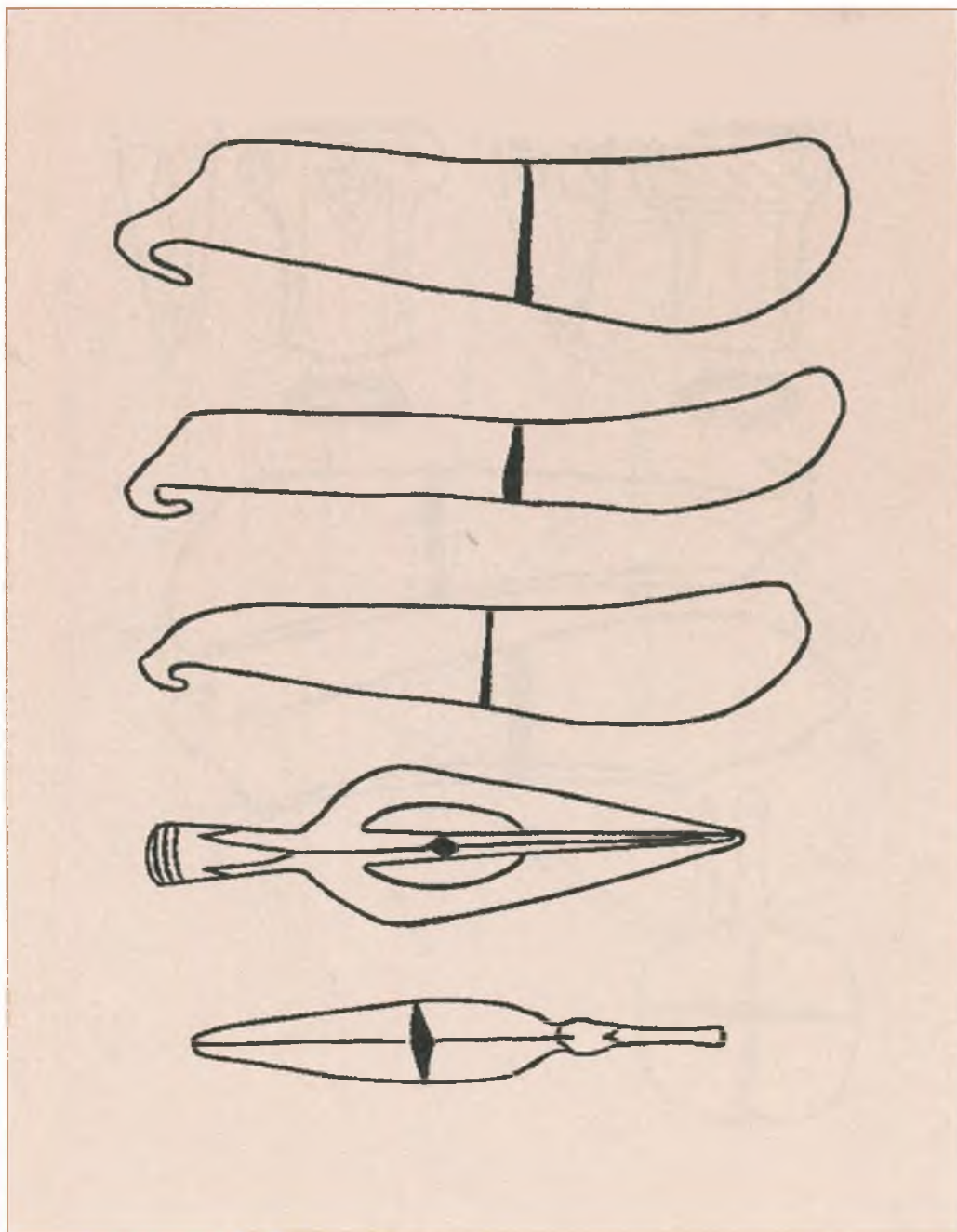

Рис. 6. Кармановский клад эпохи бронзы

Как тут не вспомнить и о редкостной недавней находке археологов в египетской провинции Бени-Суэф. Ведя раскопки заброшенного, заваленного строительным мусором старого, высохшего еще в незапамятные времена колодца, археологи на глубине нескольких десятков метров вдруг обнаружили в стене колодца тайник – помещение, где жрецами были укрыты от «потрошителей» 40 (!) мумий египетских фараонов XI–VII вв. до н. э. Почти 3 тысячи лет хранил колодец свою тайну. И сколько их еще в воде, под землей, в вечной мерзлоте, которые ждут своего часа, своего случая, своей улыбки Судьбы.

Ведь десятки лет бороздили самолеты небо над Вилюйским краем, все вроде бы видели как на ладони. А вот надо же – в один прекрасный день заметили под крылом самолета не только «зеленое море тайги», но еще и верхушку какой-то уж очень одинокой юрты. Пошли на снижение, на «сближение» с ней. А там – никого. И давно, может, 80 лет, может – 100, может – 300, т. к. время здесь остановилось с уходом хозяина в мир иной. А был хозяин шаманом, поэтому, чтобы не мешали «глупые людишки» общаться с духами, жил вдали. Как ушел совсем, осталась юрта без хозяина, вросла в землю, законсервировалась в вечной мерзлоте и, как в хорошем морозильнике, навечно сохранила в себе ритуальные вещи шамана: кафтан из телячьей кожи, маску из шкуры с медвежьей головой, звенящие металлические подвески и, конечно же, сам бубен с двумя колотушками. Все лежало так, словно ушел хозяин в вечность только вчера...

Может, и заглядывал кто в юрту до летчиков, но не взял ничего, зная, что вещи колдунов и шаманов лучше не трогать, не то быть беде. А если судьба сама стучится в дверь? Если за порогом дома – голод, пожар, неурожай или еще какая напасть? Ведь хорошо известно, что клады искали всегда, но особенно тяга к ним возрастает в трудные годы голода и разрухи. Тут уж не до страха перед шаманскими (или еще там какими) запретами и заклятиями. И перелопачивают тогда люди горы песка и тонны земли в надежде отыскать клад и сразу решить все проблемы. Именно в такие вот голодные годы оренбургские крестьяне не раз брались за заступ и рыли курганы – мары своего края, найденные при этом вещи из золота и серебра продавали. Тем и жили¹. Уральские археологи старшего поколения хорошо помнят, как в былые времена, особенно в голодные годы, на рынках Зауралья нередко можно было встретить древние серебряные блюда и чаши. И не особенно охотно их торговцы рассказывали покупателям-археологам, откуда у них эти

¹Бадер О. Н., Смирнов А. П. Серебро Закамья первых веков нашей эры. М., 1954. С. 21.

предметы старины: продолжали беречь места находок для себя и дальше, на будущее!..

Для отвода глаз любили рассказывать поверья, что место-де этого клада заколдованное (совсем как у Н. В. Гоголя в одноименной повести), а сам клад «прямо на глазах» ушел в землю аж на 100 м и достать его «нетути никаких возможностей». Как вспоминал на склоне лет известный наш археолог А. П. Смирнов, эти сказания об уходящих в землю кладах почему-то особенно популярны были у чувашей Поволжья, а также у жителей Урала. Помните, как в сказах Бажова камни-самоцветы «уходят» в Медную гору по приказу ее Хозяйки? Но кто не рассердит ее, тому воздастся. Совсем как в песне из кинофильма «Дети капитана Гранта»:

*«Кто хочет – тот добьется.
Кто ищет – тот всегда найдет!»*

КТО ИЩЕТ – ТОТ НАЙДЕТ

Итак, клады могут быть везде. Или *почти* везде, если вспомнить об осечке интуиции Паниковского с гириями Корейко. Редкой, заметим, осечке.

В жизни кладоискателей таких осечек куда как больше. И несмотря на это – ищут везде. И всегда. По крайней мере, уж не одно столетие. Взять хотя бы «Серебро Закамское». Думаете, им заинтересовались «ценители изящного искусства» недавно, лишь в XX в.? Ничуть ни бывало, наш дорогой читатель! Ибо еще в XIV в., 600 лет назад, «Серебро Закамское» (массовые находки сасанидских и византийских сосудов и чаш) стало поводом для конфликта и долгих «разборок» между Новгородом и Москвой, о чем не раз сообщали документы. Новгород уже давно именовался Господином Великим, Москва же в XIV в. еще была далеко не белокаменной и златоглавой столицей, чтобы диктовать свою державную волю городу на Волхове. Спор шел на равных. Лишь к XVI в. Белокаменная смогла протянуть свои длани к «Серебру Закамскому», а в 1669 г. царь Алексей Михайлович (отец Петра) уже по-хозяйски гневался, что в Башкирии «...русские люди в татарских могилах, или кладбищах, выкапывают золотые и серебряные всякие вещи и посуды...» без государева ведома! А посему велено было в Первопрестольную представить полные сведения об этих находках: государство Московии уже готовилось в законодательном порядке оформить право державы на недра, землю и все находящиеся в ней сокровища. Они, конечно, были. И неважно, с кем их связывали: с татарами, ногайцами, атаманом Кудеяром – важно, что были курганы. И курганы – не пустые!

Поэтому обычно по осени, после окончания полевых работ и сбора урожая, когда жухнет трава на холмах и их легче становится копать, десятки местных «кратов» (или бугорщики) выходили в степь на «промысел». Не зная, как и где копать, большинство в награду за тяжкий

труд получало лишь обломки глиняной посуды и костей. Такого добра хватало у каждого и на своем дворе! Но стоило какому-либо счастливчику откопать несколько мелких золотых украшений (скажем, блях с изображением животных), как такие находки с новой силой подпитывали энтузиазм местных Джонов Сильверов, а молва моментально мелкие фигурки животных «выращивала» до золотых коней и быков едва ли не в натуральную величину. По сей день, как говорят старики, эти золотые исполины еще лежат в земле. А из-под горы Митридат, что в Керчи, например, якобы до сих пор один раз в году слышится жалобное ржание золотых коней царя, оставленных в подземелье своим хозяином за миг до гибели... И здесь тоже хватает энтузиастов, как и на земле Уральской: о варварских раскопках местных «знатоков» еще в начале XIX в. сообщал Дюбрюкс. Что же касается Урала и Зауралья, то еще в 1721 г. путешественник и ученый-фольклорист Даниил-Готлиб Мессершмидт с горечью отмечал, что раскопки тут были издавна привычным промыслом населения, т. к. тамошние курганы нередко давали этим копателям-«бугорщикам» предметы из драгоценных металлов. Кстати, местное население, башкиры и ногайцы, как правило, курганы и старые городища не трогали, хотя и не считали их памятниками своих предков. Преуспевало в этом занятии почти исключительно

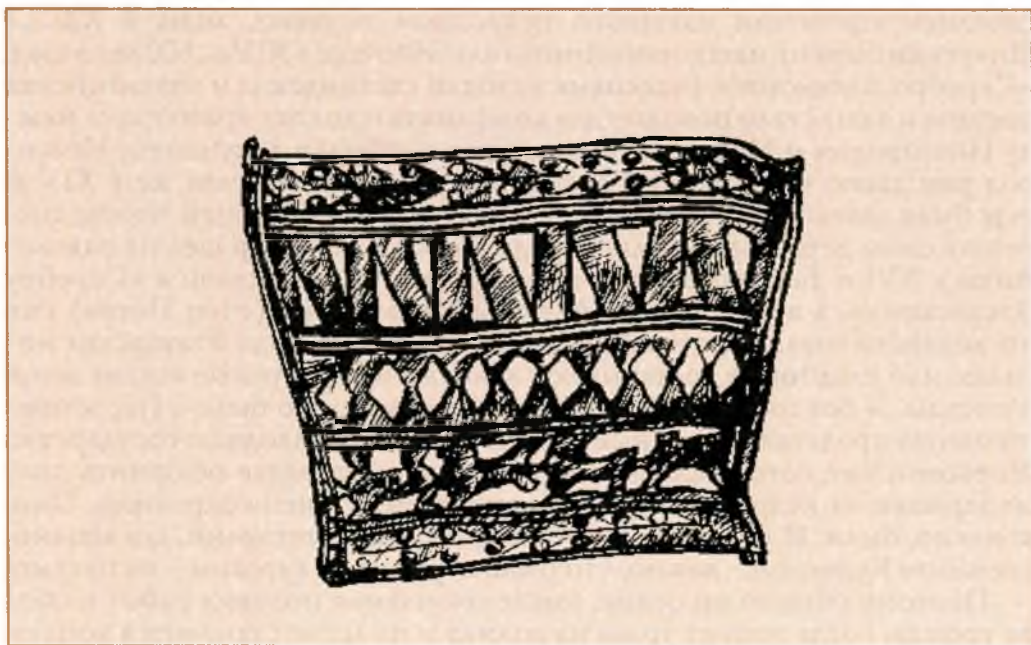

Рис. 7. Золотая пектораль из сарматского погребения у с. Кошки

но пришлое население, в поисках кладов уничтожая попутно сами курганы и другие памятники прошлого.

На пути в Китай и Монголию путешественники и послы неоднократно сообщали в Москву, что на Иртыше русские разрывают «бугры» и находят там золотые стремяна и чаши, а возле Томска также не раз находили эти «старатели» вещи из золота, меди и серебра, драгоценности и древнее бронзовое оружие, похожее на то, что хранится во дворцах китайских ванов. Многие из этих бесценных для науки предметов бесследно пропало, скупленное задешево и тотчас же переплавленное в заурядные бруски-слитки.

Но кое-что, и немало, из сокровищ уральских и сибирских курганов попало в цепкие руки владыки Каменного пояса, хозяина и основателя многих уральских заводов Никиты Демидова. Был он любимцем Петра I, умел ладить и с царицей Екатериной I. Не раз одаривал он к «именинам сердца» царицу сундучками, полными золотых монет собственной же (!) чеканки, за что «мать Отечества» его слегка журила. А в 1715 г. Невьяновский властитель по обыкновению преподнес царице очередной сундучок, присовокупив к нему ...золотые вещи «старой работы», как смущенно признался. Предметы «старой работы», судя по описанию современников Петра, были явно из курганов Западной Сибири, выполненные в типичном скифо-сибирском «зверином» сти-

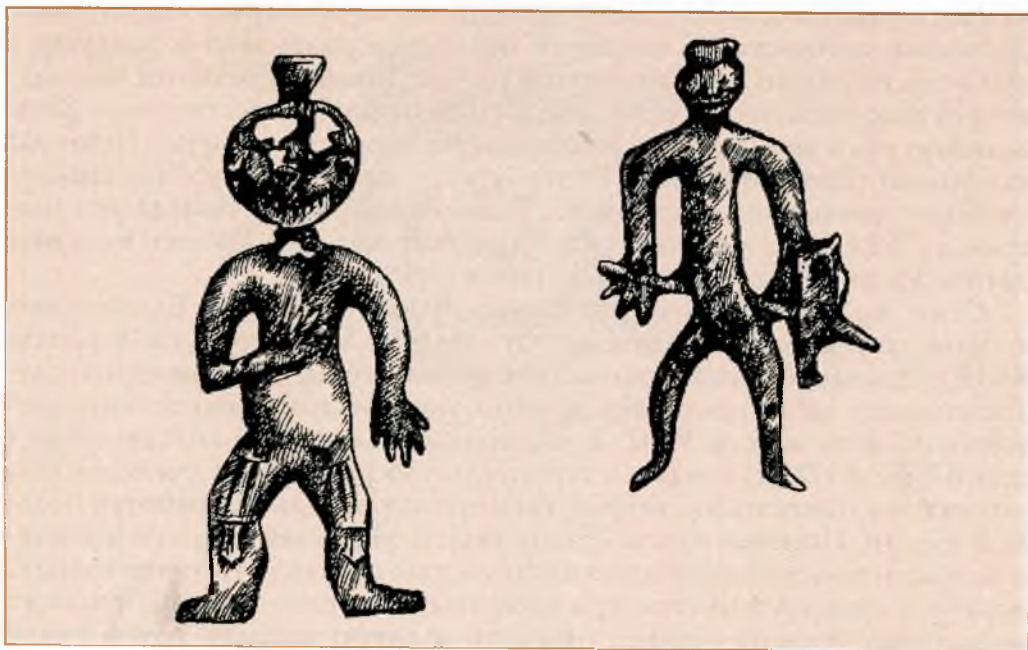

Рис. 8. Находки у д. Сапогово в Зауралье

ле: бляхи с изображением борьбы зверей и несколько шейных гривен с фигурками зверей на концах.

Не эти ли предметы демидовского «дара» послужили поводом Петру I издать указ об «учинении Кунсткамеры»? В указе по этому поводу была специально отмечена и предписана обязательная сдача в новый музей всех найденных древних предметов: «...а ежели кто найдет в земле или воде какие старые вещи..., необыкновенное оружие, посуду и прочее все, что зело старо и необыкновенно, – такожь бы приносили, за что давана будет довольная дача». Тех же, кто в обход указа не сдавал найденное государству, ждала суровая кара гневливого Петра Алексеевича: «бугровщиков» он не жаловал и предписывал «гробокопателей», что «сыскивают золотые стремяна и чашки, смертью казнить, ежели пойманы будут...»¹.

Но Россию, действительно, «умом не понять, аршином общим не измерить», ибо в обход указа, надеясь на русское «авось», копали до Петра, копали и после. И не только по осени, но и ранней весной. У сибирских крестьян была своего рода традиция – по последнему санному пути отправляться в степь, организовавшись предварительно в ватагу до 200 человек. В степи же разбивались на более мелкие отряды и приступали к «делу» – раскопке курганов-маров. При нападениях неумевных калмыков защищались сообща, сосредоточенно и молча. Потом также сообща делили найденное, по принципу «коммунии». Да только ценности-то находили нечасто, а разрывали и разрушали при этом шурфами десятки и сотни маров. Доныне археологи исследуют эти разрушенные курганы, пытаясь по остаткам восстановить разорванную нить времен. Увы, многое потеряно безвозвратно. Невзирая на грозные указы Москвы и Петербурга, целые артели «маровщиков» ежегодно выходили на промысел. Бывало, конечно, и попадались властям: в 1753 г. одна из таких групп была поймана на р. Узени и в составе пяти человек доставлена на следствие в Оренбург.

Сами же власти, хотя формально, блюли законы и благочестие, а проводя раскопки, найденное отправляли в центр. Еще в начале XVIII в. голландец Дорт, длительное время пребывая в Башкирии, случайно нашел здесь несколько древних могил с драгоценностями, уведомив об этом власти Уфы. А несколько десятилетий спустя, когда в самой Уфе в 1782 г. началось строительство ряда домов для ведомства городского наместника, вскрыт был при строительных работах большой курган. Помимо массы мелких вещей, керамики, оружия и костей, нашли конский прибор из чистого золота. Ввиду того что находка получила огласку, а многие при раскопках ее и сами видели, пришлось наместнику (скрепя сердце) отослать золотую находку якобы самой

¹ Радлов В. В. Сибирские древности. СПб., 1891. Т. I. Вып. 2. С. 24.

Екатерине II, а была ли она отправлена и дошла ли – судить не беремся, но в Эрмитаже и Кунсткамере ее нет.

За этой случайной находкой последовали другие. Невозможно умолчать о результатах 1827 г. Он открыл своеобразный «археологический сезон» в Уфе, хотя начался весьма заурядно: в городе решили построить пару новых улиц с новыми домами. Разрыли землю площадью в половину квартала: что-что, а рыть в России всегда умели... По случаю же получилось и то, что на месте сноса старого земельного массива выявился курган. Даже и не курган, а так – курганчик. Но не зря ведь говорят, мал золотник, да дорог. Курганчик-то и впрямь оказался с золотой «начинкой» в виде конских приборов, оружия, каменных склепов с вещами из золота и железа, меди и серебра. Ведь археологические предметы, найденные на частных землях, обычно в частных руках и оставались. Примеров тому – тьма. Вот один из них, опять-таки связанный с зоной Уфы. Здесь в 1878 г. около д. Новиковка было обнаружено богатое погребение. Хозяин этих владений и земли, где велась раскопки, В. А. Новиков, наиболее ценные вещи оставил у себя и лишь малозначительный материал находок отправил в музей Уфимского статистического комитета... «Безусловное воспрещение без надлежащего разрешения каких-либо раскопок на казенно-заводских, церковных или общественных землях с целью кладоискательства либо иного

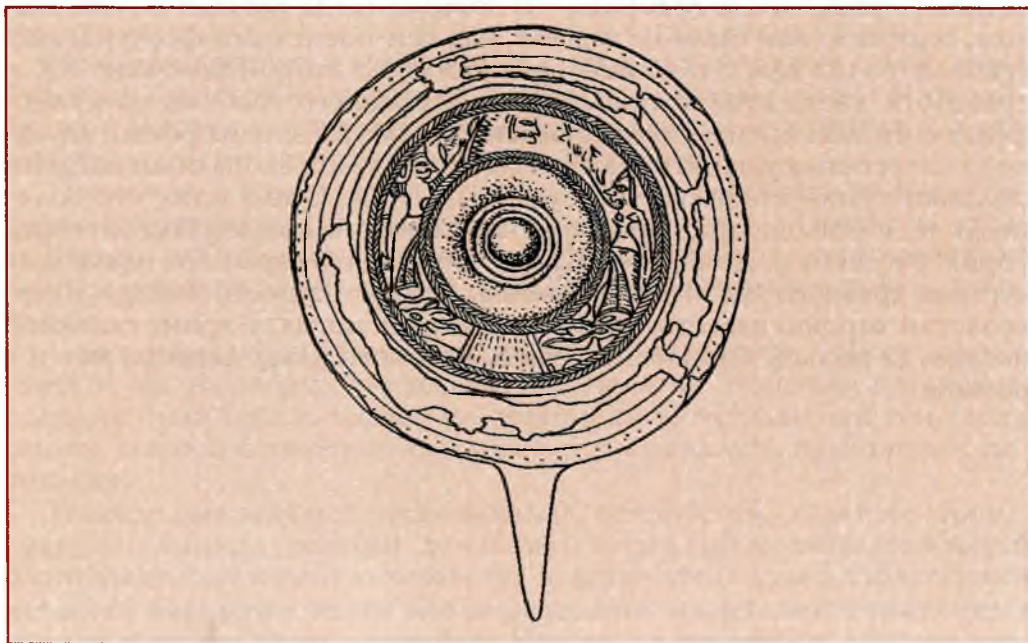

Рис. 9. Обратная сторона бронзового зеркала.
IV в. до н. э. Курганная группа Мечет-Сай

способа извлечения старинных вещей...», а также категорическое недопущение сокрытия частными лицами *случайных* находок старинных монет, оружия и прочего..., грозимые циркуляром Министерства внутренних дел от 4 ноября 1869 г., не особенно пугали землевладельца.

До сведения *компетентных* комиссий и органов все же доходили данные о стихийном продолжении «самобытного народного промысла». Стремясь хоть как-то предотвратить (или хотя бы уменьшить) ущерб варварских раскопок, Губернские ученые комиссии (в т.ч. Оренбургская, в ведении которой была и Башкирия) предлагали обращаться к ним за профессиональной помощью всех желающих честно и открыто производить археологические изыскания. Находились и такие. Однако «самотворчество» не иссякало. В апреле 1902 г., поверив умирающему 115-летнему старику из с. Красногор Оренбургского казачьего войска (ныне Саракташский район Оренбургской области), что в курганах на окраине села еще дед этого деда копал клады в виде денег, чаш и оружия, казаки, развернувшись цепью, пошли с лопатами наперевес на штурм холмов.

И лишь вовремя подоспевшее начальство пресекло дальнейшее разграбление холмов-шиханов. Найденные же три проржавевших железных меча да медный котел были отправлены в Оренбургскую ученую комиссию, пополняя коллекцию будущего Государственного краеведческого музея. Что и говорить, не повезло тогда казакам с золотишком. Впрочем, они были не первые, над кем посмеялась фортуна, ведь грабили-то могилы с глубокой древности! Во второй половине XX в. археологи вновь столкнулись с фактом древнего грабежа на Старо-Ябалаклинском могильнике абашевской культуры эпохи бронзы: впускного погребения у памятника не было, но в засыпи вкопа были найдены обломки кушнаренковского сосуда VIII–IX вв. Стало ясно, что более поздние, чем абашевцы, кушнаренковцы, придя на новую для себя территорию бассейна р. Дема, решили «уточнить», что скрывают невысокие курганы древнего местного населения. А вдруг – золото? Теперь-то археологам хорошо известно, что в абашевских могилах, кроме глиняной посуды да мелких бронзовых вещей, никакого золота-серебра нет и в помине.

ЭРМИТАЖ ДЛЯ КАМЕННОГО ВЕКА

Какая, казалось бы, существует связь между знаменитым музеем города на Неве и эпохой глубокой древности человечества? Конечно, в Эрмитаже есть несколько залов, посвященных наследию Древнего Востока и античного мира, рыцарского средневековья и эпохи европейского Ренессанса, но все-таки главная его коллекция содержит произведения искусства XVII–XIX вв. Эрмитаж, таким образом, как бы зеркало великого 300-летия. И причем тут тогда каменный век?

Не будем спешить с выводами. В каждую эпоху рядом с известным Рубенсом было три неизвестных, а наряду с прославленными Микеланджело и Растрелли трудились не менее даровитые художники и архитекторы, так и оставшиеся для нас безымянными.

И кто после этого дерзнет утверждать, что древность не знала Рафаэля и Боттичелли? А росписи пещер Ласко и Альтамира на западе Европы и Каповой на ее востоке! И свои знаменитые оружейники были, и янтарных дел мастера, и свои Родены – певцы красоты женского тела.

С них, пожалуй, и начнем наш рассказ о палеолите – эпохе, отстоящей от нас на добрых два десятка тысячелетий. Конечно, в то время, когда не были еще известны ни драгоценные металлы, ни тем более деньги, главной ценностью являлись предметы культа, поклонения, почитания.

И среди них ведущее место занимал, естественно, культ женщины-прародительницы, хозяйки домашнего очага, покровительствующей благоприятному ведению хозяйства и охоте. Этот культ, характерный для всего населения земли эпохи палеолита, нашел свое отражение в зримых женских образах древнего Родена – в статуэтках, так называемых «палеолитических Венерах». И пусть не было еще под рукой мрамора, но глина и кость уже имелись для воплощения образа Хозяйки

Рис. 10. Сложные образцы, отражающие различие тотемических символов

жизни. Более 100 экземпляров этой главной богини древности дошло до нас сквозь даль тысячелетий. Различного размера (от 4 до 22 см в высоту), они типичны в своем исполнении: это подчеркнуто объемистая грудь кормилицы, выпуклый, как у роженицы, живот, жировые валики в области бедер, плотно сведенные ноги и тонкие, по-женски изящные руки, опущенные вдоль туловища. Статуэтки такого типа были широко распространены, судя по находкам, на территории Восточной Европы. И встречаются они, как правило, на территории жилищ недалеко от очага. Естественно, в земле, где же еще! Это сейчас безвкусные по большей части рекламные ролики предлагают нам хранить свои сбережения и ценности в том или ином сбербанке. А где хранили свои сокровища люди до появления банков и сейфов? Конечно, в земле. Здесь и находят археологи главное богатство каменного века, святыню-оберег каждого рода-племени, Хозяйку, Великую богиню – Мать. Наиболее характерно, видимо, в этом плане поселение эпохи палеолита Костенки I близ Воронежа. Подумать только, на небольшой территории древнего селища в ямках у очагов домов было обнаружено... 76 каменных «Венер»! Это же больше половины всего найденного в Европе... Такое ощущение, что здесь действовала целая школа под руководством Праксителя эпохи палеолита. И второе впечатление: все статуэтки намеренно спрятаны в земляные ямки для сохранения, да так и не возвращены назад. Вплоть до их открытия археологами. В чем же причина массового сокрытия главного оберега времени, внутренняя она или внешняя – ответа пока нет...

Это и неудивительно, ибо для более или менее точного ответа надо располагать достаточно массовым (репрезентативным) материалом, а клады и находки эпохи палеолита – вещь чрезвычайно редкая. Как правило, это стоянки древнего человека по берегам рек – такие, как Майнинская в долине Верхнего Енисея, Сосновое озеро в Минусинской котловине, Аил на Алтае, Тумулур в долине Алдана. «Расшифруем» теперь для нашего читателя эти топографические символы.

Вот, например, находка у Соснового озера: плотно уложенные друг к другу каменные орудия и их заготовки дополнялись и «оживлялись» лежащими здесь же изделиями из кости. Еще более скромн Аильский клад, содержащий орудия труда и заготовки, а также первичные отщепы кремня. Ни тебе золота-серебра, ни – на худой конец – бронзы, казалось бы... Не торопись, читатель, *все* это еще будет. А пока перед нами заря человечества, где каждая находка – истинный клад, а каждый клад – строка или даже страница в Книге жизни человечества. И потому тут нет мелочей.

Вот, скажем, Тумулурский клад с левого берега р. Алдан на севере Сибири. В 1964 г. здесь была открыта и раскопана палеолитическая стоянка огромной для той эпохи площади – целых 460 м². А наход-

Рис. 11. Различие тотемной символики различных этносоциальных единиц.
 1, 3, 4 – человек с неопределенным зооморфным символом; 2 – человек-медведь

ка орудий труда на этой территории занимала всего-то пятак земли размером 25х25 см! Но пятак этот стоил многого. Ибо ни рядом, ни где далее на всей площади стоянки остатков очага обнаружено не было, а кучка бифаксов (каменные орудия труда, ножи, а также наконечники копий) оказалась забытым «кладом» древнего мастера¹. Кладом очень редким, ибо в силу трудоемкости изготовления кремневые изделия считались тогда наиболее ценными орудиями труда: ими не бросались, а бережно хранили, как позднее стали беречь шлифованные изделия, а в эпоху металла – изделия из бронзы и железа.

Майнинский клад на берегу Енисея тоже занимал небольшую площадь: 20х30 см. Но чтобы выйти на него, в отличие от Тумулурского (тот лежал практически на поверхности), пришлось углубиться в землю почти на 4 м! Судя по необычайно плотной компановке вещей, клад, видимо, был чем-то обвязан или хранился в свертке из шкурки животного. Чем же дорожил в эпоху палеолита житель Енисея? Отчасти ответ на это и дает Майнинская находка. Здесь 6 орудий, большинство из которых изготовлено из черного кварцита: 2 скребла и 2 отбойника, долотовидное орудие, несколько отщепов и скол того же материала. Украшением же находки является, без сомнения, прекрасно сохранившееся овальное скребло зеленого кремнистого сланца, большую часть которого покрывает нанесенная древним мастером чешуйчатая полукруглая (была ведь такая техника) ретушь². Перед нами, в сущности, не только орудие труда, но необычное произведение искусства, оформленное, имея в виду ретушь, с позиций эстетики времени.

Можно предполагать с большой долей уверенности, что и лежащие вместе со скреблами заготовки (сколы, отщепы) ожидали обработки палеолитическим умельцем. Время распорядилось иначе, и не нам его судить. Есть данность, факт в виде древнего клада с берегов Енисея, и это уже само по себе – праздник для археологической науки. И не только для нее, если вдуматься, а для всех, кому дорого наше прошлое. Ведь без него не было бы настоящего и, тем более, будущего. Мы о том, что называют связью времен... И вот по связующей времена нити истории обратим теперь наш взор к позднему каменному веку – неолиту.

Шли годы, века, тысячелетия, сменялись десятки поколений людей, унося в мир иной отжившее и создавая то новое, вечное, что через десятки веков дошло до нас, нынешних жителей Приуралья. Именно здесь, на берегах Уршака и Белой, найдены памятники позднего неолита. В первом случае авторами находки стали школьники, которые в 1,5 км от д. Чишмы на невысоком берегу реки случайно заметили два

¹ Мочанов Ю. А. Древнейшие этапы заселения человеком Северо-Восточной Азии. Новосибирск, 1977. С. 69–74.

² Васильев С. А. Клад каменных орудий из Майнинской палеолитической стоянки // СА. № 3. 1985. С. 247–249.

кремневых наконечника. Подоспевшие, по их заявке, археологи заложили в указанном месте траншею, намереваясь рыть никак не меньше, чем на Майнинской стоянке у Енисея (вспомните-ка, не переворачивая страницы, глубину нахождения того клада!).

К счастью, таких усилий не потребовалось: находки были встречены уже на глубине 35 см от поверхности. Уршакский комплекс включал в себя 20 целых и 13 фрагментарных наконечников стрел, обломок песта, тесло и с десятков сколов темного кремня зауральского происхождения. Обращали на себя внимание прежде всего, конечно, наконечники стрел листовидной формы, обработанные с обеих сторон ретушью. Изготовленные частью из зауральского кремня, а частью из яшмы (!) зеленого, серого, черного и красного цветов¹, они так и просились в залы Музея геологии и полезных ископаемых в Уфе на улице Ленина, либо в Республиканский краеведческий, если уж не создан пока Эрмитаж каменного века...

Под стать Уршакской и Затонская коллекция наконечников, включающая в себя более 40 экземпляров из того же темного зауральского кремня². Очевидно, оба клада были оставлены населением, прибывшим в бассейн Белой из Зауралья (где подобный кремнь встречается в изобилии), но по каким-то причинам не закрепившимся ни по ту, ни по эту стороны Уральского хребта. То ли местное население встречало без хлеба-соли, то ли еще какие были тому причины, да только ушли зауральцы дальше, оставив «на память» эти клады.

Иную картину наблюдают исследователи при изучении находок волосовской культуры рубежа 3-го–2-го тыс. до н. э. Встречаемый здесь инвентарь, рассыпанный вперемешку с углем или найденный в кучке, как правило, густо окрашен красной краской. Он относится как к готовой продукции наконечников копий, стрел, скребкам, ножам и сверлам, так и к их заготовкам.

Подобную картину можно видеть, к примеру, на стоянке Володары, сходный же обряд наблюдается и на другой стоянке этой культуры – Сахтыш II в Ивановской области³.

Клад из 60 каменных предметов (ножи, скребки, сверла, топоры, наконечники стрел и копий, а также – вот новшество! – костяные застёжки и подвески) был окрашен охрой в красный цвет. Волосовской стоянке (по ее имени и названа вся культура позднего камня) – и вновь красное покрытие! Следует, конечно, иметь в виду, что волосовские

¹ Морозов Ю. А. Клад каменных орудий на р. Уршак // СА. 1982. № 4. С. 214–215.

² Збруева А. В. Затонское селенце // Археология и этнография Башкирии. Т. 1. Уфа, 1962.

³ Крайнов Д. А. Новые исследования стоянки Сахтыш II // Краткие сообщения Института археологии (далее КСИА). 1982. Вып. 169.

находки – не одиночные клады «во степи глухой» (где повально страдали да замерзали ямщики из народных песен России). Так называемые Волосовские клады – это, как правило, комплексы, обнаруженные в погребениях. И то, что находили рядом с этими могильниками, лишь составная часть заупокойного ритуала, где все сопровождавшие хозяина в мир иной предметы обязательно покрывались красной краской¹.

В чем-то близок к волосовским находкам, но уже без столь характерного красного покрытия, клад Аксу из степного Притоболья. Найден он был в 1980 г. как и большинство настоящих кладов случайно, при строительстве оросительного комплекса на левом берегу р. Тобол. На глубине всего 20 см, на стыке гумусной почвы со слоем желтого песка, обнаружили и вышли из-под ножа скрепера на белый свет 202 предмета из кварцита и кварцитопесчаника. Скрепки и топоры, нож и долота, тесла и неперенный «фирменный знак эпохи» – наконечники стрел терсекского типа. А это уже энеолит или медно-каменный век, т. е. следующий период истории.

Казалось бы, новшества этой эпохи не могут привлечь особого внимания, они вроде как тихи и незаметны. Действительно, и орудия, и техника их обработки, и материал производства – те же. Взять хотя бы поселение Пегрема I в Карелии, где в числе прочего было найдено около двух десятков заготовок рубящих орудий труда (топоров, кирок, тесел) из темно-зеленого карельского сланца, к тому же весьма грубо обработанного...² Или вспомним Илекскую находку 1981 г. у с. Ветлянка в Оренбуржье, где прямо на песчаных выдувах берега Илека школьники увидели два скопления кремневых орудий труда, в том числе топоришков-тесел размером от 9х3,5 до 18х7 см опять же без следов «прилицивающей» им шлифовки. «Где же прогресс?» – спросит наш читатель.

«Да вот же он, вот!» – радостно ответят ему специалисты и в доказательство правоты приведут немало доводов: да, материал изделий прежний, но посмотрите, как расширился ассортимент изготавливаемых орудий труда! Говорите, илекские топоры не шлифованные? А кто сказал, что найденное – это все, что создал илекский мастер? В Карельской стоянке рядом с находкой тесел ведь была обнаружена «мастерская» и по вторичной обработке орудий труда. Можно ли утверждать, что такой же не было у илекца? Нельзя! Не найдено – другое дело. Да ведь найденное на сегодня – лишь несколько процентов или даже доля процента из того, что еще хранит земля. В эпоху энеолита в быт человека постепенно начинает входить медь, преобразуя тем самым и его

¹ Цветкова И. К., Крайнов Д. А. Ритуальные «клады» стоянки Володары // Памятники древнейшей истории Евразии. М., 1975. С. 102–111.

² Журавлев А. П. Клад сланцевых орудий на стоянке Пегрема I // СА. 1971. № 1. С. 247–249.

Рис. 12. Сложный узор человеко-лося-птицы на «ящере» в разных ракурсах.
По Л. С. Грибовой

орудия производства, и украшения, где, кстати, изделия из кости мало-помалу вытесняет янтарь.

Эта ископаемая, окаменевшая смола хвойных растений третичного периода геологической хронологии земли (около 1 млн лет), высоко ценилась в древности как украшение. Янтарь легко поддавался обработке: его можно было резать и точить, придавая предмету любую заданную форму. А после полировки он начинал испускать ровный, теплый свет. Не зря в Древнем Риме изделия из янтаря стоили подчас выше, чем обычный, пусть даже и крепкий, раб... В настоящее время древнейшие месторождения янтаря известны ученым в прибрежной полосе арктических морей – это районы Большой земли и тундрового ныне побережья Печоры и Мезени. Еще в XVIII в. И. И. Лепехин и П. С. Паллас в отчетах Петербургской Императорской Академии наук отмечали находки янтаря на Югорском берегу и соседних территориях Белого и Печорского морей, причем указывали не только на находки, но и на кустарную добычу и обработку камня местным населением. Однако в древности месторождения арктического янтаря, судя по материалам местных стоянок, не разрабатывались. Во всяком случае, на выявленных археологических памятниках о янтаре не упоминается.

Хорошо известен был на Европейском Севере другой янтарь – прибалтийский, т. к. на некоторых древних поселениях этого региона эпохи неолита и энеолита встречается до 300–400 изделий из балтийского янтаря. Это и неудивительно: уже в наше время близ п. Янтарный Калининградской области в отдельные годы добывали до нескольких десятков тонн янтаря, что говорит о неоскудевшей до сих пор жиле залежей древней смолы. Можно представить, сколько ее было 5–10 тысяч лет назад... А ведь в те времена свой янтарь был известен и на Украине, судя по отдельным его поделкам в районе выхода на поверхность залежей минерала сукцинита. Правда, наличие примесей хрома, серы и кальция делало украинский янтарь менее прозрачным и ярким, так что модницы эпохи энеолита явно предпочитали ему более «качественный» камень из Прибалтики. И ныне археологи по Верхней Волге и всему европейскому северо-востоку встречают многочисленные изделия именно из этого янтаря. Здесь различные по форме подвески и пронизки, пуговицы с необычным V-образным сверлением, кружки и броши, зоо- и антропоморфные фигурки, заготовки и отходы производства.

Встречается янтарь и у нас, в Приуралье, но по большей части лишь в его северной зоне. Это немногочисленные находки с поселений гаринско-борского типа эпохи энеолита: подвески овальной или почти треугольной формы, типологически близкие прибалтийским. Встречаются они, но уже реже, и на поселениях той же эпохи в бассейне Камы и Вятки. Южнее же лесной полосы Восточной Европы эпохи энеолита

янтарь уже не попадаетс¹. И судя по географии его распространения, культурные связи (а может быть, и миграции) населения простирались в это время по лесо-таежной зоне от Прибалтики на восток, вплоть до Урала. И найденных на этих просторах изделий хватит, пожалуй, не только на Янтарную комнату, но и на целый зал Эрмитажа!

А если взять находки клада у с. Карбун (Чимишлы́йский район Молдовы)? Мы уже замечали, что в эпоху энеолита в быт населения медленно и неуклонно начинает входить медь. И если орудия труда оставались из кости и камня, то украшения все более начали изготавливать либо из янтаря (мы об этом уже говорили), либо из меди. Это и подтверждает Карбунский клад 1961 г., где в двух составленных друг к другу горловинами сосудах находилось более 800 (!) предметов украшений, в том числе почти 450 – из меди². Эти браслеты и привески, накладки и бляшки (головные, поясные и ножные), сотни бусин и несколько антропоморфных фигурок, а также два каменных топора оставило нам в наследство в виде клада раннеземледельческое население трипольской культуры. И для экспозиции этого клада двух-трех стендов, поверьте, явно маловато. И еще – янтарь. И «неолитические Венеры». И настенные росписи Каповой и других пещер, выполненные безымянными Рубенсами и Рембрандтами. Не зря же древнекитайская мудрость утверждала, что каждые 500 лет появляется великий человек! Значит, за тысячелетие – двое? А если в каменном веке почти 20 тысячелетий, сколько получим по китайской арифметике? А ведь жизнь – это не «дважды два – четыре» (одна Древняя Греция за один V в. до н. э. дала десятки великих имен...). И пред нами – творения десятков, а то и сотен безвестных талантов каменного века. Ну разве не достойны дошедшие до нас шедевры своего Эрмитажа?..

¹ Стоколос В. С. Янтарь на археологических памятниках Европейского Севера // Минералы в материальной культуре древних уральских народов. Свердловск, 1988. С. 34–39.

² Рындина Н. В. Древнейшее металлообрабатывающее производство Восточной Европы. М., 1971. С. 51–54.

СЕКРЕТЫ ЭПОХИ БРОНЗЫ

Ни одна из древних эпох истории человечества не ставила перед современной столько загадок, как эпоха бронзы. Каждая находка этого периода ставила перед учеными ряд проблем и вопросов.

Бронзовый век (2-е тыс. до н. э.) оставил нам в наследство столь великое количество находок и кладов, что одно только их более или менее беспристрастное упоминание с сухим перечнем содержимого заняло бы не главу, а 4–5 книжек потолка той, что держит сейчас читатель. Так что впредь нам такую ситуацию придется учитывать, отбирая на эти страницы только самое-самое.

Начнем с Бородинского клада. Нет-нет, он не с поля славы российского оружия и народного духа 1812 г.! Речь о кладе с. Бородино, но гораздо более южного расположения – из Аккермановского уезда бывшей Бессарабии. Отсюда и второе название клада – Бессарабский. И на календаре у нас будет не осень 1812 г., а лето 100 лет спустя, жаркий июль 1912-го. Именно тогда крестьяне, добывая камень из небольших насыпей на окраине села, случайно наткнулись в одном из неприметных холмов на предметы глубокой древности. находка тотчас была передана одесскому археологу Э. Р. Штерну для «опознания». «Очная ставка» маститого историка с 17 предметами находки затянулась почти что на год и, как сейчас увидим, не случайно. Что же предстало перед глазами ученого? Из 17 предметов в хорошей сохранности было 11; 6 предметов дошло, мягко говоря, в неважной форме – во фрагментах. Здесь были 2 наконечника копья и втулка от третьего, большая булава и кинжал – все из серебра. А также 4 полированных топора из нефрита, 3 различной формы наконечники булав из камня и обломки неясных предметов.

Привлекли к себе внимание прежде всего серебряные наконечники копий. Один из них был длиной аж в 34 см! Это целый кинжал, а

то и меч, насаженный на копье. И весил он почти 520 г! Более полукилограмма благородного металла небывалой по высоте 916-й пробы. Из того же серебра была и сохранившаяся от третьего копья втулка. Второе копье явно было «не пара» первому: и размеры наконечника меньше, и вес лишь 280 г, и проба серебра на уровне 400-й. К тому же здесь применен сплав серебра с медью.

Несмотря на разное качество металла, техника его обработки во всех трех предметах едина: ювелирная точность проковки лезвий (берегли серебро...). Полировка. По поверхности пера орнамент, повторяющийся у обоих наконечников и выполненный с помощью чеканов одним, очевидно, мастером.

Но самое интересное то, что все три втулки украшены нарезкой и инкрустированы листовым золотом 750-й пробы, причем орнаментация настолько тонка, что на все три копья затрачено... 5 г (!) листового золота. Вот это работа! Золото, заполняя углубления в серебре, способствовало закреплению золотой пластинки на копье – в глубокой древности этот прием был хорошо известен мастерам Крита, Элады и вообще зоны Эгейского моря. Подобную технику можно наблюдать, изучая, например, предметы «клада Приама» из древней Трои середины 2-го тыс. до н. э. Да и другие предметы Бородинско-Бессарабского клада, как утверждают антиковеды, имеют явные параллели с раннегреческим миром.

Все, казалось бы, ясно. Если бы это было так! Вот очередная загадка: копья, подобные бородинским, но из бронзы, были широко распространены в середине того же 2-го тыс. до н. э. в Поволжье, Казахстане и Приуралье. Это, во-первых. А, во-вторых, спектральный анализ серебра трех бородинских наконечников неопровержимо указал на источник этого металла – Никольское месторождение на Урале! Было о чем подумать Э. Р. Штерну, готовясь к Международному конгрессу историков 1913 г. в Лондоне... Одесский археолог не рискнул тогда сделать в своем докладе окончательные выводы, предложив аудитории альтернативу: либо копья были сделаны греческими мастерами на Урале в XIV–XIII вв. до н. э., а потом каким-либо образом оказались у берегов Черного моря, либо, что вероятней, из привозного уральского серебра по заказу крупного понтийского вельможи они были сделаны там же, в одном из приморских городов. Отметим, что с середины нашего века в литературе все чаще стала мелькать версия о том, что предметы клада неместного производства поступали сюда с островов Эгейского моря. Может быть. Но как тогда объяснить *уральское* происхождение серебра? Вот загадка, не решенная доньше! Ясно пока лишь, что предметы клада принадлежали когда-то весьма богатому и влиятельному человеку. Он мог быть военачальником высшего ранга, а скорее всего – племенным вождем, во власти

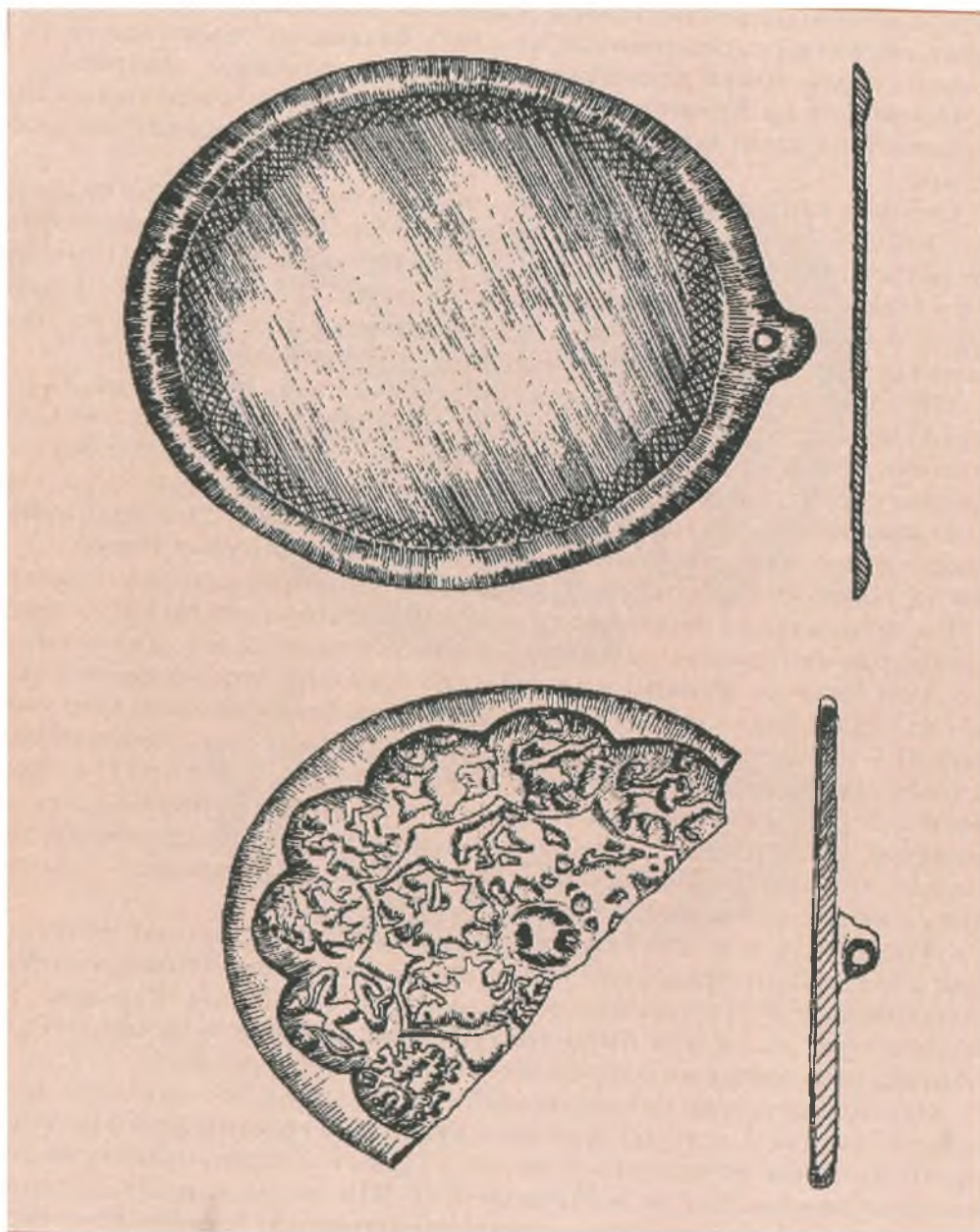

Рис. 13. Вещи Куганакского клада

которого находилось несколько родов или этносов. Об этом явно говорят символы родоплеменной власти – булавы из белого камня (а в кладе их целых три) и двулезвийные ритуальные топоры – лабрисы.

Последние на Крите и в Греции 2-го тыс. до н. э. были символами верховной царской власти. Здесь, у Аккермана, их в обороте было даже четыре...

Сколько написано уже об этой поразительной находке за прошедшие 100 лет – не сосчитать. А вопросы датировки, принадлежности и места изготовления клада так и остаются без ясного ответа. Помните, как у Некрасова: «В каком году – рассчитывай. В какой земле – угадывай...» А клад тем временем не одно десятилетие уже является украшением Государственного Исторического музея в столице России.

Не менее загадочен, пожалуй, и Галичский клад, найденный на берегу Галичского озера земли Костромской в 1835 г. у с. Туровское. Собственно, об обстоятельствах находки, кроме года, ничего не известно. Словно с неба свалился, хотя найден явно в земле. В состав клада входили вислообушный топор, несколько ножей, кинжал с изображением диковинного зверя на рукоятке, целая коллекция фигурок зверей и людей (а также их головок), бронзовые, как и все предыдущие, подвески и браслеты, а также несколько совершенно непонятных по назначению предметов, которых не встретишь ни у крестьянина, ни даже у шамана. Да и были ли шаманы у людей того племени, что оставили в земле свой клад? Ведь кто был хозяином находки (один человек, семья или племя) – неведомо. К какому этническому и языковому миру принадлежали сородичи хозяина клада – тоже неведомо. Сами по себе предметы с берега Галичского озера похожи на аналоги многих археологических культур эпохи бронзы, в том числе на такие отдаленные, как, скажем, мир алтайской бронзы... Так что Галичская находка – уравнение со многими неизвестными.

А дело все в том, что в середине 2-го тыс. до н. э. путь от центральных областей до предгорий Алтая прошли многочисленные кочевые, полукочевые и пастушеско-земледельческие племена Евразии. По большей же части это были пастушеские племена индоевропейцев, обитавших в степях и лесостепье между Доном и Уралом.

Исследователи не без оснований связывают их с создателями древнейших (вначале устных) арийских культовых текстов, которые после проникновения их носителей на юг, в Иран и Индию, отлились в знаменитые гимны Авесты и Ригведы XVI–XIV вв. до н. э. Эти общины пастухов и металлургов, попутно занимающихся земледелием, передвигались порой в поисках медных руд и новых удобных пастбищ на весьма значительные расстояния. И добытый на Урале металл нередко

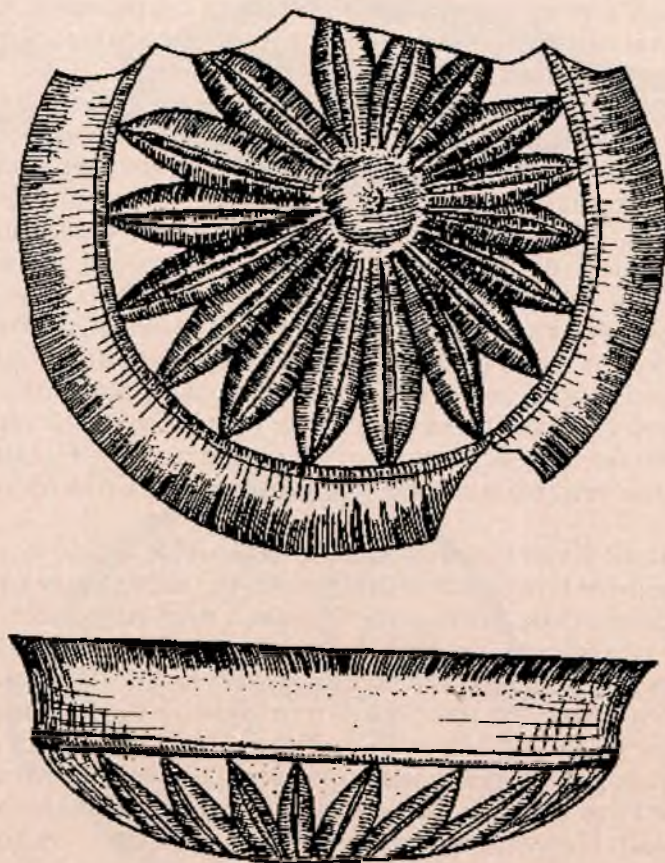

Рис. 14. Чаша Куганакского клада.
По И. М. Минеевой

оседал в виде кладов на просторах Евразии, что особенно характерно было для племен абашевской культуры бронзового века.

Рассмотрим один из самых крупных абашевских кладов, найденный неподалеку от будущей легендарной Магнитки на р. Малый Кизил в 1924 г. Абашевцев к этому времени уже 3 тысячи лет как не было на этой земле. А вот припрятанный ими клад сохранился. Очевидно, это было единственным, что уцелело в сгоревшем абашевском поселке после вражеского набега соседей.

Что же уберегла земля от бушевавшего здесь некогда пожара? Прежде всего остросереберный сосуд с разнообразными медно-бронзовыми изделиями: шило и ножи, рыболовный крючок и серпы. Рядом с сосудом лежали втульчатые копье и долото, плоский топор и несколько пластинок. А на дне сосуда счастливчиков, нашедших клад, ожидали прекрасной работы желобчатые браслеты и гривны, пронизки разных форм и размеров, бляшки-розетки и спиральные кольца¹. Особенно выделялись тщательностью отделки гривны (шейные украшения в виде согнутого в 2–3 оборота тонкого бронзового обруча) и браслеты. Очевидно, в виду подступавшей или уже наступившей опасности семья спешно собрала свои богатства: орудия труда и украшения, и зарыла их в землю, надеясь пережить и одолеть беду. Но либо все погибло, либо были угнаны в полон – к зарытому так никто тогда и не вернулся.

Перед нами Куштаусский клад, найденный в 1945 г. у Долгой горы (в 18 км севернее Стерлитамака). Когда-то неподалеку от этих мест находилось абашевское поселение Урняк, а чуть подальше, за горой, еще четыре ему подобных. Только давно это было и от поселений тех времен остался лишь археологический культурный слой (остатки жизнедеятельности древнего населения) толщиной чуть более 1,5 м в глубь от поверхности земли. На этой глубине (162 см) и были обнаружены в ходе земляных работ несколько бронзовых наконечников копий и гарпуна, втульчатое тесло и шило, обломок ножа да пластина – заготовка для стрелы². Немудренная, казалось бы, находка – тесло да шило, нож да копье. Но вот... – гарпун! Будь он из кости да где-нибудь в районе берега моря Лаптевых – проблем бы не было, там со времен Ноя доныне гарпунами добывают моржа и тюленя. На то и арктическая зона. Но помилуйте: какие моржи и тюлени в центре Башкирии, даже и в сер. 2-го тыс. до н. э.! Да и оледенения тут в это время никак не наблюдалось, так что находка у древнего п. Урняк подбросила ученым «информацию к размышлению». С тех пор прошло много десятилетий, но окончательного ответа на загадку нет.

¹ Сальников К. В. Очерки древней истории Южного Урала. М., 1967. С. 40.

² Ахмеров Р. Б. Новые археологические находки в Башкирии // КСИИМК. Вып. 39. М., 1951. С. 122–124.

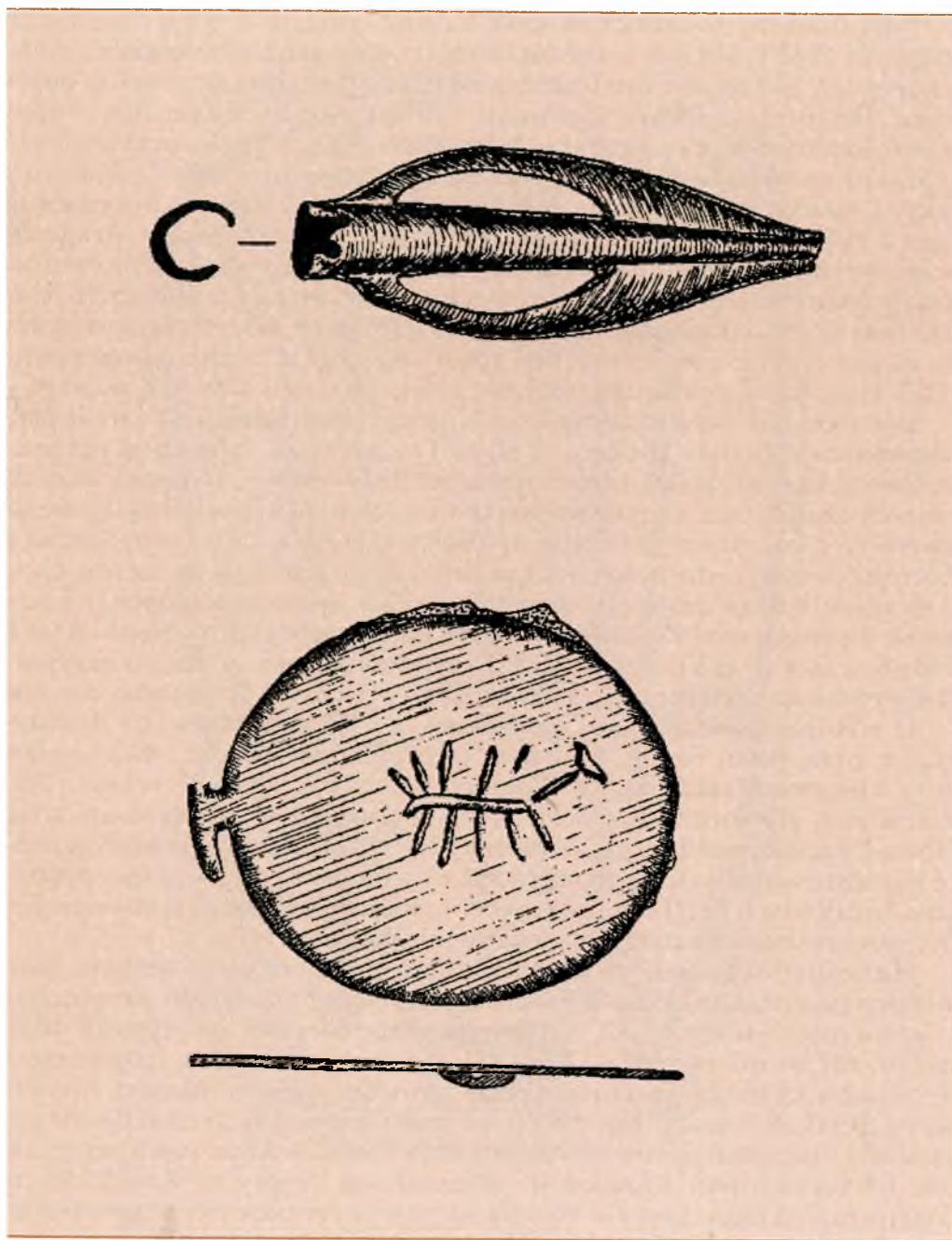

Рис. 15. Вещи Куганакского клада.
По И. М. Минеевой

Вот, скажем, Бахчинский клад из юго-западной зоны Башкирии найден в 1982 г. Из них 6 лет он считался находкой абашевского типа, к которому его ошибочно отнесли по единственному фрагменту керамики. Позднее, в 1988 г., выяснили, что этот кусочек кувшина – пришлый. Как говорится – «варяг». А сама находка в полном составе дошла до нас не от абашевцев, а от их младших современников по бронзовому веку – племен так называемой срубной культуры. Сам же Бахчинский клад с правого берега р. Кундряк (бассейн левого берега р. Агидели) включает в себя каменный пест для измельчения зерна, слиток бронзы для будущих поделок, плоское тесло и словно вчера сделанных 10 одинаковых бронзовых серпов. Дополняют картину 8 экземпляров керамики с орнаментом в виде зигзагов, треугольников и штрихованных ромбов – типичных украшений посуды срубных племен XV–XIV вв. до н. э.

Все находки были обнаружены в невысоких (около 40 см) и расплывшихся курганах диаметром 20 м. Там же были найдены и останки человека, видимо, хозяина этих находок. Если это так, то перед нами не своеобразный клад, скорее всего, захоронение ремесленника-кузнеца, взявшего с собой «туда» столь привычные вещи «мира сего»: тесло и слиток бронзы – это понятно, для работы, ну а десять-то серпов с собой зачем?! Ведь, по всем поверьям любых древних народов, на том свете торговли нет. Или этот «закон» не для срубных племен?.. Ведь и в Миловском (под Уфой) кладе XIX в. были найдены лежащие аккуратно кучкой на глубине около метра топор, тесло и 6 бронзовых серпов!

И в Ибракаевском кладе, найденном в 1950 г. недалеко от Бахчинского, тоже были топор, долото и 11 серпов из бронзы... Если включить в перечень такие клады Южного Урала, как Тимофеевский и Абзановский, Дубинина и Овсянку, Майоровский и Москательникова, Ново-Красноярский и другие (всего 13) – мы получим в конечном итоге внушительный «склад товара» для «того» света со стороны срубников: 9 топоров и 81 (!) бронзовый серп. Как логически решить этот ребус, составленный нашими далекими предками?

Не беднее оказываются находки и чуть более позднего времени эпохи бронзы, когда на смену срубникам постепенно приходят их младшие современники и сородичи – племена андроновской культурной общности. От этого периода (XIV–XII вв. до н. э.) для нас сохранилось несколько крупных утаений, среди которых следует назвать прежде всего Дербеденевский (не путать местами вторую и третью буквы названия!) клад. Найден он был давно, еще в начале XX в. или даже раньше, на территории Казанской губернии на берегу р. Кичуй. Часть содержимого оказалась бы теперь нашим читателям уже хорошо знакомой: это долото и 6 серпов. Но стоило к серпам внимательно присмотреться, как выяснилось, что серпы-то «не те»: старые, от срубных племен, были все как один крюкастой формы, а эти – иные, с широким

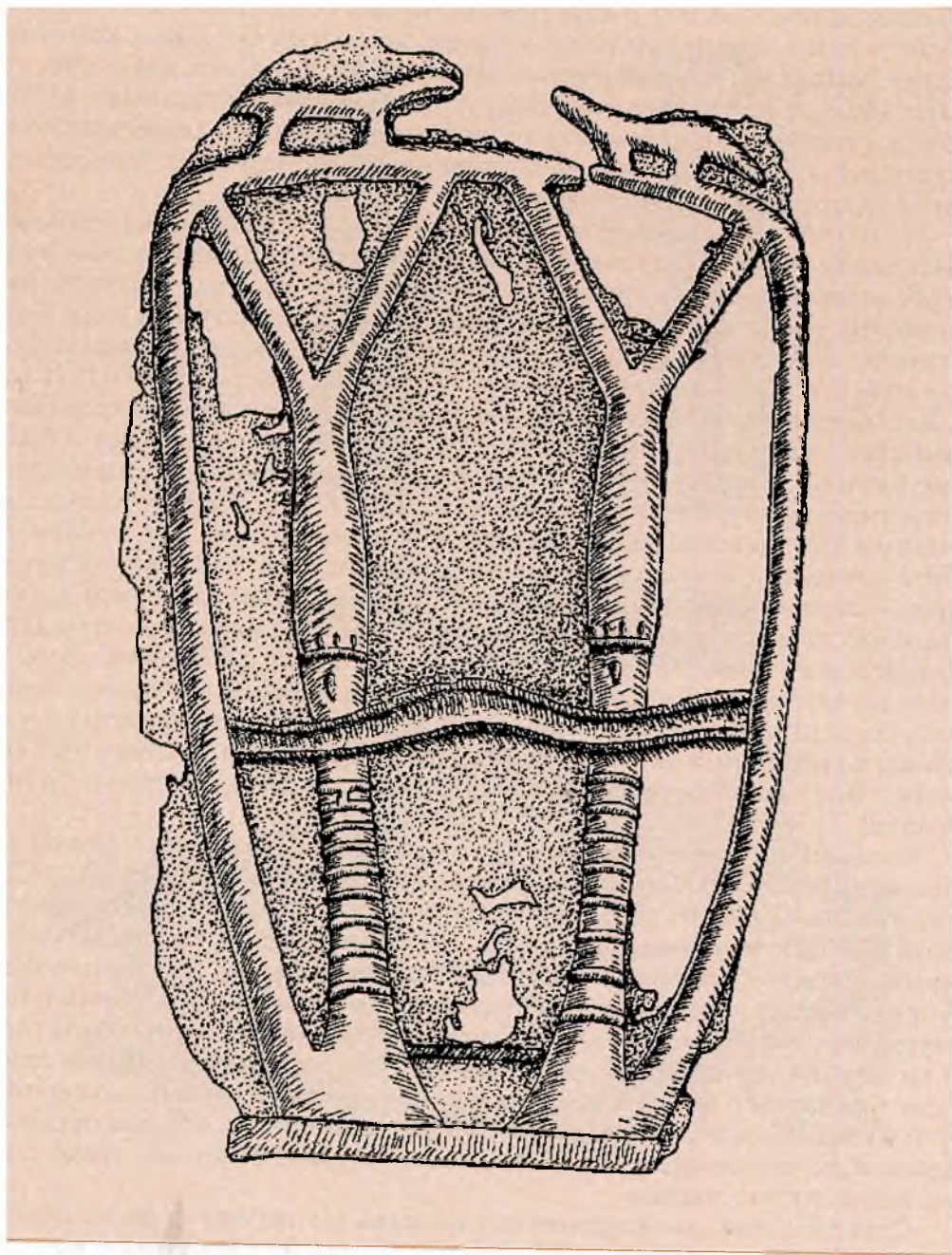

Рис. 16. Культовый предмет Куганакского клада.
По И. М. Минеевой

прямым лезвием. А вот и еще новшества для ассортимента былых находок – три топорика-кельта с ушками, покрытые (не ушки, конечно а сами топорики) тонким резным орнаментом. Вдобавок для местного Алена Делона или какого-нибудь другого глянцевого красавчика XIV в. до н. э. здесь лежали бритва в виде ножа с укороченным лезвием и большая округлая бляха с ушком на внутренней стороне, может быть, основание (держатель) древнего зеркала.

Нечто похожее позднее встречалось в находках в Нижнем Поволжье (Перелюбово) и в Подонье (Горшково), но наиболее явную аналогию дербеденевским вещам удалось найти спустя почти столетие после нахождения этого клада. Руку помощи, так сказать, протянул клад Кармановский. Обнаружен он был по неписаной традиции «внепланово» или, попросту говоря, случайно. Потому как по плану-то в 1971 г. в д. Карманово Заинского района Татарии на этом месте планировалась силосная яма. Строго говоря, она не только планировалась, но и была уже вырыта. И не только была вырыта, но и готовилась уже принять в свои емкости первую порцию зеленой массы. И вот тут-то глазастые ученики Богичевской сельской школы заприметили на дне рукотворного котлована 2 несколько неуместных для сего сооружения предмета – серпы! Спустились. Покопали рядом. И оказалось, что в яме, вырытой на месте древнего поселка эпохи бронзы, лежали 3 серпа дербеденевского типа (с крючком), наконечник копья с широкими прорезями на втулке и бронзовый кинжал с двулезвийным клинком киммерийского типа – предметы позднесрубного или андроновского населения, которые можно встретить от предгорий Урала до степной Тавриды... Вот такая вам география, и попробуй тут определить что-то поточнее!

Сколько споров это вызвало! А сколько их было вокруг другой не менее, куда там – более знатной находки, обнаруженной в 1901 г. у Сосновой Мазы (ныне территория Саратовской области). 63 предмета этой находки и сегодня украшают залы Саратовского краеведческого музея. Наряду с ординарными предметами типа ножа, долота или бесформенного слитка бронзы на будущие поделки здесь были вещи и незаурядные, такие как 4 топора-кельта, 5 кинжалов киммерийского типа и коллекция серпов из 52 экземпляров! На просторах Евразии в середине бронзового века что ни находка, то коллекция – и именно серпов! Что за наваждение, не правда ли? Неужели и впрямь создавали серпы здесь, а для реализации брали их с собой «туда»? Мистика, право слово, какая-то получается.

Отметим еще раз: саратовская находка по набору серпов, по наличию различных их видов в одном месте просто уникальна и вот уже почти век служит основанием (своего рода ориентиром) для уяснения типологии и хронологии других древних находок поздней бронзы степ-

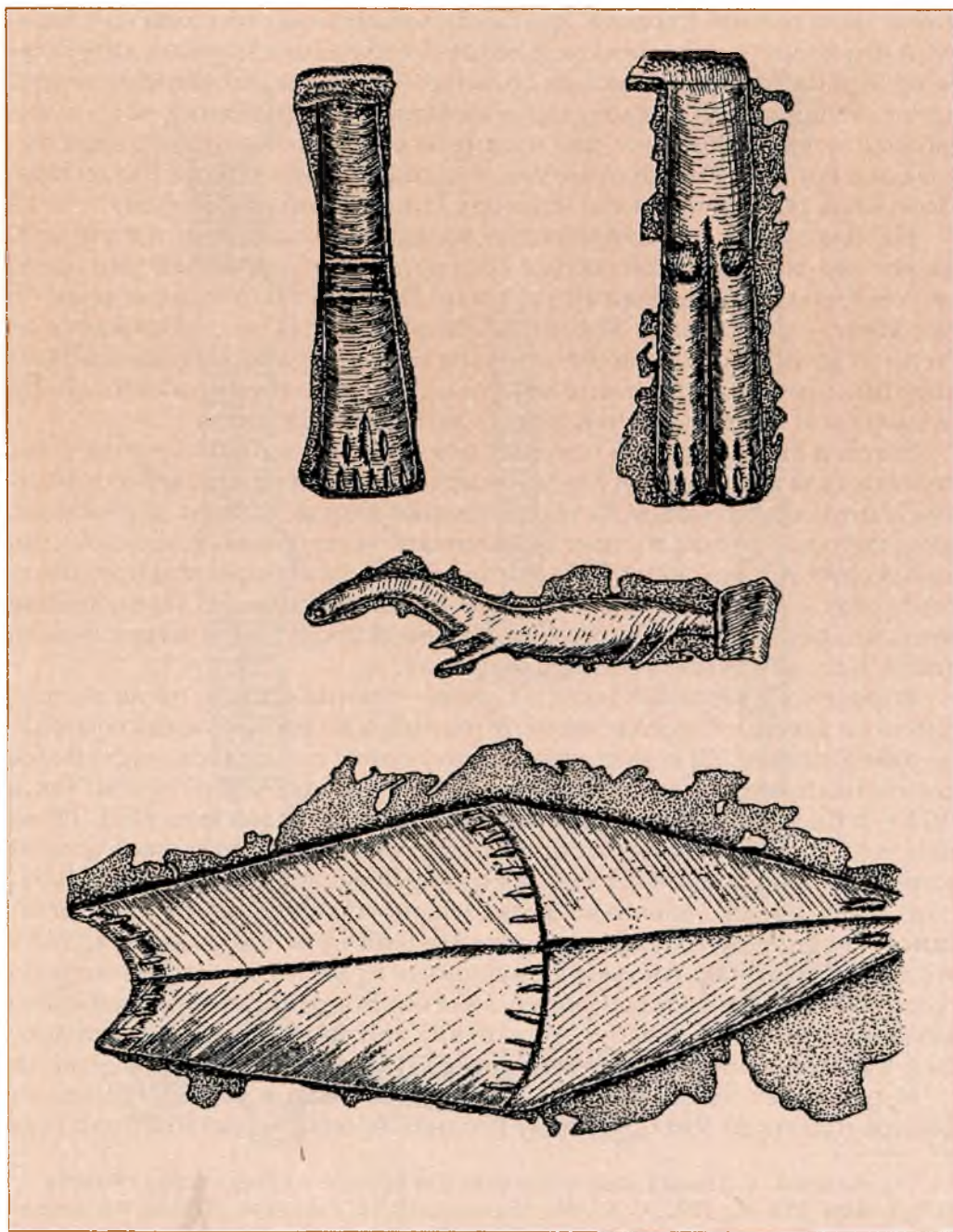

Рис. 17. Вещи Куганакского клада.
По И. М. Минеевой

ной и лесостепной Евразии. Другими словами, маяк на волжском берегу! А его вещи (серпы, кельты и долота) получили в научной литературе официальное наименование сосново-мазинских, по которым теперь идет сравнение всех последующих находок. Это сравнение, кстати, позволило выявить тот факт, что предметы сосново-мазинского типа бытовали в конце эпохи бронзы уже у многих племен Урала, Казахстана, Поволжья, Приднепровья и, наконец, Причерноморья. Почему?

На некоторых территориях еще только устанавливались в это время меново-торговые контакты с соседями, а на других они уже носили устойчивый и длительный характер. Именно так обстояло дело – и уже давно – у населения Кубани и Северного Кавказа с их соседями из степной зоны. В середине бронзового века, например, кавказский импорт был представлен в степи практически исключительно готовой металлической продукцией и изредка «полуфабрикатами».

Затем в силу каких-то неясных пока причин в степь начинает поступать, судя по находкам¹, только сырье, слитки бронзы, либо сломанные и потому вышедшие из употребления старые топоры, серпы и долота, которые тотчас же шли у степняков на переплавку. Казалось бы, понижение уровня связей? Но Горы и Степь не собираются прерывать контактов – и на рубеже бронзового и железного веков Предкавказье вновь входит на степной «рынок» с готовой продукцией заверщенного цикла. Как говорится, «спешить не надо».

Впрочем, Северный Кавказ и Степь – прямые соседи, им ли не торговать ко взаимной выгоде, если от партнера до партнера, как говорится, рукой подать! Да ведь контакты в эту эпоху становятся и куда более удаленными, судя по неожиданным подчас находкам археологов. Так, в 1975 г. в Киргизии был найден клад конца бронзового века (XII–IX вв. до н. э.), где среди типичных бронзовых топоров, долот, ножей и тесел встретились 2 кольца, 4 зеркала, ажурно украшенная булавка андроновского типа, а также бритва явно из Северного Причерноморья!² Согласимся, читатель, что непростой и неблизкий путь проделала эта, пусть пока единственная, гостья из античного Крыма в предгорья киргизского Ала-Тоо. А если вспомнить изделия Бородинско-Бессарабского клада из уральского серебра, то картина контактов племен и народностей Евразии начнет приобретать, пожалуй, вполне зримые очертания.

И речь идет здесь о товарообмене не только в рамках границ от Днепра и Дона до Урала. В эпоху поздней бронзы масштабы были куда

¹ Бочкарев В. С. Новый клад прикубанской бронзы из Ростовской области // КСИА. Вып. 132. М., 1972. С. 87–89; Марковин В. И., Глебов А. И. Клад бронзолитейщика из станицы Ахметовской // СА. 1979. № 2. С. 239–240.

² Кожомбердиев И., Кузьмина Е. Е. Шамшинский клад эпохи поздней бронзы в Киргизии // СА. 1980. № 4. С. 140.

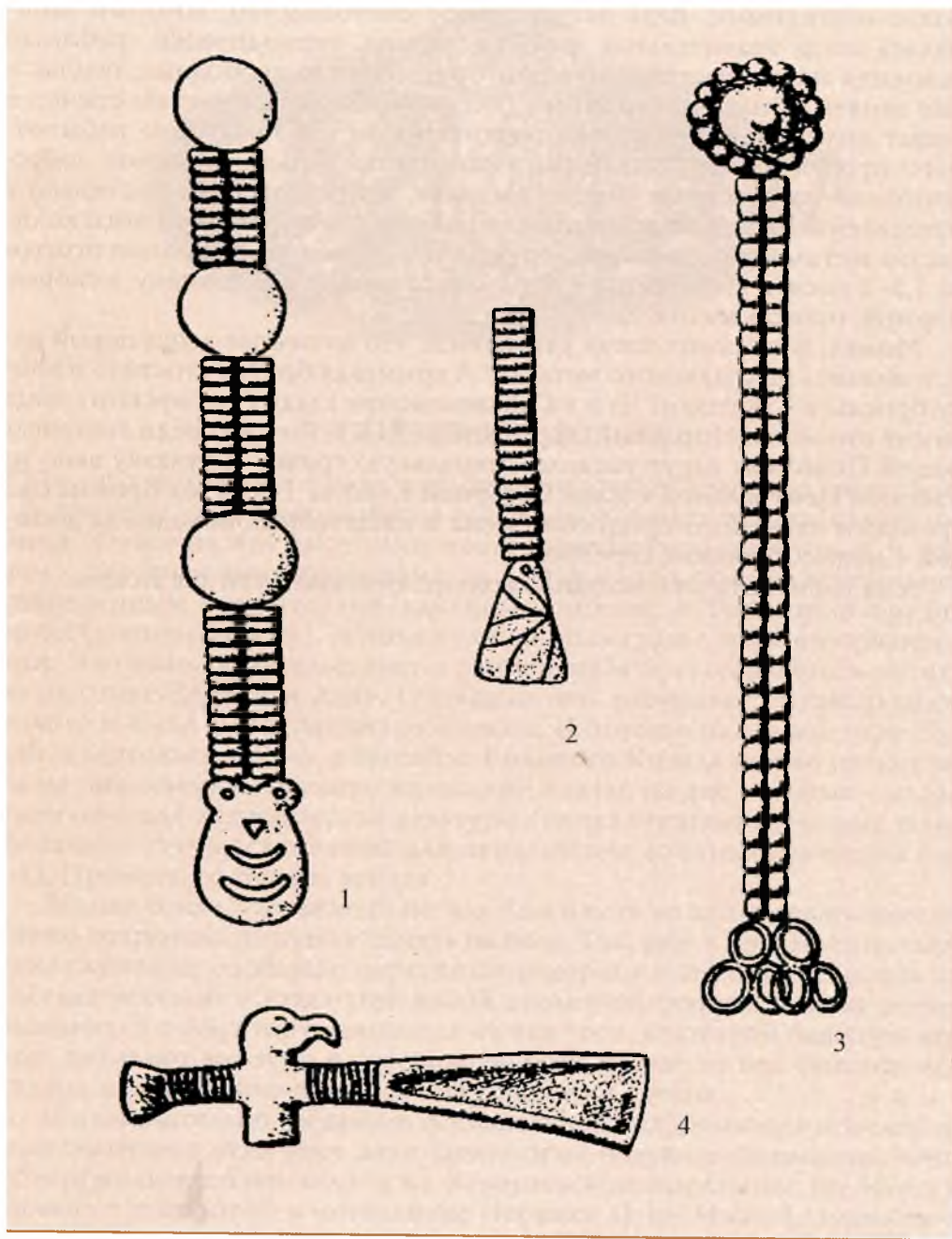

Рис. 18. Драгоценности железного века

более обширными. Ведь экстенсивное скотоводство, которым занималась тогда значительная часть населения, периодически требовало освоения новых пастбищ и территорий. Иногда свободных, подчас и уже занятых более мобильными соседями. Отсюда – частые стычки и захват имущества побежденного соперника, т. е. получение избыточного продукта, как сказали бы экономисты. Это захваченное добро, пополняя собственные богатства знати, и превращалось частенько в предаваемые земле на хранение сокровища и клады из большого количества металлических вещей, оружия и украшений. А дальние походы на 1,5–2 тысячи км были для степняков совсем не в диковинку, а скорее, нормой, прозой жизни.

Может, и не стоит тогда удивляться, что античные вещи порой изготавливались из уральского металла? А крымская бритва «гостит» в эпоху бронзы в Киргизии? Что в Сабанчеевском кладе Алатырского уезда (ныне это земля Мордовии) еще в конце XIX в. ученые среди типичных вещей Поволжья вдруг увидели спиральную гривну и булавку явно из районов Центральной и даже Северной Европы!¹ Ведь век бронзы был временем активного продуктообмена и масштабных походов за добычей – медью, бронзой, серебром.

А на горизонте уже всходило солнце, освещаая пути для золота...

¹ Мерперт Н. Я. Сабанчеевский клад // Материалы и исследования по археологии СССР. Вып. 130. М., 1965.

ПУТИ ДРЕВНЕГО ЗОЛОТА

То, что золото на Урале добывали издревле, известно, наверное, каждому. А вот как далеко в глубь веков уходят истоки золотодобычи? Ответ на это дают сами места нынешних разработок, т. к. рядом с сегодняшними приисками на Урале неоднократно встречались современным «старателям» каменные, медные и бронзовые орудия труда (топоры, долота), обломки глиняной посуды с древним орнаментом. Это явно свидетельствует о ранней добыче «солнечного» металла на стыке Европы и Азии. Очевидно, что добывали тут самородное золото и мыли златосодержащий песок. И поныне на склоне горы Тукан, в верховьях р. Урал, в бассейне Большого Кизила можно наткнуться на заброшенные древние маленькие шахты, на дне которых – столь типичные для андроновской культуры (эпоха бронзы) каменные шлифованные песты, служившие для измельчения золотосодержащих пород. Примета-то точная, верная.

Знания о том, что желтый металл был и есть не за тридевять земель, цепко сохранила народная память на века. Так, еще в 1669 г. монастырские служащие сообщали церковным иерархам в столицу, ссылаясь на рассказ местной и тогда еще живой столетней старухи, что на речке, впадающей в Ай, стоит невысокая на вид гора, в которой башкиры все еще добывают золотую и серебряную руду, плавят из нее «чистые металлы» и затем тайно продают их купцам из Хорезма.

И действительно, недавние обследования андроновских поселений и могильников этих мест дали археологам новую информацию. Они обнаружили кусочки золота на Замараевском поселении (р. Исеть), кинжал с позолотой в могильнике Черняки II (р. Миасс), подвески в золотой фольге из могильника Спасское III в верховьях р. Урал¹. Прав-

¹ Членова Н. А. Предыстория «торгового пути Геродота» // СА. 1983. № 1. С. 56.

да, как видим, изделия эти единичны, что и неудивительно: для пастушеских племен андроновской общности Южного Урала, Казахстана и Сибири более характерной в обиходе была бронза. Поэтому и украшения, как правило, делались из нее, а сверху оборачивались, обкладывались тонким золотым, либо серебряным листочком типа фольги. Таковы в памятниках андроновцев кованые кольцевидные серьги с раструбом: из-за ограниченности золота в это время на стенке раструба серьги делалась специальная застежка, куда и входил крючковидный заостренный конец серьги. Деталь эта заметно выделяла сережки с деталями из благородных металлов из общей массы чисто бронзовых изделий¹. Но если дальше фрагментарного включения золота в свои украшения андроновцы Урала, по понятным причинам не шли, то их южные соседи из Центрального Казахстана в объектах той же эпохи оставили нам «на память» дисковидные орнаментированные бляшки с жемчужиной в центре! Сказывалось соседство районов теплых южных морей...

Если же от южных соседей Урала перевести мысленный взор чуть западнее, в Поволжье, то здесь самые ранние предметы из «солнечного» металла встречены археологами в ходе раскопок погребения ямно-полтавкинского вождя у с. Утевка (ныне Самарская область). Здесь, в глубокой яме захоронения, среди прочих многочисленных вещей были найдены 2 маленькие литые из золота подвески в форме широких колец, орнаментированных тремя параллельными рядами выпуклин. Эти изящные, почти миниатюрные изделия, – сущее украшение тяжелого труда археологов, нашедших погребение второй половины 3-го – начала 2-го тыс. до н. э. Правда, такие находки обнаруживаются не каждый день и даже не в сезон, ибо для указанной эпохи евразийских степей золото в находках – гость довольно редкий (это вам не Египет времен великих пирамид 4-й династии...).

Позднее, к середине 2-го тыс. до н. э., у пастушеских племен Урало-Поволжья срубной культуры золото начинает встречаться более регулярно. Частыми становятся находки бронзовых восьмиобразных подвесок (высотой более 3 см) в тонкой золотой обкладке со знакомым теперь уже нам орнаментом в виде овальных выпуклин. Другой вид встречаемых в это время украшений – грушевидные подвески в височной части черепа женских захоронений. Очевидно, они нашивались на головной убор, как это характерно и поныне у ряда народов Поволжья (удмурты, чуваша). Однако и эти грушевидные подвески в основе своей – из бронзы, где золото присутствует в виде тонкого фольгового покрытия. Как правило, более двух таких подвесок в одном погребении нигде не встречены. В это время золото в качестве фольги шло и

¹ Аванесова М. А. Культура пастушеских племен эпохи бронзы азиатской части СССР. Ташкент, 1991. С. 50–72.

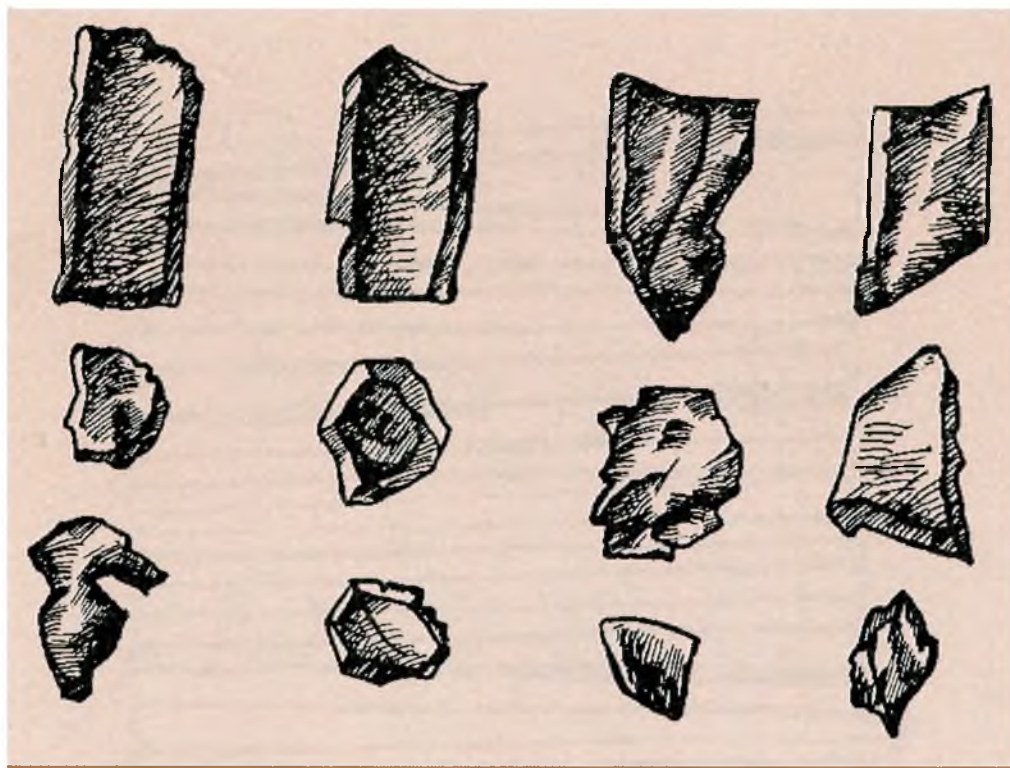

Рис. 19. Именьковский клад кусочков серебра. XIII в.

на покрытие браслетов, которые в 1972 г. были обнаружены в Башкирии, в Ново-Ябалаклинском могильнике, на р. Дема. Здесь, среди массы бронзовых украшений погребенной женщины (возможно, жрицы), была одна подвеска с серебряным покрытием, а также кольца и браслеты с золотой орнаментированной обкладкой. Проведенный затем в лабораторных условиях в Институте археологии АН СССР спектральный анализ украшений показал, что обкладка двух колец и браслета фольгой из электрума¹, т. е. редкостного для тех времен, но весьма качественно выполненного (где и кем?) сплава золота и серебра! Как тут не вспомнить вместе с пытливым нашим читателем легендарную Атлантиду, где, по описаниям ее «отца» Платона, самыми прочными, а

¹ Горбунов В. С. Курганы эпохи бронзы на правобережье р. Демы // СА. 1977. № 1; Кузьминых С. В. О химическом составе металла украшений Ново-Ябалаклинского могильника // Древние культуры Поволжья и Приуралья. Куйбышев, 1978. С. 67.

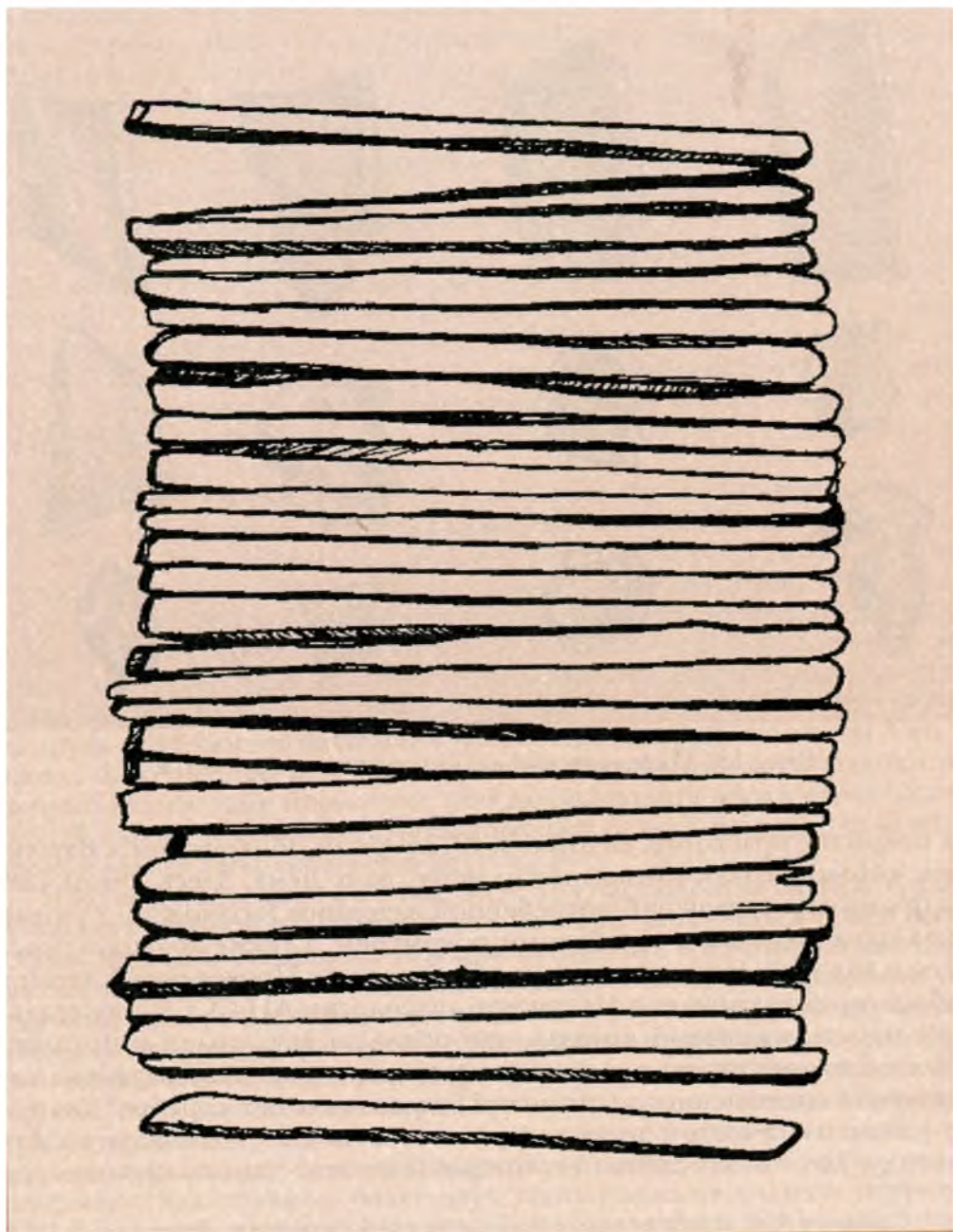

Рис. 20. Щербетьевский клад бронзовых слитков. VII в.

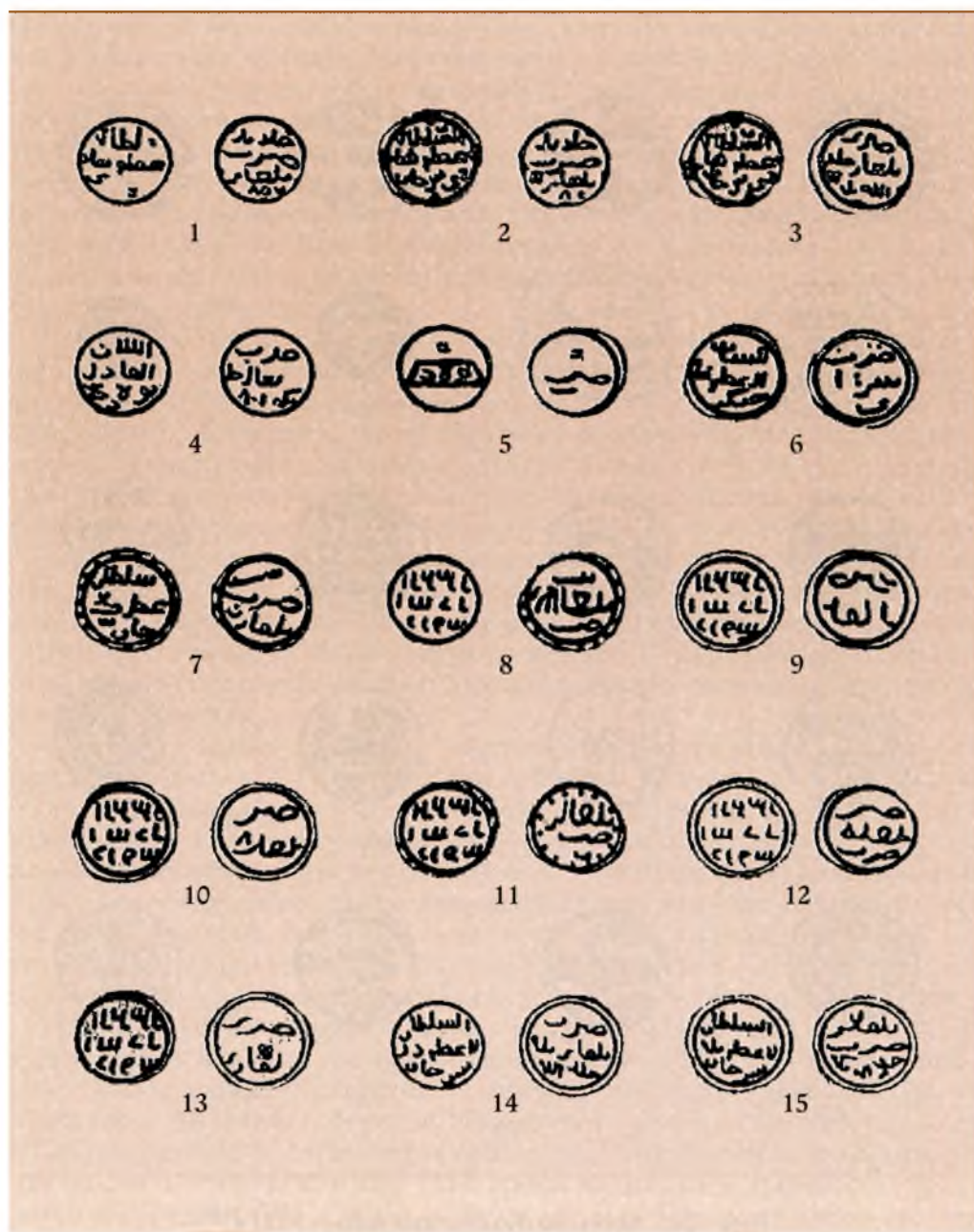

Рис. 21. Легенды дирхемов Булгара (Казани) XV в.
 1-3 – Шадибек (1400–1407); 4, 5 – Булат (1407–1411);
 6 – Чокре (1413–1414); 7-15 – Дервиш (1414–1419)

Рис. 22. Легенды болгарских монет XIII в.

1–3 – Насир лид-Дин; 4 – Ариг-Буга; 5 – Мунке; 6 – медная монета Насир лид-Дина – Мунке; 7 – дирхем 683 г. х. с надписью «Котлыг булсун»; 8, 9 – анэпиграфные дирхемы 90-х годов XIII в.; 10 – Насир лид-Дин (Токта) 692 г. х.

потому и популярными в обиходе были именно электрум и неизвестный доселе науке орихалк. Мы, конечно, не беремся утверждать всерьез наличие связей исторически реальной Древней Евразии с легендарно-мифологической страной атлантов, тем более что, согласно тому же Платону, этот материк посреди океана погиб за 9 тысяч (!!!) лет до появления на карте Евразии носителей срубной культуры... Но вот о чем можно говорить, опираясь на факты, так это о древних торговых связях срубников и андроновцев Урало-Поволжья с соплеменниками Платона, осевшими в глубокой древности на благодатных берегах Крыма Северного Причерноморья.

Еще до появления эллинов в Тавриде началось медленное продвижение срубных и андроновских племен в середине 2-го тыс. до н. э. с Южного Урала и Нижнего Заволжья на Запад, в направлении их прежней транспортировки меди к своим западным соседям. Как результат – увеличение присутствия в *местных* металлических изделиях меди именно южноуральского происхождения. Другими словами, двигаясь на запад, срубники и андроновцы не прерывали связи с отчим краем, поставляя в Причерноморье медь, добывавшуюся по-прежнему на рудниках Южного Урала, причем, по подсчетам исследователей раннего железного века, в эту эпоху в районах к северу от Причерноморья уральская медь достигала 1/3 всего обрабатываемого металла – цифра внушительная и убедительно говорящая в пользу активных связей населения Приуралья с севером Тавриды.

Торговля велась речными путями по нескольким вероятным маршрутам: Белая – Нижняя Кама – Волга; Урал – Самара – Волга; Белая – Дема – Ик – Кинель – Сок – Кондурча – Б. Черемшан – Волга – Дон (Танаис) – Азов (Меотида). Были, наверное, и другие варианты движения, но суть от этого не менялась: первоначально это были пути миграций вдоль речных долин пастушеского населения, затем – маршруты по знакомым местам за медью, а когда попутно с медью андроновцы открыли на Южном Урале наличие «солнечного» металла, то старый путь (или пути) стал торговым ориентиром к золоту.

По нему устремляются вначале скифы, пользуясь услугами семи переводчиков. Видимо, не безуспешно, ибо вслед за степняками проникнуть сюда делают попытки и причерноморские греки. А одному из эллинов, Аристеему с берегов Мраморного моря, если верить «отцу истории» Геродоту, с помощью Аполлона Гиперборейского, удалось таки достичь Рифейских гор (так греки называли в древности Урал) где-то в середине VII в. до н. э. Если легенда Геродота верна, то эта дата есть точка установления торговых контактов греков Крыма с Уралом задолго до возникновения пути «из варяг в греки»... Главным же стимулом отныне для обмена, несомненно, становится золото. Оно манит, завораживает, порождает в сознании людей невероятные рас-

сказы «очевидцев», где сама быль переходит в легенду, а сказка становится явью. Ибо явью было само золото! И казалось, и верилось, что рифейская земля родит его как пшеницу...

Правда, завладеть им было совсем нелегко, даже преодолев долгий путь на восток, начиная от расположенного на берегу Черного моря греческого г. Ольвии. Стояла Ольвия (в переводе с греч. «обильная», «счастливая») недалеко от устья современного Днестра – вот отсюда-то и начинался торговый путь к Рифеям. Шел он вначале на северо-восток через земли скифов и будинов, пересекал Дон, а затем чуть выше Каспия – Волгу и по территории тиссагетов шел на север прямо к южным отрогам Уральских гор, заканчиваясь где-то во владениях иирков, аргиппеев и исседонов в районах Южного Зауралья. Путь этот, подробно описанный еще в V в. до н. э. «отцом истории», по его имени и в науке стал именоваться «торговым путем Геродота». Вдоль основных линий этого маршрута археологами XX в. найдено, особенно в последние 25–30 лет, немало предметов античного (в т. ч. и ольвийского) производства: зеркала, бусы, монеты, керамика, оружие и, конечно, клады и отдельные изделия из южно-уральского желтого металла.

Что же могло стимулировать функционирование этого торгового пути за более чем тысячелетие его активной жизни? Неужели только шкурки пушнины да скот, о поставках которых на берега Боспора сообщают нам древние авторы Полибий и Страбон? Ведь подобный товар греки Тавриды могли получить и из более близких краев, нежели Урал! Ответ, думается, очевиден, но прост он только на бумаге. В реальной жизни овладение «металлом солнца» было сопряжено для южных купцов с массой трудностей. Даже преодолев дорожные тяготы многомесячного пути, перехитрив или задоблив в дороге воинственные племена степняков-скифов Подонья и сарматов Поволжья, достигнув, – наконец! – «золотоструйных» уральских рек, древние пилигримы сталкивались тут с совершенно непривычными (Аристей

Рис. 23. Дирхем Исмаила-бен Ахмеда (892–907) из Танкеевского могильника

говорил, даже «страшными») для жителей Крыма климатическими условиями. И прежде всего угнетал купцов хозяин Рифеев – Борей – северный ветер ураганной порой силы! Не зря ведь греки, пусть даже и понаслышке, именовали эти края (или чуть севернее) «страной гипербореев» (т. е. живущими за ветром Бореем). Между прочим, проведенные недавно сопоставления данных античных авторов (Аристей, Псевдо-Гиппократ) с современными метеорологическими условиями в горах Южного Урала показали, что самые сильные ветра путешественники могли наблюдать около гор Таганай, Ямантау и Ирмель. Где, кстати, и среди местного населения веками бытовало поверье, что хозяином края, которому подчиняются даже духи гор, является злой ветер...

Правда, если бы дело было только в Борее – это еще полбеды, «цветочки». А впереди были «ягодки» в лице стерегущих золото грифов да воинственных племен ари-маспов (с греческого «одноглазые»), которые и сами сражались с грифами с переменным успехом (за золото, конечно) и других в эти края старались не допускать. Конечно, легендарные «одноглазые» ари-маспы (ну, чем не циклопы?!) – плод воображения впечатлительного древнего эллина. А вот как быть с грифами? Конечно, и тут не обошлось без гиперболы, ибо гриф (грифон, точнее) – мифическое чудовище с телом льва и головой орла в природе, как говорится, не существует. Но на Урале до сих пор, слава богу, живут гордые хозяева неба – соколы и ястребы. Особенно славился ими Урал в древности.

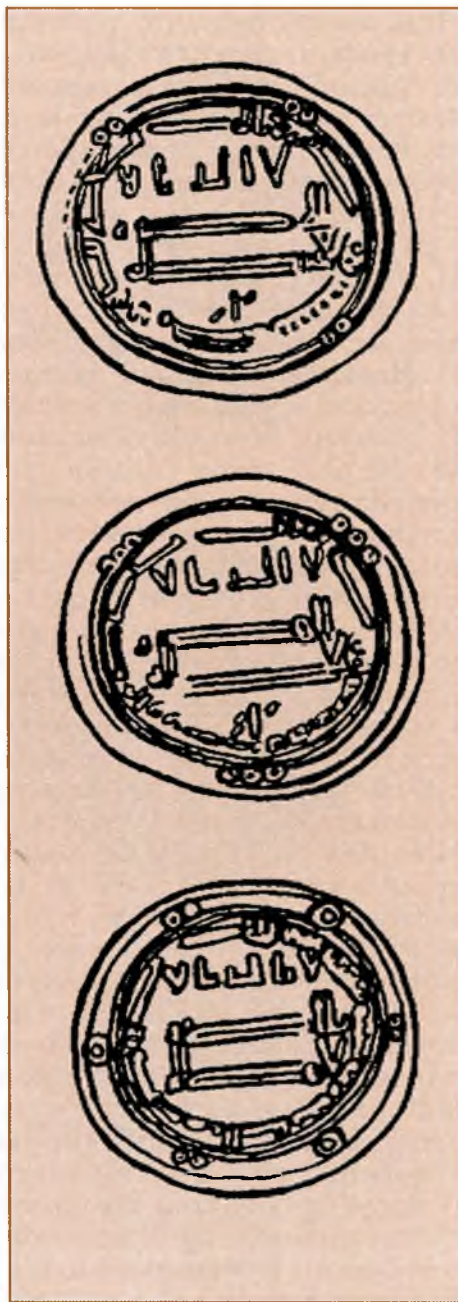

Рис. 24. Хазарские дирхемы (VIII–IX вв.)

Надо иметь в виду, что, по представлениям степняков, от Крыма до Алтая грифон – это прежде всего стражник, охранник. И недаром на многих предметах обихода, украшениях и особенно оружии скифов встречаются изображения грифов: они «охраняют» их, как верили степняки. Вероятно, как предполагают археологи¹, племенами андроновской общности и началась разработка золота на территории Южного Приуралья. А уж в 1-м тыс. до н. э. его добыча и обработка осуществлялась в широком масштабе не только на Ближнем Востоке, но и во всей Азии. И, конечно, в Европе, из этих традиционных представлений и возникли в среде крымского населения древности рассказы о грифах, стерегущих несметные запасы рифейского золота...

Молва, естественно, всегда и во все времена склонна была преувеличивать реальные масштабы богатств до невероятных размеров. И поэтому установить истинные масштабы добычи золота на Урале спустя 25 веков – задача не из благодарных, тем не менее в литературе на сей счет уже достигнуты и приводятся первые итоги подсчетов, начиная, как говорится, от «Ноева потоп», т. е. с первых шагов золотодобычи. А были эти первые шаги сделаны далеко от Урала – в Египте, еще в 5-м тыс. (!) до н. э. в верховьях Нила. Тогда на обработку этого металла вышли и в древней Месопотамии. В конце 3-го тыс. до н. э. золото появляется во дворцах Крита – колыбели цивилизации Древней Греции. И почти в это же время, т. е. где-то на рубеже 3-го–2-го тыс. до н. э., начинается «золотая эра» Урала. По существующим на сегодня подсчетам, добыча золота в каменном веке составляла: в Азии – 140 т, в Европе – всего 50 т. В бронзовом веке картина начинает меняться: 525 и 400 т – соответственно. Перелом в этом «соревновании» Азии и Европы приходится на эпоху железного века (до середины I в.), когда обработка драгоценного металла составила, соответственно, 895 и 1810 т², т. е. Европа «обошла» Азию вдвое. Но дело, думается, не в этом заочном «соцсоревновании»: обращает на себя внимание масштабность добычи золота к концу старой эры.

Не забудем, что конец старой эры не стал концом истории человечества. Еще только-только занималась заря раннего христианства с его идеями добра, любви, скромности и нестяжательства. А потому до победы этих идей был еще путь неблизкий, а золото тем временем все прочнее входило в сознание людей как едва ли не главный показатель родовитости и символ могущества... Да и об уровне развития общества (в числе прочих, конечно, факторов) начинают судить по степени распространения в нем предметов из драгоценных металлов. В эпоху железа, как мы уже видели выше, по этим признакам Европа шла впереди. Впрочем, Европа – понятие собирательное, точнее – обобщенное: это

¹ Членова Н. А. Указ. соч. С. 57.

² Локерман А. А. Загадка русского золота. М., 1978. С. 27.

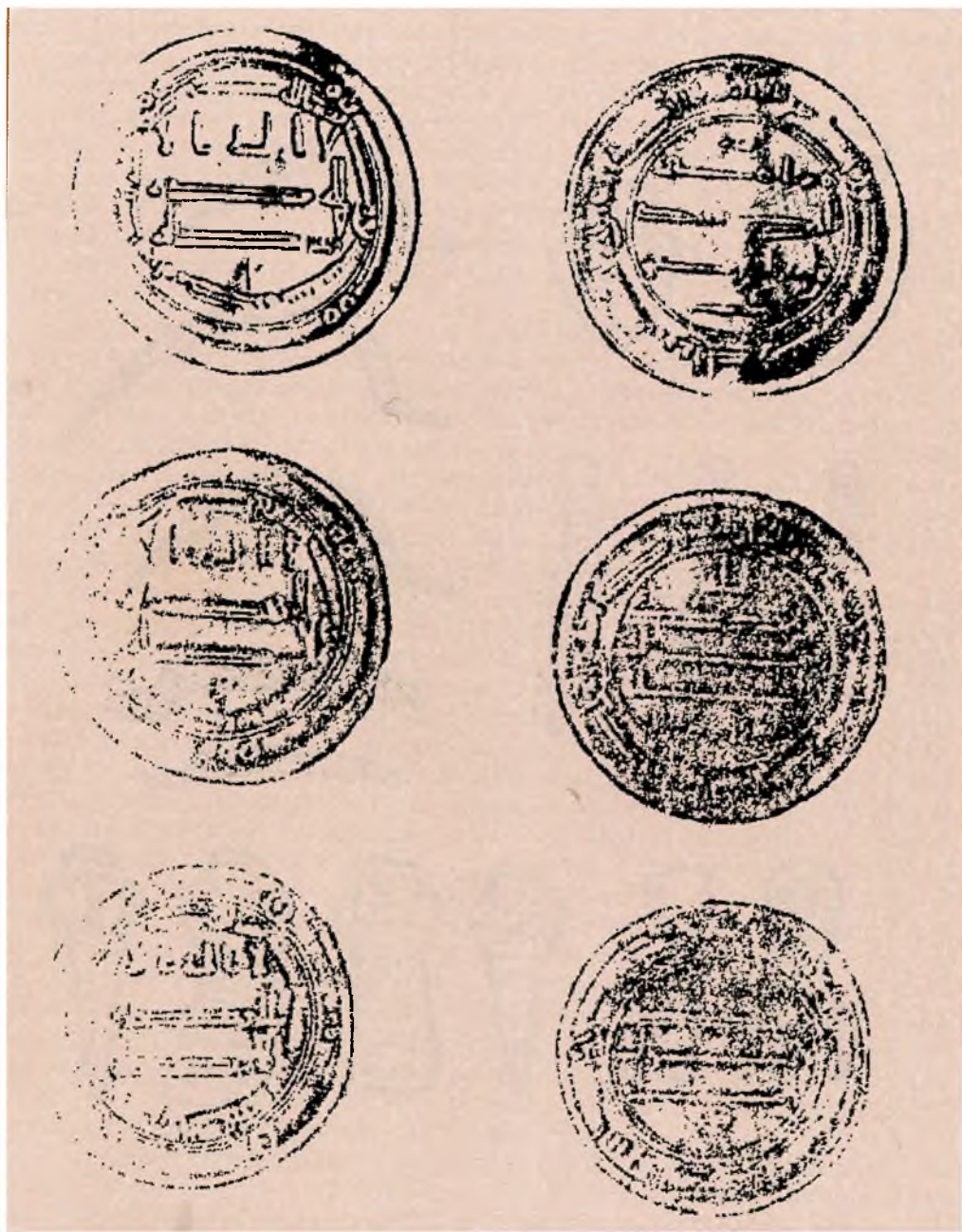

Рис. 25. Хазарские дирхемы (VIII–IX вв.)

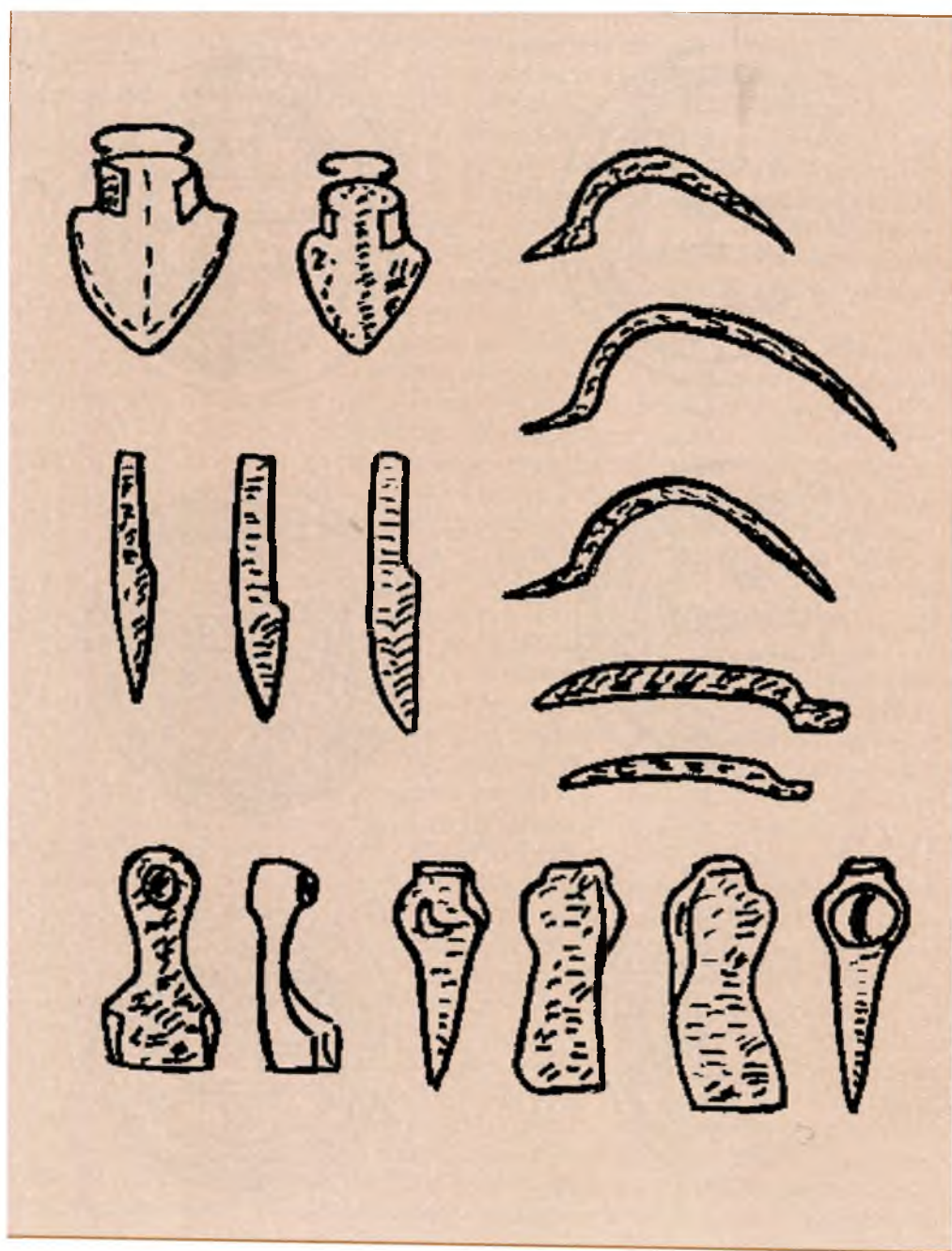

Рис. 26. Киржемановский клад железных вещей. По А. В. Чиркину

может быть и Испания, но, с другой-то стороны, Приуралье – тоже Европа! Только другая ее оконечность, восточная. И тогда с точки зрения географии, районы Галиции, Болгарии, Венгрии, Югославии есть самый что ни на есть центр Европы, а между тем этот регион традиционно (с чьей-то руки) именуется Юго-Восточной частью Старого Света. Бог с ним, оставим географам и политикам уточнять понятия и рубежи на карте мира, а сами вернемся к проблемам кладологии.

Кстати говоря, на территориях юго-востока Европы, уже начиная с переходной эпохи от бронзы к железу, появляются весьма заметные по объему и качеству содержимого клады золотых украшений, кубков, ваз, кубшинов¹.

Хронологически этот период времени находок из Подунавья соответствует доскифо-савроматской эпохе в степях Евразии, о чем мы уже немало говорили выше. Напомним поэтому лишь, что для Великой Степи в это время обычным фактом становится распространение золотых изделий в составе инвентаря богатых «царских» погребений. Если в предананьинскую и раннеананьинскую эпохи изделия из «солнечного» металла мы видим и исчисляем единицами (Старший Ахмыловский могильник VII в. до н. э.), то затем процесс уже идет по нарастающей, в духе «соревнования» между Европой и Азией.

Последняя явно не торопилась сдавать позиций без боя. Возьмем материал Карасукских могильников Сибири VIII–VII вв. до н. э. Изделия из золота здесь, на первый взгляд, немногочисленны: в целой цепи захоронений этой археологической культуры на берегах Иртыша, Оби и Енисея находки из золота как будто бы единичны, но... «Ох уж это «но» в истории, – скажет читатель, – за ним *обязательно* жди исключения из правил». А вот и нет, во всяком случае – у нас в кладологии! Ибо здесь и единичные находки правило только подтверждают. Ну судите сами: среди карасукских золотых украшений (немногочисленных) нет ни одного – грубой работы. Напротив, известные на сегодня находки поражают знатоков четкостью, зрелостью форм и пропорций. А ведь это, в свою очередь, с несомненностью свидетельствует о длительной практике обработки данным населением драгоценного металла. Взять хотя бы золотую полулунную пластину! И по качеству работы, и по форме она явно не случайно стоит в ряду столь популярных позднее у скифов Причерноморья пекторалей, свитых из золотой проволоки височных колец и серег. Да и у самих карасукцев в последние годы раскопок найдены золотые серьги и проволочные колечки, типологически сходные со скифским материалом.

А что до малочисленных подобных находок, то на это можно сказать: «Слава богу, что они вообще есть!» Ибо мало какие могилы и курганы были ограблены так же, как это произошло с карасукскими – расхищали их содержимое и в древности, и особенно в XVII–XVIII столе-

¹ Членова Н. А. Золото в карасукскую эпоху // СА. 1972. № 4. С. 259.

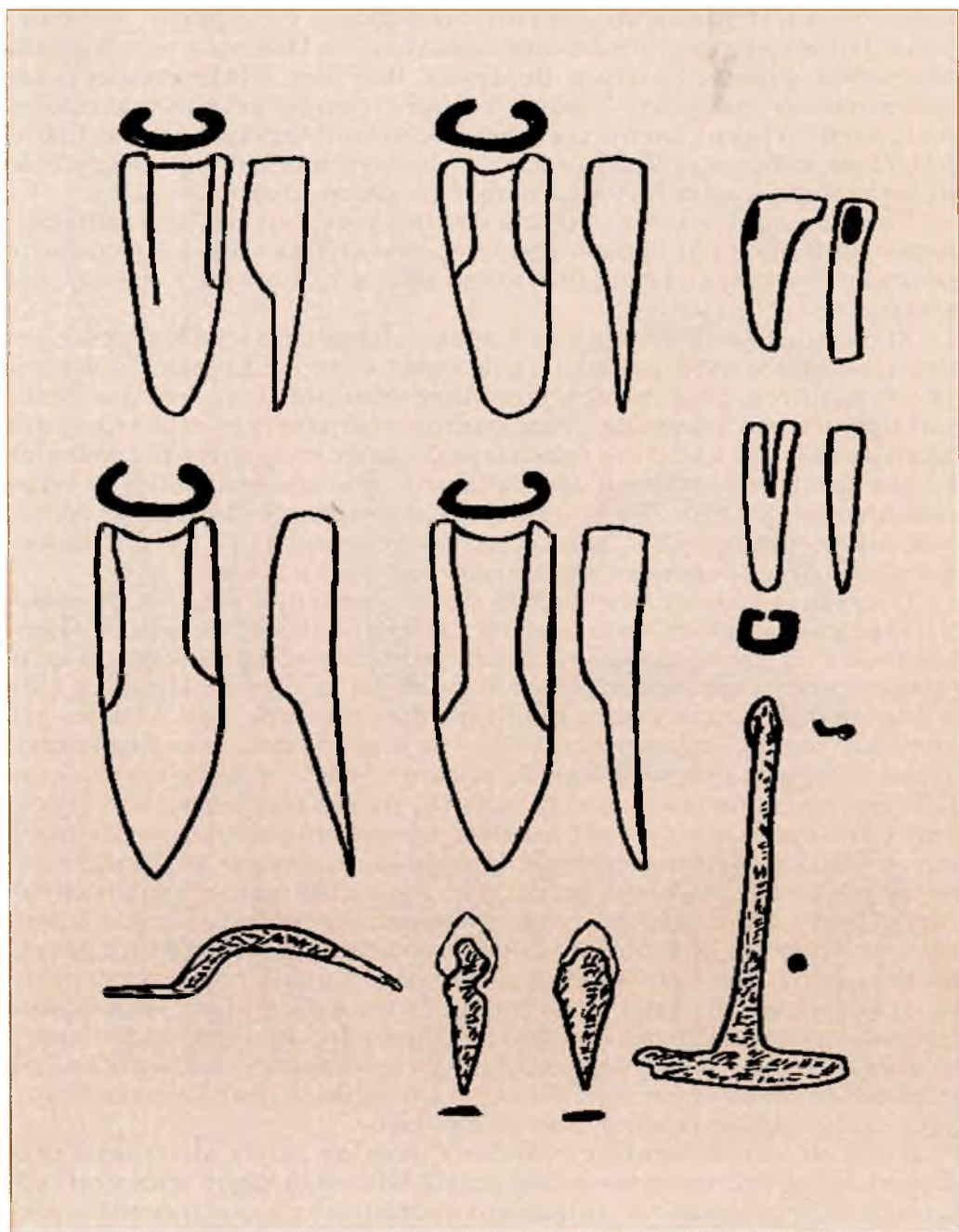

Рис. 27. Нижнеборковский клад железных вещей.
По А. В. Циркину

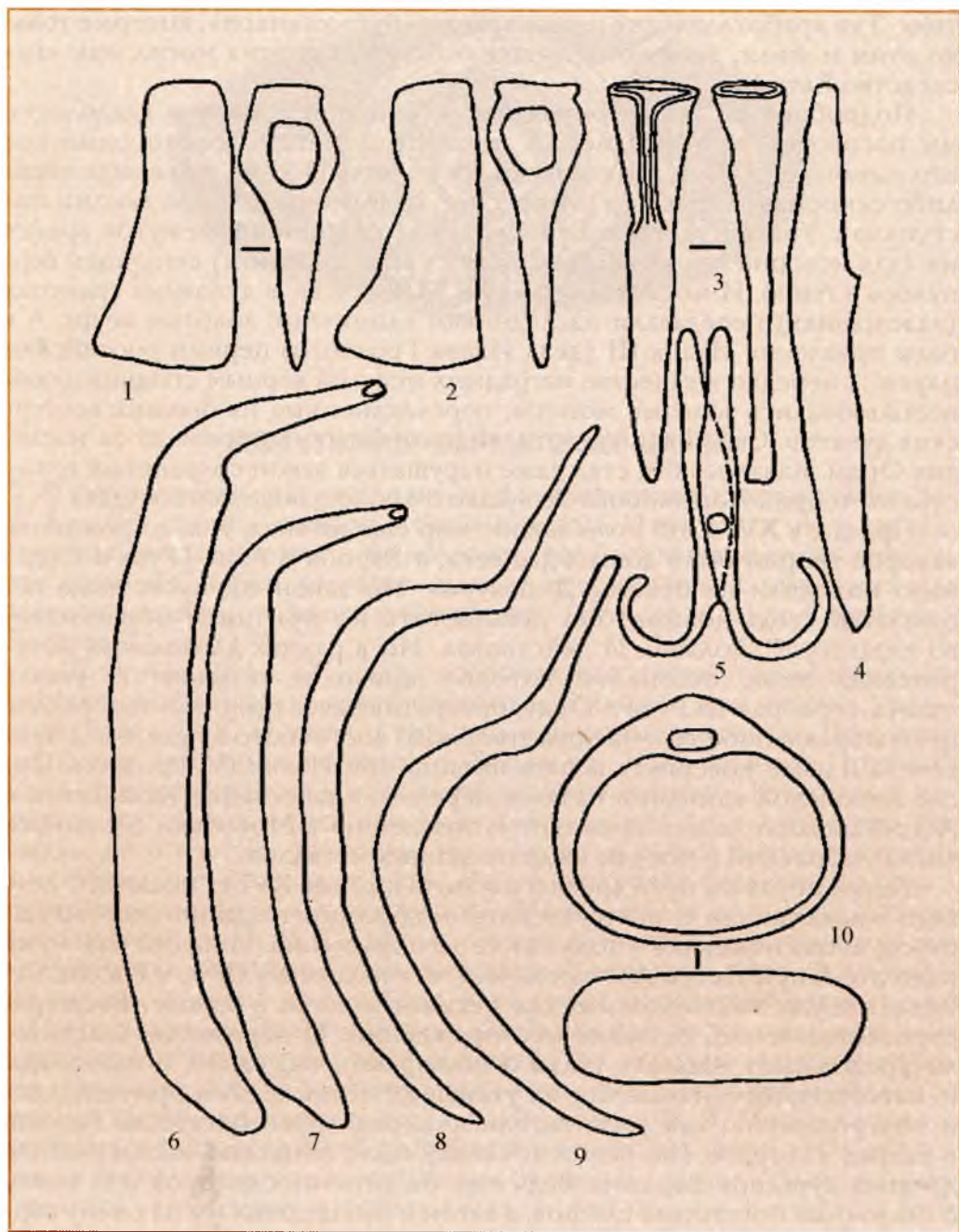

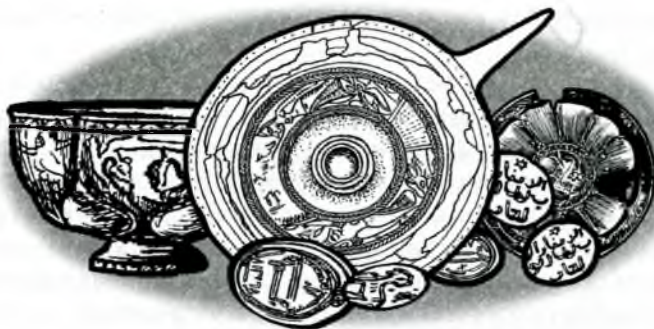
Рис. 28. Клад железных вещей из Западного Башкортостана.
По Н. А. Мажитову

тиях. Тут «работали» уже целые артели «бугровщиков», которые только этим и жили, зная понаслышке о богатствах этих могил, как «наследство Батыя»...

Подробнее об эпохе Батыя или «Батыевой тропе» в кладологии мы поговорим чуть позднее. А пока что отметим: золотоордынское иго выкачало из Руси практически все золото. Ибо то, что в виде песка либо самородков или, что интереснее, изделий из металла *веками* поступало с Урала и Алтая в Европу, тут за краткий промежуток времени (для истории человечества 200 лет – миг, песчинка) *сторницей* вернулось в Азию. И московские князья XIII–XV вв. в духовных грамотах (завещаниях) передавали наследникам единичные золотые вещи. А в годы правления Ивана III (деда Ивана Грозного) первым российским царем ... нередко в качестве наградных медалей верным сподвижникам использовались золотые монеты, перечеканенные из бывших венгерских дукатов. Своей наличности, видимо, было «в обрез» из-за наследия Орды. Казалось бы, стал даже нарушаться закон сохранения вещества по теории Ломоносова-Лавуазье о «сообщающихся сосудах»!

Правда, в XVI в. об этом законе мир еще не знал, т. к. до рождения авторов теории было долгих два века, а Европа и Азия (Русь и Орда) мало походили на братьев Диоскуров. Но закон-то, пусть даже неоткрытый, ведь должен был действовать по причинам объективного характера?! Должен. И действовал. Но в рамках длительных исторических эпох, осознание которых приходит позднее. А утечка «злата-серебра» из Руси в Орду, превратившаяся было в своеобразное целенаправленное течение рукотворного восточного арыка, была пресечена и даже повернута вспять именно при Иване IV, Грозном. После Ливонской кампании начался перелом, а завоевание Казанского и Астраханского ханств приводит к появлению в Московии огромного числа украшений и посуды из драгоценных металлов.

Таким образом, пути древнего золота в конце XVI в., после 300-летнего «искажения» и искусственной модуляции традиционных маршрутов, вновь поменяли «полюса» своего движения. И на сей раз – уже надолго. А при Петре Алексеевиче, т. е. в начале XVIII в., в России начинается уже *систематическая* чеканка монеты в золоте. Расширяется, естественно, разведка месторождений. И державные власти продолжают издавать указы о поощрении нашедших новые клады и, естественно, о наказании их утаивших. К последним причислялись и «бугровщики», как расхитители национального богатства России, в разряд которого (не без основания) было отнесено и содержимое древних курганов Евразии. Ведь еще от античных авторов шла молва о сказочных богатствах скифов, а затем и пришедших им на смену сарматов. Где же оно хранилось? Откуда поступало? Где оседало: в «царских» курганах Тавриды, в ковыльных степях нынешнего Оренбуржья, в предгорьях Алтая? Об этом – наш следующий рассказ.

ЖЕМЧУЖИНЫ САРМАТСКИХ ЦАРЕЙ

Итак, читатель наш уже знает, что наследниками старых хозяев Великой степи – скифов – были сарматы. И достался им в наследство не один лишь ковыль: не все, ох не все богатства «осели» в курганах древней Скифии. Осталось и на их преемников... Слава о них шла великая, начиная от Эфора и Феофраста (IV в. до н. э.) до Страбона и Плиния (I в. н. э.).

...30 апреля 1911 г. в Оренбургскую ученую архивную комиссию поступило сообщение от крестьянского начальника 3-го участка Уральского уезда Ф. Я. Попова о том, что некоторые жители с. Покровка, расположенного при впадении р. Хобды в р. Илек (ныне с. Покровка Соль-Илецкого района), начали раскапывать курганы. Кто бы мог подумать, что повод к раскопкам подали суслики! Дело в том, что однажды дети-пастухи заметили, как суслик из своей норы на кургане вместо земли выбрасывает уголь. Район Покровки безлесный, уголь – прекрасное топливо для самоваров. «Не прошло и двух дней, – писал в своем сообщении Ф. Я. Попов, – как из двух-трех курганов было вывезено несколько возов угля жителями Покровки». Это было только начало, а затем при добыче угля стали попадаться вещи, в том числе и золотые. Это послужило сигналом для раскопки следующих курганов в поисках драгоценных вещей. Так «суслик-археолог», прокладываящий нору в кургане, стал невольным виновником раскопок многих курганов в окрестностях с. Покровки. Ф. Я. Попову удалось отобрать у кладоискателей и прислать в комиссию всего лишь две золотые бусины, золотое изображение бараньей головы, обломок кости с резным украшением и осколки стеклянной посуды. В ответ на этот запрос летом 1911 г. по поручению архивной комиссии в с. Покровку выехал И. А. Кастанье и раскопал два кургана, уже раскопанных крестьянами. Эти курганы находились в 15 верстах от с. Покровки, в степи,

стояли рядом и поэтому именовались казахами «Кос-Оба», т. е. «Парные курганы»¹.

Несмотря на то что «джентльмены удачи» уже изрядно «потрудились» на курганах, опытному археологу И. А. Кастанье удалось при правильной организации дела провести работы на Кос-Обе достаточно успешно и найти несколько новых предметов из драгоценных металлов сарматского происхождения. Эти предметы 1911 г. и составили *основу* коллекции сначала ученой архивной комиссии, а затем – местного музея, где есть немало уникальных вещей скифо-сарматских царей.

Так, в Оренбургском областном краеведческом музее хранится древнее серебряное блюдо (пиала). Оно – украшение археологической коллекции музея. Это блюдо – произведение древнеперсидских мастеров, которое совершило дальнейшее путешествие от Древней Персии до оренбургских степей. Пиалу называют «Чашей Атромитра» (датируется концом IV – началом III в. до н. э.).

История находки «Чаши Атромитра» такова. Шел неурожайный голодный 1911 г. Трудно жилось украинским переселенцам-крестьянам д. Прохоровки Михайловской волости Оренбургского уезда (ныне с. Покровка Шарлыкского района Оренбургской области). Вот тогда-

Рис. 29. Бронзовый кувшин. Комсомольское.
По А. Х. Пчиеничнюку

¹ Попов С. А. Тайны Пятимаров. С. 70.

то и решил крестьянин этой деревни Л. П. Олиференко попытать счастья в поисках клада в тех курганах, которые виднелись на полях деревни и даже на его собственном поле. Бедным крестьянином руководила легенда, ходившая среди местного населения: «Лет сто тому назад вся местность была покрыта дремучим лесом, который еще помнят деды Прохоровки, а земля принадлежала башкирам. Из России приехал переселенец по фамилии Прохоров, которому приглянулась эта местность, и он задешево купил землю, построил хутор. Однажды на одном из курганов, ближайшем к его дому и отличавшемся большими размерами, он копал для хозяйства яму и выкопал массу золотых предметов, которые продал, а на вырученные деньги построил церковь и ограду вокруг нее, включив в нее и курган; на нем впоследствии устроили кладбище»¹.

Предание о найденных им богатствах живо было среди прохоровцев и в голодный 1911 г. Несколько лиц, отчасти вследствие безработицы, отчасти вследствие нужды, начали раскопки близлежащих курганов. Ведь «голь на выдумку хитра». Сам Л. П. Олиференко снимал насыпи кургана или копал колодец в его центре, а затем, как говорили, забирал со своими помощниками деньги, золото, лежащие в кургане. В одном из этих курганов и была обнаружена данная чаша.

Рис. 30. Серебряный кувшин. Ягошур

¹ Попов С. А. Тайны Пятимаров. С. 64–67.

Находка так подействовала на крестьян, что они немедленно принялись за раскопку соседнего кургана и через несколько дней еще три кургана на полях д. Прохоровки были разрыты. Слухи о находках золотых и серебряных вещей быстро разнеслись по соседним деревням. Жители Плетневки, Кузьминовки, Ново-Федоровки и других деревень также взялись за лопаты: «процесс пошел»... А в итоге десятки курганов были разрыты крестьянами, охваченными «золотой лихорадкой». Раскопки, конечно, велись хищнически, добытые вещи были разделены между работавшими. Так что из грабительских раскопок лишь находки из прохоровских курганов попали в Оренбургский музей, да и то по счастливой случайности. Между кладоискателями Прохоровки вспыхнула драка при дележе добычи. Это привело к вмешательству урядника и станового пристава Филатова, который 5 августа 1911 г. известил архивную комиссию о самовольных раскопках курганов вблизи д. Прохоровки. Найдки были изъяты у крестьян и 7 августа 1911 г. поступили в музей Оренбургской ученой архивной комиссии, пополнив фонды Кастанье...

Однако много золотых предметов было сокрыто от полиции и продано в Бузулук: например, золотая корона. А часть вещей осталась у прохоровцев. По рассказам местных жителей, не участвовавших в раскопках, в Прохоровке еще долго оставалась компания, ставившая себе целью во что бы то ни стало раскопать оставшиеся целыми курганы...

А летом 1915 г. Оренбургский музей посетил крупнейший русский археолог М. И. Ростовцев. По его просьбе С. И. Руденко (в последующем видный советский археолог) в августе 1915 г. произвел раскопки четырех уже раскопанных прохоровцами курганов и с помощью крестьян-кладоискателей установил, какие вещи и в каких курганах были найдены. С тех-то пор серебряное блюдо с надписью «Чаша Атромитра», а также несколько других находок из прохоровских курганов хранятся в Оренбургском краеведческом музее, другие же находки попали в Центральный краеведческий музей Казахстана.

Увы, приходится с грустью констатировать, что вышеуказанная история (далеко не единственная) разграбления курганов на территории нашей страны свидетельствует о больших потерях в культурном наследии человечества, в памяти Земли из-за алчности и неразумности иных ее детей...

Конечно, позднее случалось находить сокровища Степи иногда прямо на поверхности земли, точнее – пашни. Именно такой случай имел место в начале 80-х годов XX века в Адыгее: шла уборка урожая, только вот «урожай» попался необычный: плуг зацепил край старого, оплывшего и потому практически не заметного кургана, а тот «вы-

Рис. 31. Серебряная чаша. Томыз

дал на гора» сначала золотую гривну, потом 2 десятка бляшек с изображением уток, лосей, оленей, и, наконец, – внушительные по размеру и весу золотой и серебряный ритоны, один из которых был заполнен ажурными серебряными украшениями.

Что и говорить, находка славная, но идущая, с точки зрения науки, по разряду случайных. Мы же поведем наш разговор о находках, если так позволительно будет выразиться, «плановых», т. е. появляющихся в ходе регулярно проводимых по планам АН нашей страны ежегодных полевых археологических раскопок.

В ходе таких регулярных полевых сезонов в 1971 г. в Оренбуржье обнаружили интересную находку, когда археологи «вели диалог» с сарматским курганом около п. Новый Кумак. «Диалог» состоялся плодотворный, итогом его стало обнаружение в толще кургана захоронения знатной и, естественно, богатой семьи. В одной из могил (их было несколько) была погребена женщина, очевидно, жрица – уж больно характерным для этой интеллектуальной профессии древности был набор сопровождающих ее в мир «иной» вещей: круглое каменное блюдо-жертвенник для возжигания огня (ираноязычные сарматы были маздеистами-огнепоклонниками), большое ритуальное бронзовое зеркало с набором гадательных камней, типичные для любой нормальной женщины бронзовые серьги и ожерелье из стеклянных бус, также не типичные для обычной женщины бронзовый наконечник стрелы и бляшки-уздечки в виде фантастических животных. «Это-то, – скажет наш читатель, – ей зачем?»

Тогда давайте вспомним сообщения Геродота, Эфора, Страбона, Плиния о наездницах-амазонках. Не о тех легендарных амазонках царицы Ипполиты, с которыми имели дело легендарные Тезей и Геракл, а о реальных народах амазонах-ализонах, живших, по Геродоту, то ли в Малой Азии, то ли на Северном Кавказе. И найденных... в Приуралье! Ведь те же античные авторы, хорошо зная сарматов-сирматов, не раз отмечали в их обществе высокий статус женщин, особенно жриц. Последние, в силу своего ранга и *обязанностей*, отличались особой воинственностью, носили оружие (колчаны со стрелами, мечи-акинаки) и при необходимости умело им пользовались. Страбон, Арриан, Онесикрит отмечали такую деталь быта степняков-ализонов: их девушки вступали в брак только после убийства *хотя бы одного(!)* врага. Поэтому наконечники стрел и обкладки колчанов в женских могилах нас удивлять уже не должны: более 20% всех женских захоронений сарматов Приуралья содержат оружие, главным образом, колчаны с бронзовыми наконечниками стрел.

Однако Ново-Кумакский могильник подарил археологам не только стандартный набор амазонки V–IV вв. до н. э. Здесь лежали еще и вещи высокой историко-художественной ценности: массивная золо-

тая гривна (шейное украшение в виде согнутого дважды обруча) весом в 785 г. Ее концы древний мастер изобразил в виде литых фигурок двух скачущих круторогих козлов-архаров. Рядом – серебряный ритон в форме лошади, из того же металла и курильница в виде шишки ливанского кедра. Явно в ахеменидский Иран уводит и техника изготовления находок (ритон, курильница) и мотивы их орнаментации.

Подобные изделия Ближнего Востока уже не раз встречались и встретятся еще в богатых могилах сарматов Южного Приуралья, Оренбуржья и Башкирии. И не случайно. Ибо по этим местам в древности проходил караванный путь, где в роли посредника между Уралом и Ираном выступали северные сатрапии державы Ахеменидов – Хорезм и Средняя Азия VI–IV вв. до н. э. Через их земли путь по Эмбе, Узбою, Аму-Дарье шел на юг – в Иран и на север, в Приуралье, где на рубеже V–IV вв. складывается ядро степняков-сарматов (или сирматов).

Рис. 32. Серебряные чаши. *Томыз*

Позднее они в массовом порядке, по законам степных кочевий, передвигаются на запад, в Нижнее Поволжье, где под именем аорсов подробно описаны в 11-й книге «Географии» Страбона. Именно он, «отец географии», писал, что аорсы осели на севере Каспия и «...торговали индийскими и вавилонскими товарами, получая их из Мидии (старое название Ирана) и далее перевоза на верблюдах» в сторону Приуралья, о чем говорят находки рубежа новой эры (подробнее об этом см. главу «Восточное серебро на Урале»). Впрочем, дело не ограничивалось только торговлей: золотая гривна, ахеменидская печать с царем, побеждающим льва, или знаменитый орский из египетского стекла сосуд с именем Артаксеркса – едва ли предметы торговли, тем более – трофеи: до Египта сарматы не доходили никогда. Скорее, эти предметы есть символ дарений ахеменидских владык своим верным союзникам за военные подвиги, ведь сарматские дружины воинов были нередко в составе войск царей древнего Ирана.

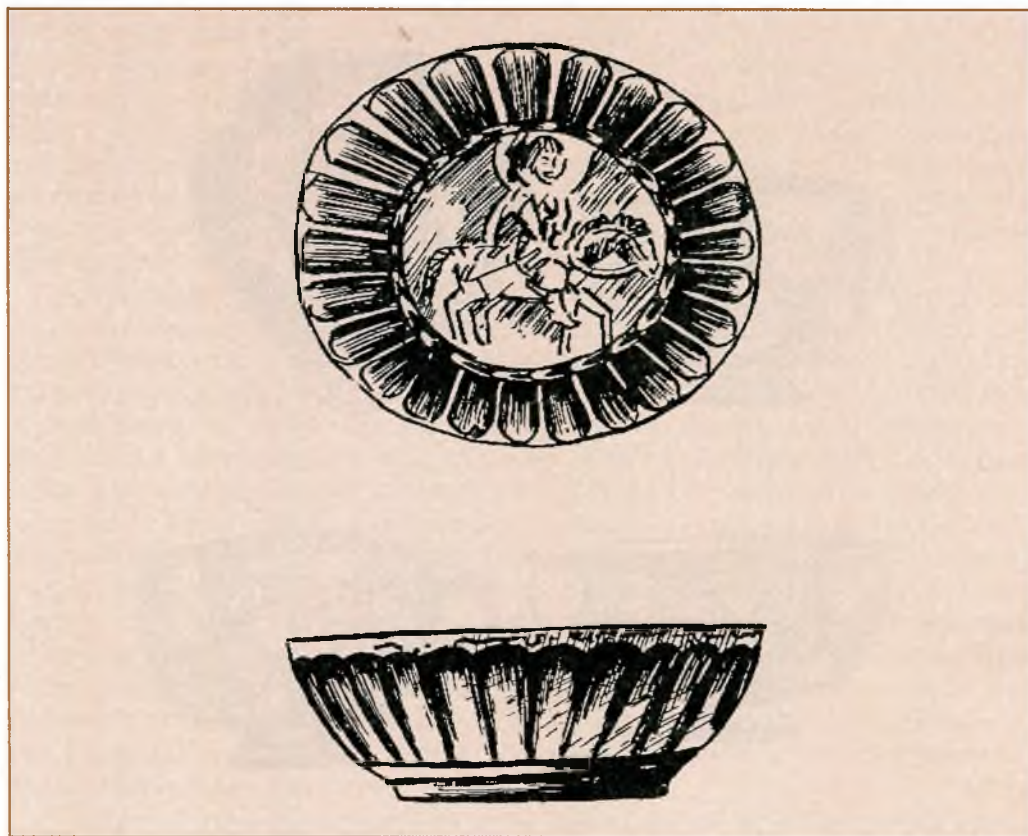

Рис. 33. Серебряная чаша. *Шахарова*

...Спустя почти десять лет после раскопок у Нового Кумака Оренбургский край вновь порадовал земными кладами. В тот год на севере области, у д. Гумарово, работала экспедиция Стерлитамакского Дворца пионеров. Им-то и улыбнулась Госпожа Удача, когда в самом конце раскопа савроматского (раннесарматского) кургана у одной из его раскопанных могил вдруг начала отваливаться стенка. А когда стали поправлять обвалившийся край, открылся тайничок. Маленький такой, знаете ли, но в смысле находок очень приятный: воинское захоронение, сопровождаемое колчаном, украшенным пятью золотыми бляшками. Причем каждая из бляшек несла миниатюрное, но четкое, мастерское изображение летящих в прыжке оленей с подогнутыми ногами и откинутыми назад в порыве головами. Олень – самый популярный мотив украшений у сарматов и близкородственных им южных соседей: саков и массагетов, что отнюдь неслучайно, ибо это их древний тотем – защитник и легендарный прародитель. По-древнеирански олень звучит как «сак», «сакэ». Отсюда и само название степняков – саки, массагеты (мас-сакэ), т. е. «сыновья, дети оленя»... У сарматов были тесные и постоянные связи с родственными соседями на востоке – сибиро-алтайскими скифами. Чуть севернее их, в районах Тюмени, Тобольска и вдоль р. Исеть, современниками скифов и сарматов были угрозичные саргатские племена, известные тут еще по находкам раннего железного века. Правда, основная масса саргатских курганов бедна (чтобы не сказать – убога) и содержит лишь невыразительную с эстетических позиций керамику да немногочисленное вооружение из железа. И непонятными в этой связи долгое время для исследователей были три наглядных факта этого региона:

1. Явственные следы многочисленных разграблений бедных (?) саргатских могильников.

2. Многочисленные реляции на рубеже XVII–XVIII вв. в Москву и Санкт-Петербург тобольской администрации о массовых задержаниях и поимке артелей «бугровщиков».

3. Наконец, хранящаяся ныне в Эрмитаже, но собранная на основе тоболо-тюменских находок Сибирская коллекция Петра Великого.

Поступила же последняя в северную столицу России во исполнение известного указа Петра о Кунсткамере от тобольского губернатора М. П. Гагарина и содержала, в полном соответствии с описью, более 230 (!) предметов из драгоценных металлов. Откуда, спрашивается, сие великолепие в краях бедных древних саргатов? Не одно поколение ученых задавалось этим вопросом, не видя связи между тремя вышеуказанными фактами. А связь была, но требовались доказательства. Их дал в 1986 г. Тютринский могильник, раскопанный у д. Сидоровка (Нижнеомский район Омской области) экспедицией под руководством профессора В. И. Матющенко.

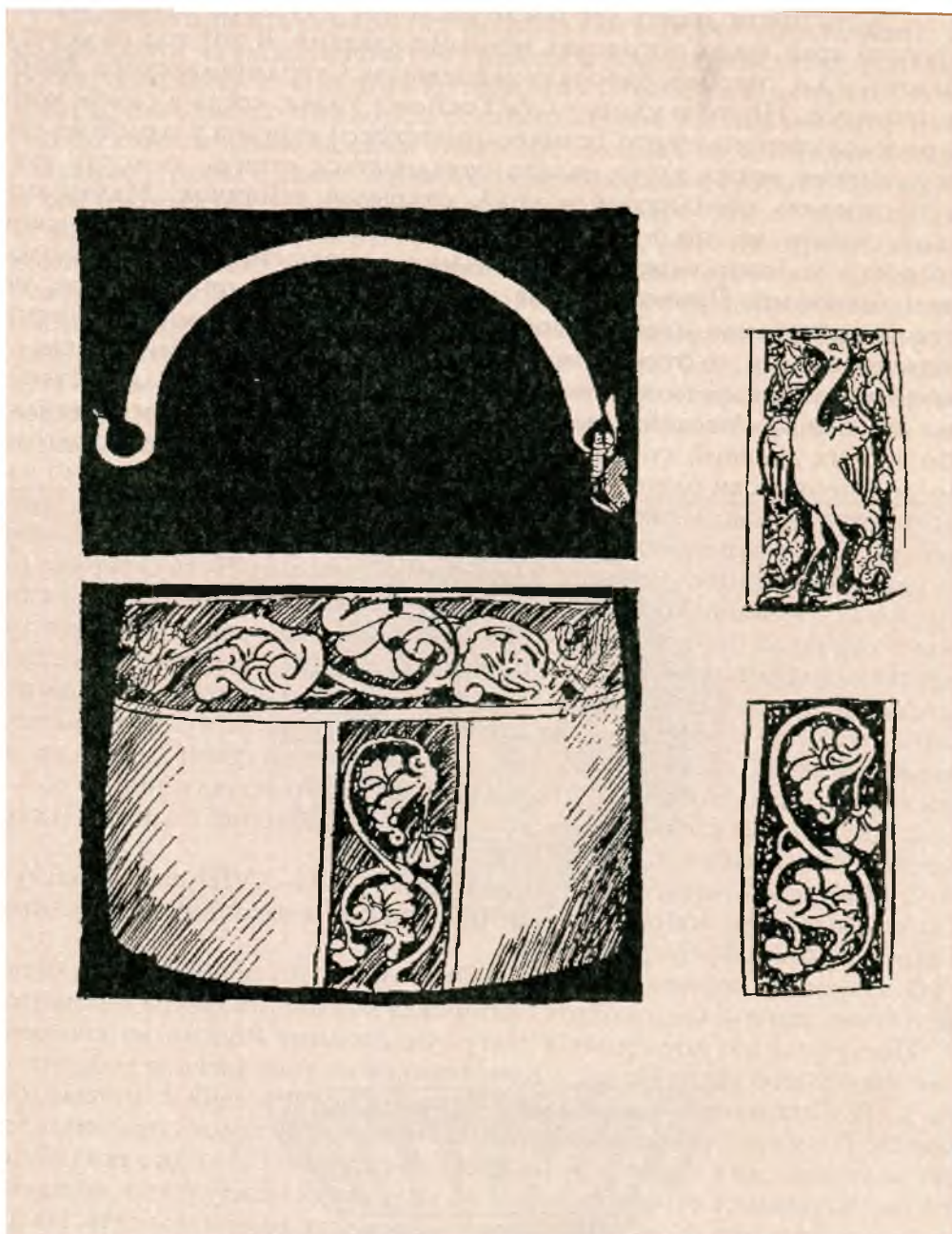

Рис. 34. Серебряное ведро. Афанасьев

Первоначально погребения могильника древних скотоводов в соответствии со сложившимися у ученых представлениями о саргатах не баловали археологов: все тот же бедный инвентарь, все те же следы ограблений. Казалось бы, ограблений *чего?* И тут-то курган приоткрыл свою тайну, т. к. одно из его погребений оказалось не ограбленным. Точнее, ограбленным наполовину, в верхней части. А нижняя-то оказалась нетронутой ни в древности, ни в XVII в.! Что же открылось взорам археологов в раскопанной ими просторной могиле (4,5х5 м, глубина – более 2 м, три слоя перекрытия деревянными плахами)? На дне захоронения, на циновке, лежали останки мужчины лет 30–35, одежду и обувь которого украшали 2 золотые перегородчатые пряжки и 2 золотые, но инкрустированные еще и камнями пластины с изображением сцен борьбы драконов. Мало того: в области таза лежали серебряная поясная пряжка со стилизованными фигурками то ли тигров, то ли пантер и золотая поясная накладка с изображением кошки. Шею погребенного когда-то украшала массивная золотая гривна, лобную часть лица – мелкие золотые пронизи от оторочки шапочки, у левого уха – ажурная золотая серьга. Рядом с останками воина лежали железный меч и кинжал в ножнах, а также колчан с железными наконечниками стрел и лук с косяными стрелами. Ножны меча, кинжала, колчана были украшены золотыми нашивками и мелкими бляшками из того же металла... Вот тебе и «бедные» саргаты! Вот и тайна происхождения Сибирской коллекции Эрмитажа и многовековых усилий «бугровщиков» Зауралья. Однако продолжим нашу «опись» Тютринского захоронения. В одном углу погребения стояли глиняный сосуд и серебряная чаша, рядом – 2 кожаных бурдюка. Южнее располагались 2 бронзовых котла, один из которых был покрыт бычьей шкурой, рядом с ними – глиняная фляга и боевой топорик из железа. Наконец, в западной части взору археологов открылись конские удила и пластинчатый мужской доспех из железа, несколько серебряных пряжек, наконечник копья из бронзы, а также 2 серебряных фалара (конских нагрудника) с изображением летящего, в китайском стиле (?), крылатого дракона.

Были ли реальными для саргатов связи с Китаем эпохи Хань – сказать до сих пор с уверенностью нельзя; в то же время основная масса инвентаря Сидоровского погребения указывает на несомненные связи населения Приобья в период раннего железа со Средней Азией (Хорезмом), Ираном и Северным Причерноморьем. Предметы вооружения и ассортимент восточной роскоши погребенного говорят о том, что Тютринский могильник стал местом упокоения, скорее всего, саргатского вождя.

Однако у кочевников военный вождь объединял в одном лице светскую (военную) и духовную власть, являясь таким образом еще и жрецом-шаманом, посредником между своими соплеменниками и

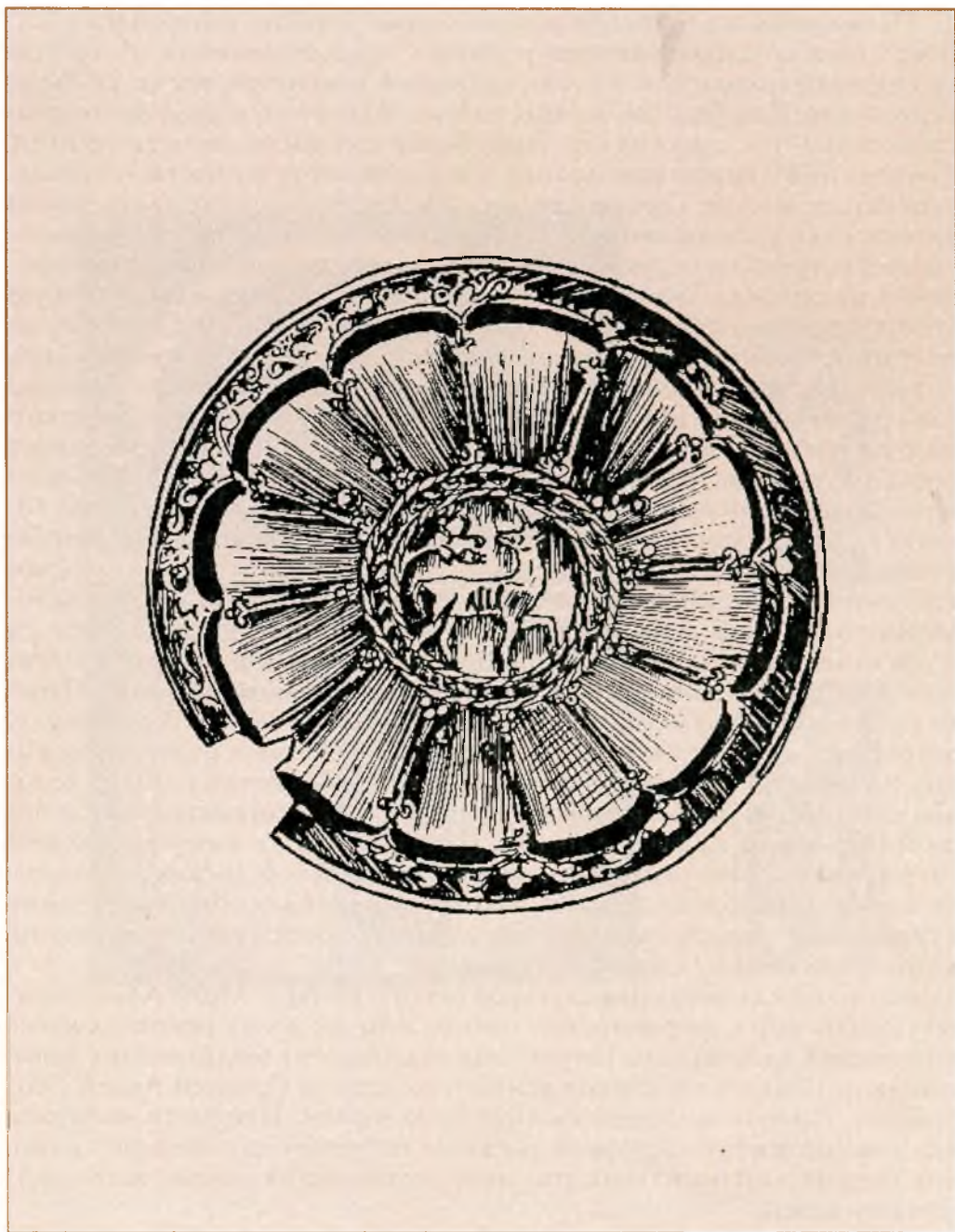

Рис. 35. Серебряное блюдо. Репьевка

небожителями. Личные вещи такого вождя-жреца носили сакрально-культовый характер и должны были изготавливаться из светлого, очищающего от скверны металла. Этим металлом с древности и вплоть до христианства, скажем наших дней, было и остается серебро, очищающие свойства которого ныне – аксиома не только для профессионального химика. Видимо, эти качества металла были известны с глубокой древности, ибо изделия из серебра сакрального назначения нередко в захоронениях древних жрецов. Еще античные авторы в описании деталей быта населения Тавриды отмечали загадочный обряд «скифского курения». Речь шла об *обряде воскурения*, совершавшемся исключительно жрецом (или коллегией жрецов) в особо важных случаях. Такой обряд в числе различных малопонятных ныне своих составляющих имел один непреложный момент: очищение воздуха в зоне совершения ритуала, что и достигалось с помощью ритуальных курильниц. Об одной из таких курильниц, в форме серебряной кедровой шишки, мы уже вели речь при описании клада в Ново-Кумакском кургане.

Нечто сходное дает нам и Сидоровско-Тютринский могильник, где среди вышеуказанного великолепия находок саргатского вождя экспедиция В. И. Матющенко обнаружила воскурительный прибор, в комплект которого входили серебряные чубук и сосудик для воды. Таким образом, перед нами налицо весь набор мыслимых и реально существующих принадлежностей обряда «скифского курения». А если при этом не забывать, что для многих поколений рядовых элинов «*скиф*» был термином собирательным, тождественным обозначению степняка *вообще*, то «скифское курение» в равной мере практиковалось и жрецами степняков Крыма, и их коллегами в Приуралье, и в саргатском Приобье.

Сходным было и то, что многие обитатели Великой Степи делали захоронения на холмах, в их толще или на вершинах. Действительно, многие богатые погребения древних кочевников (и, соответственно, клады для современности) обычно и расположены в холмах-курганах. Это хорошо известно и археологу-профессионалу, и любителю-кладоискателю, сегодняшнему Тому Сойеру или Джону Сильверу, т. е. известно всем. Однако находки конца XX в. в Нижнем Поволжье у с. Косики, чуть выше Астрахани, заметно удивили ученых, а для «джентльменов удачи» вообще оказались неприятным сюрпризом (проглядели!...). Дело в том, что в этом регионе не было обнаружено характерных для степей Поволжья курганов, и кладоискатели-самоучки считали, очевидно, этот район пустым, бесперспективным. Но... Опять это но! Где-то ведь кочевники должны были хоронить умерших со-родичей? Оказалось, что хоронили... Жизнь есть жизнь, а рядом с ней всегда соседствует небытие. И уходящих в мир Тени здесь погребали на вершинах естественных холмов; между прочим, в строгом соответ-

ствии с канонами классического зороастризма, чего в других местах евразийских степей почти не встречается.

Здесь же, в прямоугольной яме, вырытой на самой вершине холма, без всяких внешних обозначений погребения (круг камней, каменная скифская «баба» и т. д.), ушедшего в иной мир сопровождал богатейший инвентарь, многое из которого могло подействовать на психику юного (и не столь уж юного) кладоискателя. Ну в самом-то деле: наряду с ординарными двумя наконечниками железных копий, стрелами, луком, кинжалом здесь лежали две каменные цилиндрические печати. «Зачем это-то воину?» – спросит нетерпеливый наш читатель.

И получит ответ: «Воину-то, надо думать, печати и не нужны, да все дело в том, что перед нами – не воин!» Судите сами: помимо указан-

ных вещей здесь лежали еще 2 котла, чашка, ваза, стаканчик, ритон (все – из серебра), пряжки из слоновой кости, а также несколько золотых бляшек и золотой браслет явно греческой работы одного из городов Северного Причерноморья. Несколько бронзовых позеленевших за 2 тысячи лет римских сосудов средней сохранности дополняли ассортимент древнего «сервиза». Однако не они делали погоду. Истинным украшением неожиданного клада была великолепной сохранности золотая пектораль (нагрудное украшение), изображающая сцены терзания грифонами оленя, быка и барана. Изящество орнаментации и идеальная точность в передаче изображения животных поразительно сближают эту пектораль со знаменитым аналогом из Толстой Могилы юга Украины, что позволяет с большой уверенностью датировать эту находку рубежом IV–III вв. до н. э., а ее автором считать незаурядного древнего эллина из Оливии, Пантикапея или Херсонеса с берегов Понта Эвксинского. А весь найденный комплекс сарматских вещей у с. Косики представляет собой насто-

Рис. 36. Серебряные блюда.
Репьевка

ящий клад для исследователей древней истории Сарматии и ее связей с античным Причерноморьем.

Близкие находкам Мозалевского из кургана Толстая Могила вещи из погребения сарматского вождя из Косики лишней раз свидетельствуют о яркой, достойной памяти потомков, истории и культуре золотообильной Сарматии.

Пожалуй, самым зримым и убедительнейшим тому подтверждением являются поразительные по своему богатству Филипповские курганы центра Оренбургской области, которая граничит с Хайбуллинским районом Башкирии. Раскопки 1986–1988 гг. вела здесь экспедиция Института истории, языка и литературы БНЦ УРО АН СССР из Уфы, которой удалось выявить 24 кургана и начать раскопки некоторых из них.

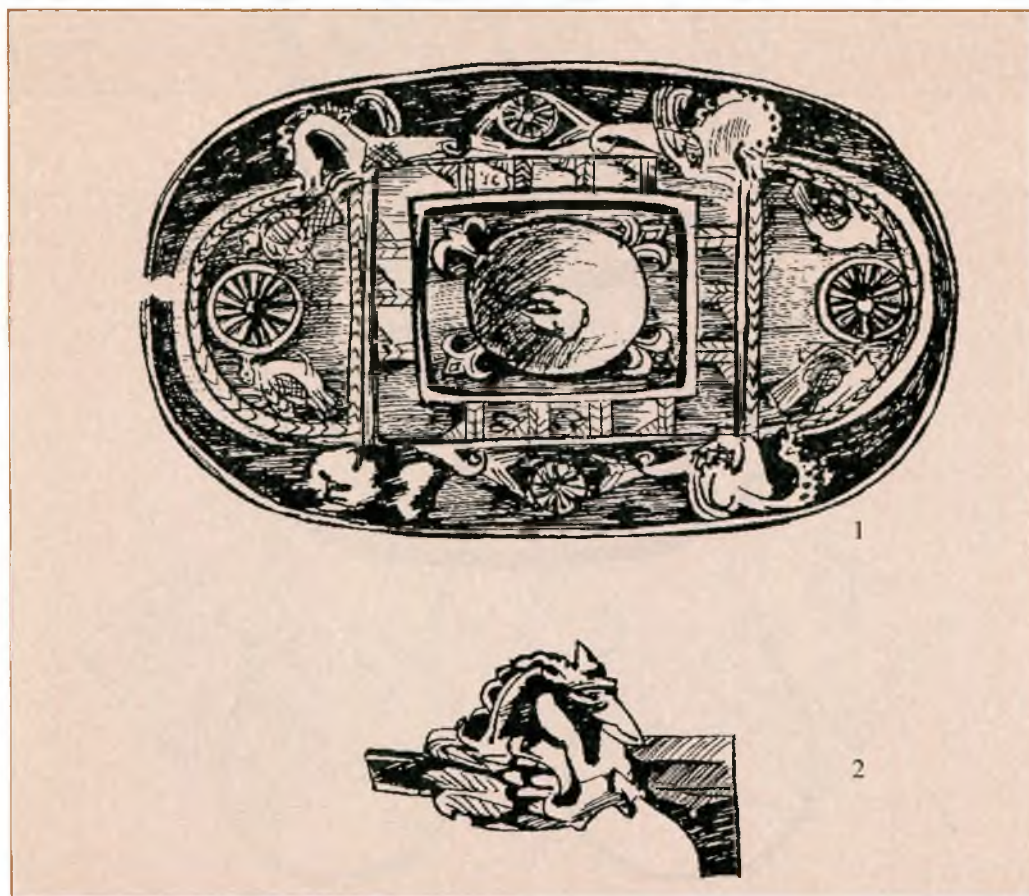

Рис. 37. 1 – серебряный поднос VII–VIII вв.,
2 – деталь ручки золотого кувшина VII–VIII вв.

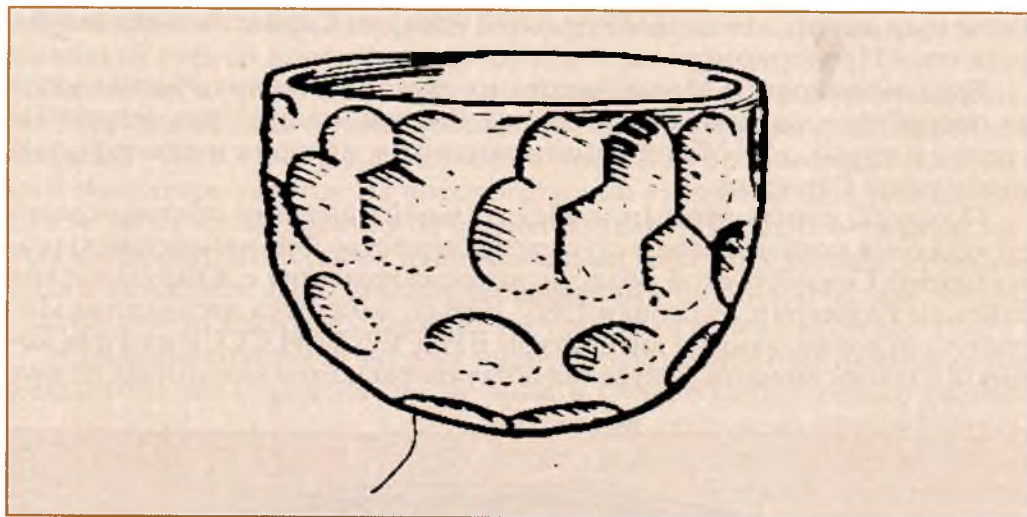

Рис. 38. Стекланный сосуд из г. Уфы –
редчайшая находка средневековья

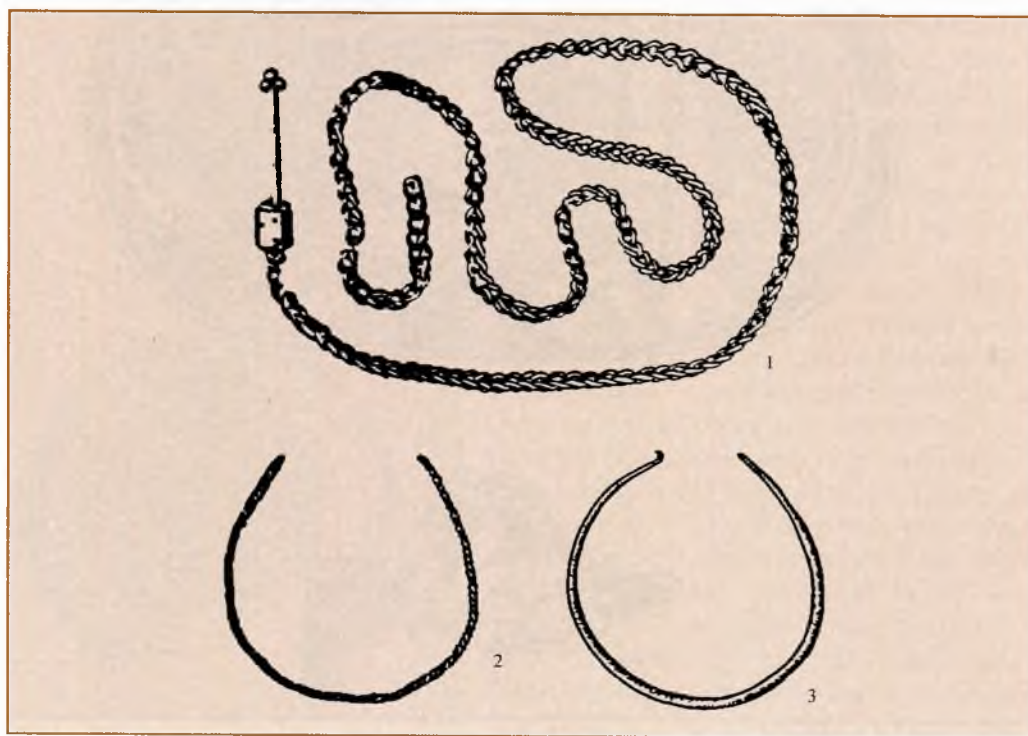

Рис. 39. Золотая цепь (1) и шейные гривны (2,3), найденные на территории
г. Уфы

Рис. 40. Серебряный сосуд, найденный на территории Башкортостана

Рис. 41. Сасанидское блюдо.
Серебро с позолотой. Случайная находка в Оренбургской губернии, 1882 г.

Рис. 42. Сасанидская чаша. Серебро с позолотой.
Диаметр – 12,6 см, высота – 4 см. VI–VII вв. Случайная находка в г. Уфе, 1941 г.

Рис. 43. Изображение царской охоты на сасанидском блюде.
Серебро с позолотой. VI в. Случайная находка в г. Уфе, 1941 г.

Рис. 44. Серебряная чаша из Стерлитамакского могильника.
VII–IX вв. Случайная находка, 1951 г.

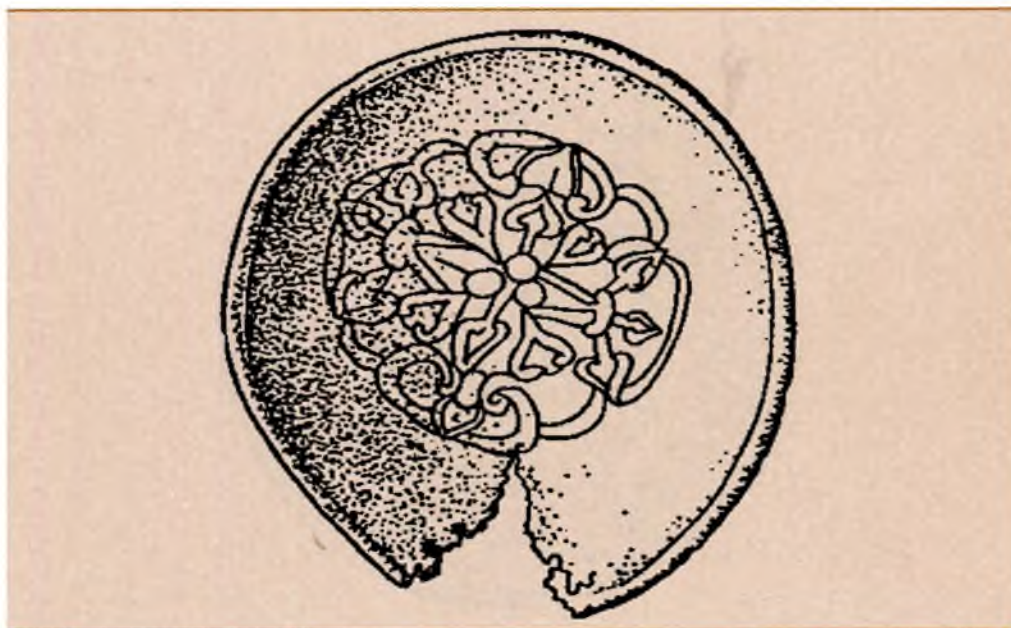

Рис. 45. Чаша импортного производства. Серебро с позолотой. VIII–IX вв.
 Курган на оз. Синеглазово, Челябинская обл. Раскопки В. С. Стоколоса, 1959 г.

Рис. 46. Серебряное блюдо. XI–XIII вв.
 Случайная находка у д. Менькень Оренбургской обл., 1958 г.

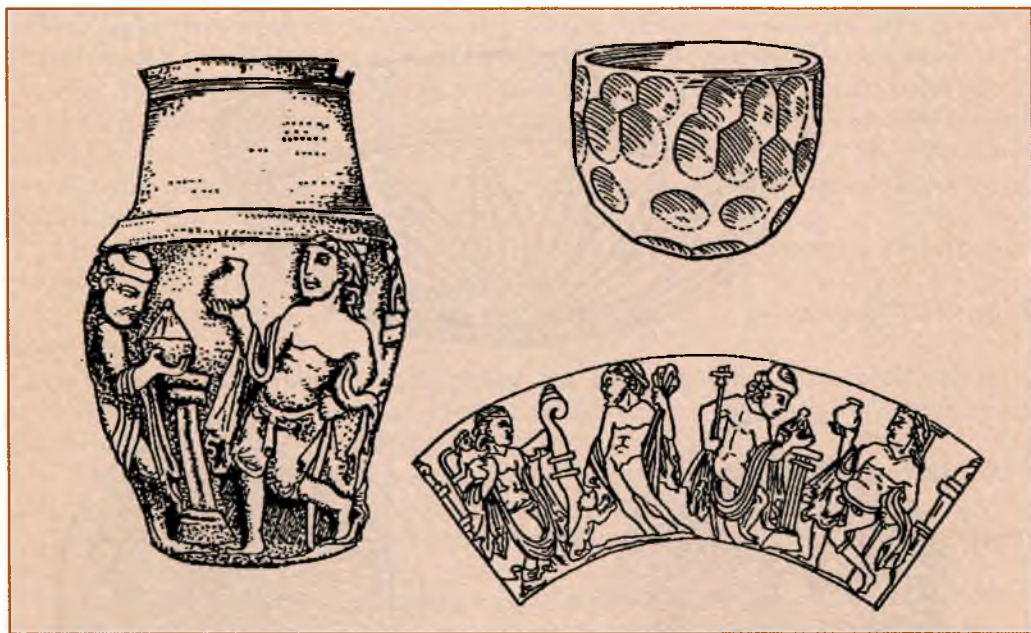

Рис. 47. Импортные изделия на Южном Урале

Эти курганы были оставлены потомкам раннесарматскими кочевниками V–IV вв. до н. э. Большинство захоронений подверглось ограблению еще в древности, так что А. Х. Пшеничнюк и его коллеги, приступая к раскопкам, больших иллюзий не питали. И шло вначале все, как говорят космонавты, по «штатному графику»: железные мечи и кинжалы, колчаны с железными либо бронзовыми наконечниками стрел, удила, скромные украшения конской узда. Но вот в 1987 г. приступили к раскопкам самого большого из выявленной гряды кургана № 1. Диаметр он был 100 м, высотой – более 7 м. Земляная толща этого гиганта скрывала мощную деревянную конструкцию могильного склепа, к которому уже в древности грабители провели три хода только с одной восточной стороны! Затем подобный лаз «старателей» был обнаружен и на самом верху кургана. Однако охотники легкой добычи на сей раз сумели попользоваться только мелочью, ибо главная могильная яма (12x12 м, правильной квадратной формы) в центре кургана на счастье археологов оказалась нетронутой. И боковой ее «сейф» выдал на поверхность массу деревянной посуды, окантованной золотыми пластинками. Дерево, естественно, за далью веков обратилось в труху, а золотая окантовка типа фольги – как новенькая! Здесь же лежали инкрустированный золотом кувшин из серебра, 8 обложенных золотой фольгой фигурок деревянных оленей, несколько ритуальных чаш

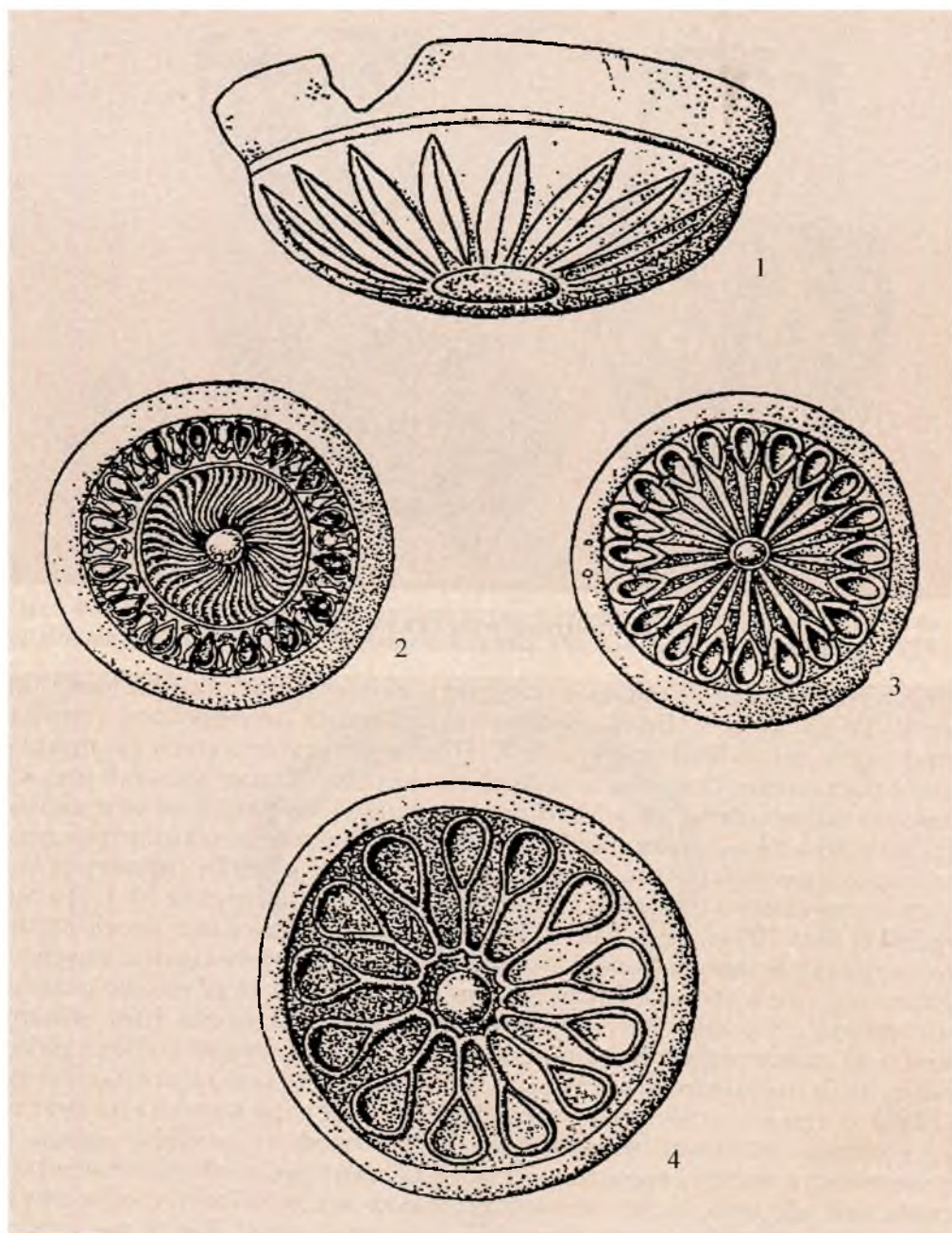

Рис. 48. Блюда и чаши переднеазиатского производства
ахеменидского времени, найденные на Южном Урале

обоих драгоценных металлов и масса золотых бляшек с изображением животных в знаменитом «зверином стиле» геродотовой Скифии.

Это было уже нечто, но как оказалось – не все!.. Сказочным явился 1988 г. Опись его находок составила 251 предмет, причем найденный в 1987 г. сосуд из серебра стал едва ли не единственным, т. к. почти все остальное было из дерева, но в *обязательной* и неперменной золотой обкладке. Так что, по сути дела, клад сплошного золота!

И чего здесь только не было! Перечислить все, конечно, невозможно, вот лишь некоторые из находок:

- фигурка оленя (в золотой, как уже известно, обкладке) размером 51х46 см;
- кувшин высотой 23 см с ручками в виде диких баранов-архаров;
- литая (!) подставка с изображением двух кусающих друг друга верблюдов, волка и диковинной птицы;
- несколько накладок в виде баранов-архаров, дерущихся верблюдов, оленей размерами 5х4 и 8х6 см;
- обложенные золотом железные меч и кинжал длиной, соответственно, 87 и 45 см;
- серебряные бокал и ритон с головой бычка (24 см).

Среди изображений, украшающих поверхность кинжалов, ваз, кувшинов и подвесок, чаще всего встречается священный тотэм степняков – олень (65 предметов имеют этот символ), 64 – хищники (пантеры, львы, волки, грифоны), 41 раз встречаются верблюды, 22 – архары. Кроме того, древние мастера донесли до нас изображения лошадей и сайгаков, косуль и кабанов, рыбок и птиц¹.

Поражает при этом гармоничное сочетание реалистичности (а в сценах терзания еще и натуралистичности) с определенной, а подчас и полностью необходимой для изображения фигурок животных условностью, которая помогает рельефнее подавать характерные элементы звериных фигур: голова кабана, пасть льва, ноги и рога оленя и т. д. Нет слов, художественность исполнения «золотой кладовой» Филипповского кургана ставит его в один ряд с такими аналогами, как Иссык в Казахстане или алтайский Аржан.

При этом надо учитывать, что раскопки только начаты и из 24 курганов Филипповской гряды на сегодня изучены пока не все, а понастоящему – именно № 1, «Царский». И, действительно, содержимое этого кургана можно поставить в один ряд с самыми знаменитыми находками, пусть даже и при отсутствии погребенных-де здесь, по легендам, воинов-великанов. А золотой набор из более чем 700 высокохудожественных изделий позволяет полагать, что сарматы Приуралья (так называемые «прохоровцы») стояли на том же уровне развития,

¹ Пшеничнюк А. Х. Раскопки Царского кургана на Южном Урале / Препринт доклада БНЦ УРО АН СССР. Уфа, 1983. С. 11–12.

что и их знаменитые, по античным описаниям, соседи на западе и юге: скифы, саки и массагеты.

Важным в этом плане, конечно, оказывается вопрос о происхождении Филипповского золота. Судя по центральному погребению, в кургане № 1 покоился прах целой семьи верховного сарматского владыки, сочетавшего в своем лице военную, административную и религиозно-жреческую власть, о чем говорят принадлежности инвентаря *этого* кургана. Содержимое трех других куда как скромнее, что указывает на большое имущественное неравенство, появившееся в сарматском мире IV–III в. до н. э. Шел процесс выделения богатой племенной знати, которая держала паритетный обмен с равными по силе, количеству и мощи соседями и облагала данью более слабых. Одним из этих путей, видимо, и попали в степи Оренбуржья предметы Филипповского клада, явно тяготеющие по тематике и технике исполнения к искусству ахеменидского Ирана V–IV вв. до н. э. Вряд ли сарматы, в силу своей кочевой жизни, сами могли отливать эти вещи. Более вероятно, что транзитом через Узбой–Эмбу–Аму–Дарью–Хорезм эти изделия поступали из Ирана и Средней Азии. А оседали в сокровищницах сарматских царей Евразии, подтверждая правоту Узбойского камня-путеводителя: «Направо пойдешь – в Сарматии еще больше золота найдешь»...

«БУРТАС-НАМЭ», или МИСТЕРИИ ФИННО-УГРОВ

«Многих народов «проходили» мы по истории и географии в школе, а о буртасах – слыхом не слыхал», – озадаченно сказал нам один выпускник школы. И поскольку ходил в медалистах и был, естественно, не в меру горд собой, ущемленное самолюбие направило его к I тому БЭС за 1991 г. издания, где на странице 178 значилось следующее: «Буртасы – плем. союз V–IX вв. в Среднем и Нижнем Поволжье. С. хозяйство, охота. С VII в. под властью Хазарского каганата, затем Киевского гос-ва. Ассимилированы волжско-камскими булгарами и др. народами Поволжья». Все! Поди – пойми. В самом деле, что за народ был буртасы? А ведь вот как писали о них в 1911 г. в 7-м томе Энциклопедического словаря братьев Гранат¹: «Буртасы – исчезнувший народ, живший от слияния Оки с Волгой до нынешней Саратовской губернии. Есть указания на то, что Б. были подчинены хазарам и платили им дань. Главным занятием их была охота и торговля мехами, по другим данным – также разбой. В XIII в. они были покорены татарами и перестали существовать как отдельный народ. По-видимому, между буртасами и нынешней мордвой существовало ближайшее родство».

Добавим, в свете современных данных, что это родство прослеживается у буртасов еще и с частью мари, волжско-камских булгар до монгольской поры и, наконец, с удмуртами. Ведь у этих народов общее историческое прошлое, генетическое и языковое родство. А у двух народов даже созвучие в названии: мордва, удмурт происходят от корня «мурд, морд», что означает «народ, сородичи».

¹ Смирнов И. Н. Буртасы (Мордва) // Энциклопедический словарь братьев Гранатъ. М., 1911. Т. 7. С. 211–212.

Вот на земли этих-то сородичей финно-угорского мира, в края Оки, Суры и Волго-Камья, мы и передвинемся теперь из сарматских степей, где пыль веков вперемешку с золотым песком скрипит на зубах и режет глаза на перегонах кочевий...

Здесь же, на землях Волго-Окского междуречья, с древних времен жили финно-угорские племена. На рубеже старой и новой эр (пьяноборская эпоха III в. до н. э.) оставили они в память потомкам чегандинскую археологическую культуру, в которой специалисты по финно-уграм Прикамья насчитывают на сегодня целых семь кладов! Большинство из них находили на небольшой глубине во время пахоты. В результате такие находки становились добычей землепашцев, как это случилось, скажем, в 1890 г. близ д. Трошки в Удмуртии.

Копали там землю под огород на окраине не один год – и ничего. А в тот год, после очередного передела земли в крестьянской общине, новый владелец участка решил пройтись по чернозему плугом, чтобы подготовить почву для засева зерна. Не успел сделать и десятка борозд, как... выпалал большой клад бронзовых украшений общим весом около 3 кг¹. Увы, многое тут же оказалось расхищено, а что осталось – украшает ныне залы Кировского, Казанского и Московского исторического музеев – так широко и далеко от отчего края разбросала судьба этот клад. Входили же в него бронзовые нагрудные украшения – бляшки, спирали, ременные пряжки, пронизи и другие мелкие (типа бисера) украшения, которые нашивались на верхнюю одежду чегандинцев во II–III вв. н. э. в с. Чеганда на юге Удмуртии. В этом селе в самом конце прошлого века (1894 г.) побывал известный писатель и этнограф-фольклорист Ф. Д. Нефедов, беседовал с крестьянами о житье-бытье, интересовался их песнями, сказами и легендами. Эти расспросы и вывели его на историю богатого клада, от которого у местных крестьян еще кое-что оставалось «на черный день».

Не дожидаясь прихода «черного дня», крестьяне по сходной цене и из «особливого уважения к господину писателю» реализовали заезжему литератору несколько бронзовых нагрудных бляшек. На месте находок были проведены по «свежим следам» новые раскопки, в результате чего на свет появился... новый клад! Бронзовые пронизи, лапчатые подвески, крупные бляшки с одной или двумя петельками на краях – всего 185 предметов того же времени (II–III вв.). Добавим, что в окрестностях этого села в те же годы при раскопках было найдено еще два клада, в составе одного из которых был хорошо сохранившийся бронзовый меч и литая кастрюля из далекого Рима². Поистине, не Чеганда, а «золотое дно» для исследователей!

¹ Генинг В. Ф. История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху // Вопросы археологии Урала. Свердловск, 1971. Вып. 11. С. 108.

² Генинг В. Ф. Указ. соч. С. 102–103.

Впрочем, и другие районы Волго-Камья не скупилась, одаривая сюрпризами счастливчиков. Среди участников парада кладодержцев Агрызский район Татарстана. Здесь у д. Исенбаево, что на левом берегу Бима – притока р. Кырыкмас, в далеком теперь уже 1910 г. опять же при вспашке земли по весне на глубине 5 вершков (что около 25 см) был найден клад из 173 предметов, украшающих ныне экспозицию Саракульского краеведческого музея. Нашедший клад крестьянин Ш. Вахитов не пошел по обычной дорожке расхищения и перепродажи предметов находки, а практически полностью передал найденное в местный музей. И для науки доброе дело сделал, и имя свое вписал в историю края... А посетители музея могут и сегодня оценить таланты древних мастеров, запечатленные в изделиях из бронзы: 31 лопаточная подвеска, 58 пронизей-полуцилиндриков, 6 поясных накладок, 28 бляшек с двойной петлей (и плоские, и выпуклые), 2 бляшки-накладки в виде четырех полугорошинок, соединенных между собой, и многое-многое другое рубежа II–III вв. н. э.

Из этого же Агрызского района дошла до нас от пьяноборского населения еще одна богатая находка, обнаруженная близ д. Каменный Ключ. Набор предметов этого клада тот же, а вот формы изделий ранее в этих местах как будто не встречались: подвески трапециевидные, кольчатая накладка, 4 лапчатых подвески и большая накладка, совершенно оригинальной ромбовидной формы¹. Материал этот наглядно показывает, что жизнь не стояла на месте, шло время, которое, как известно, лучший учитель, и в ногу со временем совершенствовалось мастерство финнов-бронзолитейщиков.

Даже то, что сохранилось в одном этом районе современного Татарстана, с убедительностью говорит о высоком мастерстве и культуре коренного, угорского населения края. А ведь сколько расхищено, сколько продано оптом и в розницу, сколько дошло до нас в «остаточной» форме. Взять хотя бы историю с кладом из д. Мадык Татарстана. Одна, казалось бы, территория и население тоже. Но если для Ш. Вахитова, нашедшего клад, ответ на вопрос «что делать?» был однозначен (мы об этом только что поведали нашим читателям), то здесь итог, увы, был иной: о находке 1890 г. ученым стало известно только 8 лет спустя, так что когда археолог А. А. Спицин приехал на место, от клада весом около 12 кг остались сущие крохи (медная бляха, да 4 мелких золоченых бусины).

Лучше обстояло дело в сопредельной Удмуртии. Здесь в 1898 г. крестьянин Бабинов из с. Новоколенное (ныне Каракулинский район республики) выпалал по весне клад медных вещей изрядного количества. Как сообщалось в пущенной по инстанциям депеше, «вещей най-

¹ Археологическая карта Татарии (АКТ). М., 1981. Т. 1. С. 173–174; *Генинг В. Ф.* Указ. соч., № 46 и 50.

дено с целую шапку, до 8 фунтов весу». Фунт, как известно, 400 г с хвостиком, итого получалось около 4 кг – и инстанции незамедлительно прореагировали, памятуя о крупной неприятности с Мадыкской находкой в Татарии. И на этот раз посланному для раскопок А. А. Спицину уже по-настоящему повезло. Как говорится, воздалось сторицею: коллекция включала в себя 2 выпуклые и 2 большие плоские бляхи, 6 одинарных, двойных и четверных бляшек с выпуклой поверхностью, столько же обувных пронизок и 20 спаренных полупронизок. Кроме того, Спицину удалось приобрести у крестьян и таким образом вернуть в этот клад (едва не покинувший его по коммерческой воле жителей села) еще 2 обувные застежки, бронзовую подвеску в виде колокольчика и несколько бусин начала III в.

Все в этом кладе было аналогично другим находкам *пьяноборской* культуры финно-угров Прикамья, кроме одного важного обстоятельства: большинство найденных тут вещей не были подвергнуты окончательной обработке и очистке после отливки и пайки! Иными словами: 17 лапчатых подвесок, бляшки, пронизи, накладки и другие украшения *никогда* не были в употреблении, запрятаны в землю сразу же после отливки, очевидно, самим мастером¹. Как говорится, впрок... И была тому причина. В самом конце II в. в чегандинское Прикамье начинается массовое и не слишком-то дружественное вторжение племен тюркского, самодийского и зауральско-угорского происхождения, которые вынуждены были оставлять свои исконные территории под напором гуннов. Учитывая это обстоятельство, становится понятным происхождение столь поразительно короткого промежутка времени: ведь все семь найденных кладов (а сколько их еще ждет своей весенней выпашки!) «укладываются» в 20–25 лет на рубеже II–III вв. н. э. А, может быть, этот интервал времени был и того меньше – здесь пока полной ясности нет.

Поговорим о том, что уже найдено и учтено точно. Знаменитый Каракулинский клад 1929 г. с юга Удмуртии содержит 641 предмет 18 типов. Вес же некоторых других кладов Прикамья, пусть и не столь обильных по «сервировке», как Каракулинский, мог превосходить упомянутый и достигать, судя по сообщениям конца XIX в., даже 30 фунтов (считай, почти пуд...). Но дело, конечно, не в количестве и уж тем более не в весе. Поражает другое: десятки, а то и сотни находимых в кладах однотипных вещей (накладки, пронизи, бляшки) говорят о высокой культуре их изготовителей. Качество и индивидуальность обработки каждого украшения как бы урок нам из прошлого. Да и как не оценить, если иные из находок Волго-Камья украшают стенды музеев не только республик Поволжья, но и «самого» Эрмитажа. В самый раз упомянуть по случаю находку, сделанную в 1913 г. у д. Ах-

¹ Генинг В. Ф. Указ. соч. С. 100.

тиял на р. Иж Елабужского края (ныне район Татарстана). Это истинный клад, к тому же несколько необычный, ибо сочетает в себе предметы двух разделенных не одной тысячей верст культур начала новой эры. С одной стороны, стенды музея на Неве демонстрируют нам уже знакомые теперь предметы наследия чегандинцев: 5 бронзовых выпуклых блях с отверстием в середине, 2 поясные застёжки – все это встречалось и раньше, не так ли? Так-то так, да вот какие два обстоятельства выделяют их на общем фоне пьяноборской культуры: никогда прежде в этих краях поясные застёжки не имели эполетообразной формы. Откуда это новшество? Свое или привнесенное? А откуда на 5 бляхах необычный, прочерченный чем-то острым узор или, скорее, орнамент в виде 6-лепестковой розетки? Тоже новшество, словно свалившееся вдруг с небес. Может быть, отгадка в том, что Елабужский клад Эрмитажа имеет предметы еще и «с другой стороны», о чем мы едва не забыли. Вот они: это большая и сильно деформированная чаша с ручками, несущая по дну надпись *Arripianus*, и бронзовая кастрюля далеко не местного производства. Исследовательницей этого клада А. И. Волкович еще полвека назад было убедительно доказано, что подобные чаши и кастрюли в первые полвека новой эры в массовом порядке производила Капуа, столица провинции Кампании в далекой Италии, тогда еще – Римской империи!¹ Вот куда уводит нас часть находок клада Елабужского. И тогда становятся объяснимыми необычные для финно-угров, но столь естественные для римлян и эполетообразные застёжки, и розеточный орнамент. Другое дело, что теперь, на рубеже II–III вв. н. э., эти элементы римского декора переходят на изделия финно-угров Прикамья. Как тут не вспомнить легенду о «Золотой бабе», также-де прибывшей в угорскую Парму из «Вечного города»!..

Однако спешить с выводами о «Золотой бабе» мы не будем – о ней читателя ждет отдельная глава впереди, – а обратимся теперь ко второй линии влияния на угров Волго-Камья, о чем мы уже вскользь упоминали выше. Напомним, что большинство чегандинских кладов спешно предавалось земле под влиянием внешнего фактора – пришедших сюда под натиском гуннов тюркских и угорских племен Предуралья и Зауралья. Что же оставили последние, уходя на запад с родных мест?

Ответ на этот вопрос у науки еще впереди, но первые результаты уже есть. Так, археологам хорошо известен культовый «тайничок» из д. Сапоговой Буринского района Челябинской области. «Вскрыли»

¹ Волкович А. И. К южным связям Прикамья в последние века до н. э. и первые века н. э. // Труды ОН ПКГЭ. Л., 1941. Т. 1. С. 219–236; Кротошкин В. В. Из истории торговли с Восточной Европой // Историко-археологический сборник. М.: МГУ, 1962. С. 150–151; АКТ. М., 1981. Т. 1. С. 169.

его чуть более века назад (если не раньше)¹ и поначалу сильно удивились содержимому. Находку составляли несколько бронзовых литых фигурок с четко выраженными чертами женщин и мужчин, причем мужские фигуры даже более выразительны, это изображение воинов, вооруженных мечами, кинжалами и колчанами-горитами, из которых виднеется верх лука. Какова цель, которую преследовал даровитый мастер, создатель фигурок? Едва ли это просто художественное литье, типа каслинского: в те времена подобные изделия носили чаще сакрально-магический смысл амулетов – «оберегов», «духов» – защитников рода-племени от недобрых соседей, от «незваных гостей» с востока (тех же гуннов). И если так, то фигурки с ролью «оберега от гуннов» явно не справились. Однако это только одна из версий. Быть может, их назначение было и совсем иным, соответствующим мировоззрению древнего угра, а не современного жителя Челябинской области...

Другой памятник угров Приуралья – и еще одна загадка – на сей раз из II Охлебининского городища Ак-таш в 32 км к югу от Уфы. Культурный слой достигает здесь местами 1,5 м глубины, а клад оказался едва ли не на поверхности земли – всего 30 см вглубь грунта («на штык», как говорят археологи). Именно археологи БФАН СССР и нашли этот клад жарким летом 1965 г. Завернутые когда-то в кору либо уложенные в берестяной туесок (он не сохранился), здесь лежали 10 темно-синих пастовых бусин с глазками в белой окантовке, 30 обоймочек из гофрированных бронзовых пластин и 7 изящных чашечек-ворворок из чистого золота. Трудно устоять от соблазна попить чайку из такого древнего золотого сервиза! Да вот беда – чашечки уж больно миниатюрны: диаметр – 4 см, а высота и вовсе чуть больше двух, да к тому же каждое донышко имеет в центре небольшое отверстие... Нет, не попить из такого набора душистого чая, да и не для того ворворки предназначены: они – украшения в комплексе с гривной. А вот и центральная часть клада – прекрасно сохранившаяся до наших дней бронзовая гривна, состоящая из 6 спаянных между собой (наложенных друг на друга) колец, каждое из которых при этом обложено тонким листовым золотом! Прекрасная работа, но чья? И в этом загадка клада, ибо в чем-то сходные с охлебининской гривны встречаются в IV–II вв. до н. э. у саков и савроматов, чуть позже – у караабызских (угорских) племен². И те, и другие на стыке рр. Белой и Сим жили бок о бок не один век, савроматы по левому берегу Ак-Идели, угры – справа...

¹ Сальников И. В. Древнейшие памятники истории Урала. Свердловск, 1952. С. 112–113.

² Пшеничнюк А. Х. Караабызская культура // АЭБ. Т. V. Уфа, 1973. С. 197.

ЧУДСКИЕ ЛЕГЕНДЫ

Не притомился ли еще, наш читатель, от обилия золота и иных сокровищ в кладах сарматских царей, о чем мы повествовали выше? Или рассказы не так утомляют как само золото?! Бывавшие в Золотой кладовой Эрмитажа или Оружейной палате Кремля хорошо знают этот странный эффект золота: первые 10–15 минут смотришь на него с азартом, через 10 минут – гораздо спокойнее, а еще через полчаса скользишь по предметам из драгоценных металлов с мыслью: «Ну и что, подумаешь...» И если у читателя хватило сил за один присест дойти от начала книги до этой главы, то мы почти уверены, что первая фаза знакомства с «солнечным металлом» уже позади; может быть, и вторая на исходе? Тогда спокойно и смело можно идти дальше. Продолжим же в таком случае наше знакомство с лесной зоной Прикамья на стыке с землей Пермской, начатое в прежней главе. Да посмотрим на местные клады и богатства, как истинные, так и вымышленные, легендарные.

А в легендах и преданиях местных народов (коми, манси, удмуртов) издревле говорилось, что их общим предком было племя чудь, земля которого была ну просто неслыханно богата на запасы «солнечного металла». То тут, то там чуждью были сохранены впрок, до лучших времен, несметные сокровища: «бочки золота», «ладьи с золотом», «сани с золотыми дугами в пещерах с драгоценностями».

У потомков чуди от этих легенд тревожно замирало сердце: кому оставлены (и достанутся) сокровища – им, потомкам, или себе? Ведь как отмечается в древних сказках, прятая клады чуждья хотела вернуться назад с берегов Иртыша, куда ее оттеснили сначала более поздние переселенцы, а потом – христианские миссионеры времен Сте-

фана Пермского (конец XIV в.)¹. И в надежде вернуться прятала чудь свои богатства, запоминая места кладов или помечая их одной ей понятными метками. Прятали, как водится, под приметные деревья, пни у реки, камни-валуны, нанося заметы на карту из бересты. А карту эту хранили-де старики и передавали потаенно из рук в руки каждый раз самому старому в роду-племени. Не надеясь на приметы и память, усиливали тайну кладов закланием – «заветом», т. е. помощью в охране сокровищ со стороны родных богов и духов. И такие клады «под заветом» (или «заветные клады») на берестяной карте помечали одной только краткой надписью «живэт». Очевидно, как полагают краеведы, слово это находится в связи со старорусским «живот», т. е. «жизнь» или «животное»². «А причем тут животные?» – спросит иной недоверчивый читатель. Точно ответить на это, конечно, может только чудь, а мы позволим себе скромно предположить, уповая на параллели других народов, что «заветные клады» как раз и охранялись древними духами в виде животных или лесных зверей. А то и сами клады, устав лежать веками «до востребования», выходили из земли на поверхность в виде различных животных: то быка, то коня, то еще зверя какого. Да были при этом звери не обычного вида, а с «особинкой»: кто – с глазами огненными, опаляющими; кто – с клыками, как молнии в ночи сверкающими; кто – с сиянием золотых рогов и серебряных копыт... От встречи с такими «живэт» заходило в страхе сердце, холодели руки, каменели ноги. И человеку веры христианской один был выход: держась за нательный крест и трижды обойдя по кругу «зверя-живэт», перекрестить прежде себя, а затем его, трижды при этом повторяя: «Чур, меня! Чур – мое!» После этого заговора терял языческий дух свою силу и выходил прочь из животного. Стоило после этого ударить зверя палкой, как этот «живэт», по поверьям, должен был тотчас рассыпаться драгоценностями на части, как молекула – на атомы.

Правда, мы должны признаться, что пока еще ни молекул, ни атомов разглядеть, как ни старались, не смогли. А вот рассыпанных на части «живэт» – доводилось. И поныне не только археологи, ведущие в коми-крае регулярные раскопки, но и жители сел нередко по весне при пахоте достают из-под плуга предметы из меди, серебра, бронзы: колокольчики, чачи – игрушки, шарики, монеты и многое другое³. Находят все это чаще всего случайно, не зная, что тут «живэт» рассыпался. Но есть места, о которых известно наверняка.

¹ Конахов Н. Д., Рочев Ю. Г. С Вычегды – на Иртыш // Родники Пармы. Сыктывкар, 1989. С. 80–90.

² Грибова Л. С. Пермский звериный стиль. М., 1975. С. 99.

³ Грибова Л. С. Указ. соч. С. 96.

Одно из них – д. Гаинцева, что между рр. Нипонка и Большая Лемва. В километре от нее давно уже примечена огромная яма шириной 10 и длиной 15 м. Сколько веков – не ведомо – лежит на дне ее, засыпанный землей, великан Лешак, прикрывая собой клад несметных сокровищ. И не очень, вроде бы, глубокая яма – могила Лешака, а достать клад невозможно, ибо не снято заклятие, охраняющее его...

Другие рассказывают, что не в Лешаке вовсе дело. А был когда-то на месте ровного теперь поля густой еловый лес – парма. И был тут народ чудь, живший по укладу старой веры. Не пожелал он принимать ни новую власть, ни учение проповедника Стефана. Выкопала чудь, спасаясь от Стефана, в бору большую яму, по краям ее столбы вкопала, на которые положила сверху крышу, а на нее – землю.

Затем все собрались под этот накат, в центре поместили свои богатства из золота-серебра и, воззвав к древним духам-хранителям, стали медленно опускаться, уходить вместе с навесом в землю, пока совсем не скрылись из виду. С тех пор и верят, что место это особенное, не яма вовсе, а вход в другой мир. Для избранных... Ну, а то, что чудь с собой не забрала, подобрал Лешак и сложил в один кувшин, закопав его в соседнем лесу в месте потаенном. Раз в году клад этот напоминает о себе нынешним жителям Пармы, показываясь то в виде огромных размеров свиньи, то в виде необычной масти коровы, каких тут от веку не было.

Помнят здесь еще о том, чего натерпелся старик Савва из д. Лобоз, встретив однажды такую вот странной расцветки корову. Вспомнил примету, крикнул: «Чур, меня! Чур, мое!», а «корова» и рассыпалась золотым песком. Не успел дед набить золотом одну рукавицу, как поднялся сильный ветер и вышел из бора сам Лешак. Не говоря лишних слов, пригнул одной рукой великан к земле большую березу, другой – за шиворот схватил похолодевшего от страха Савву, посадил его на верхушку согнутого дерева и отпустил упругий ствол вместе с Саввой. Сколько старик летел по воздуху после такого «выстрела», он не ведает. Опомился лишь, упав в пруд, и счастлив был тем, что жив остался. Тут уж не до рукавицы с золотом...¹

Прочие клады в парме также «оборачивались» то дивным быком, то бараном с золотыми рогами, но *почти* никогда при этом в руки людей не давались. Редко кому, даже знающему заклинания и носившему нательный христианский крест, древние духи отдавали свои клады из драгоценностей и нарисованных на золотых и серебряных блюдах животных. Так и жила у потомков чудь легенда о несметных и таинственных сокровищах, упрятанных в их земле, переходя от поколения к поколению. Среди современных коми-пермяков распространено поверье, что находка клада никогда не приводит ни к чему хорошему и держать из-

¹ Грибова Л. С. Указ. соч. С. 100.

влеченное из него золото дома – к беде. А потому старики и поныне, желая детям здоровья и благополучия, как встарь нашептывают:

*«Чесотку, царапину
Рвани... унеси!
Моему золотому мальчику (девочке)
Бог дай
Много золотого ума,
Рассыпья, золото!»¹*

И хоть золото чуди – не миф, но в сказаниях о нем явно просматривается намек «для тех, кто понимает»: не в злате-серебре счастье человеческое. И не в том призвание человека, в мир пришедшего, чтобы тратить (а порой и губить) жизнь за золото. Потому и относились в этих местах к кладам настороженно, а то и со страхом. А уж если за сокровищами и кладами местными жаловали «гости» иноземные и незванные, то их поиски злата и вовсе бедой оборачивались. Но об этом – в главе о «Золотой бабе».

¹Ильина И. В. Как в старину лечились // Родники Пармы. Сыктывкар, 1989. С. 117.

«ЗОЛОТАЯ БАБА»

К числу еще не найденных, но известных сведущим людям сокровищ, относится «Золотая баба», или «Золотая богиня», которую ищут разного рода охотники и авантюристы уже почти тысячу лет! Кто она, эта неуловимая богиня Солнца, от кого скрывается? И где находится? Что же за история связана с этой загадкой?

Судя по отрывочным фактам и тонким намекам старых писаний, сказаний и легенд, скрываться богине было от кого: ее искали и скандинавские норманны – викинги, и послы – шпионы Запада в Московии XVI в., да и сами россияне от новгородских ушкуйников и ватаг Ермака до ученых этнографов и историков. И если последние «искали» в кабинетной тиши, то люди попретприимчивей – на практике, в лесах Северной Двины и Вычегды (либо Камы), где, по легендам, и стоял идол «Золотая баба» – божество поклонения местных народностей, предков манси и коми.

«Наводкой» для искателей служили пересказы скандинавских саг IX в., согласно которым одна из дружин варяжских нашла-таки в устье Северной Двины храм этого божества почти 1000 лет назад. Располагалось тогда это святилище на расстоянии одного ночного перехода от берега и было окружено, огорожено от чужого взгляда высоким забором с крепкими воротами. Круглосуточная охрана несла свой дозор, оберегая святыню, дом своего божества. Дом божества – храм был снаружи украшен золотом (символ солнца) и алмазами (символ звезд), которые лучами своими освещали всю окрестность. На статуе же, располагавшейся внутри храма, было золотое ожерелье в несколько фунтов золота, на голове – осыпанный драгоценными камнями венец, а на коленях – золотая чаша такой величины, что из нее могли бы утолить жажду четверо «варяжских гостей». И, наконец, одежда на богине была

столь пышна и «знатна», что превышала по стоимости груз трех более чем приличных кораблей тогдашних их хозяев – греков моря Черного.

Согласно одной из саг, варяги были допущены к осмотру истукана, но, злоупотребив доверием и гостеприимством вогулов и остяков, храм частично разграбили, унеся с собой в качестве трофея часть украшений богини. В наказание за святотатство на викингов было ниспущено безумие, приведшее к тому, что никто из них, даже без трофея, домой не вернулся. Оставшиеся в живых двое из огромной когда-то дружины викингов с трудом вышли из двинских лесов и сдались на милость славян-поморов. А от них пересказ этой истории попал на страницы Патриаршей, или Никоновской летописи XIV в., дойдя таким образом до нас.

В ней (Никоновской летописи) за 1396 г. говорится о язычниках-остяках, т. е. коми: «ни Бога не знающих, ни закона не ведающих, поклоняющихся идолам, солнцу, огню, воде, камению, древию, кудесникам и волхвам, и „Золотой бабе“».

Тогда же эти сведения о золотом женском божестве жителей Двины, Оби и Вычегды стали просачиваться и за рубеж. Австрийский путешественник и посол императора Максимилиана I Герберштейн, побывав в Московии в 1517 и 1526 гг., на составленной им же карте России в низовьях Оби, на левом берегу устья, изобразил женскую фигуру с копьём в правой руке, а под ней – подпись латинским шрифтом: «Slata baba». В пояснении к этому изображению австрийский посол писал, что «у моря Студеного (район Пермского Предуралья – Приполярья на карте наших дней) стоит идол. Это есть статуя в виде некоей старухи, которая держит в утробе сына, и будто там уже опять виден ребенок, про которого говорят, что он ее внук». Чуть позже австрийца в Россию пожаловал из туманного Альбиона Антонио Дженкинс, который в 1562 г. выпустил свой вариант карты Московии. В ней немало отличий от атласа Герберштейна, составленного за 40 лет до того. Отметим лишь то, что касается нашей темы: в устье Оби, но теперь уже на правом ее берегу, британец изображает статую женщины с ребенком, стоящую на пьедестале и без копья в руке. Вокруг нее – коленопреклоненные люди. Рядом с рисунком надпись по-английски «Slata baba».

Кто же из двух послов ближе к истине в изображении и локализации статуи? Дженкинс не дает никаких пояснений к своему рисунку, в то время как австриец в своих «Записях о Московских делах» (1549) дал достаточно подробное описание местонахождения и внешнего вида богини: «идол, находящийся при устье Оби, в области Обдоре, на более дальнем берегу... этот идол – золотая старуха... Говорят, что она там поставила некие инструменты, которые издают постоянный звук наподобие труб»¹.

¹ Курочкин Ю. М. Легенда о «Золотой бабе». Пермь, 1963. С. 16–17.

Итак, «говорят», т. е. сам Герберштейн, а равно и англичанин Дженкинс воочию «Золотую бабу» не видели, а писали о ней со слов, слухов и преданий. Но тогда у читателя невольно может возникнуть вопрос: «Раз это все со слухов, то есть ли тут реальность?»

Вопрос, как говорится, интересный и правильный. Обратимся еще раз к дошедшим до нас свидетельствам. На многочисленных картах средневековья, вышедших в свет за упоминавшимися уже двумя послами – путешественниками, – внимательный искатель без особого труда обнаружит частые изображения «Золотой бабу». Однако надо при этом быть готовыми к одному обстоятельству: изображения идола различны сами по себе, да и локализуются при этом в разных местах, преимущественно на Нижней Оби. То это сидящая мадонна с младенцем, то воительница с жезлом-копьем, напоминающая амазонку Ипполиту из античных мифов, то без копья, а с двумя детьми на руках. И уже вроде как не из золота, а из серебра или меди, а то и каменная.

Пермские краеведы 60-х годов XX века, еще заставшие в живых слепого древнего старца Савву, сообщали с его слов, что в годы его молодости «Золотую бабу» от чужого сглаза перенесли верные люди через кондинские леса в новое надежное место на Обь. Видал ее в те годы и сам тогда еще молодой Савва: «Голая баба и только. Сидит. Нос есть. Глаза есть; все сделано, как быть бабе». Не верить слепому старцу нет оснований – надо думать, он и впрямь в конце прошлого века сподобился узреть Богиню. Но при этом обращает на себя внимание то, что старец, описывая облик идола, ни слова не говорит о ее сияющем золотом оформлении. Может, это – не та Богиня? Или же это – один из нескольких вариантов (выполненных в серебре, дереве или бронзе) антропоморфных божеств, которым издавна поклонялись в Северной Европе, на Урале и в Зауралье аж с палеолита? Но особого расцвета этот культ, а равно и пластика ваяния, достигли в здешних краях в эпоху неолита, так что возраст у Дамы более чем почтенный, а «очаровывает» она своих почитателей уже который век.

Нельзя тут не вспомнить историю, о которой (и о событиях вокруг «Золотой бабу») писали Н. М. Карамзин, В. Н. Татищев, Г. Ф. Миллер и в наши дни И. П. Магидович. Выглядит она так. Во время знаменитого похода Ермака (Ермолая) Тимофеевича казаки лихого атамана, едва перевалив за Каменный пояс, услышали вдруг от местных жителей легенду об остяцком золотом кумире, который-де помогает противостоять гостям незваным, посылая своему народу «силу невидимую» из Деянского городка.

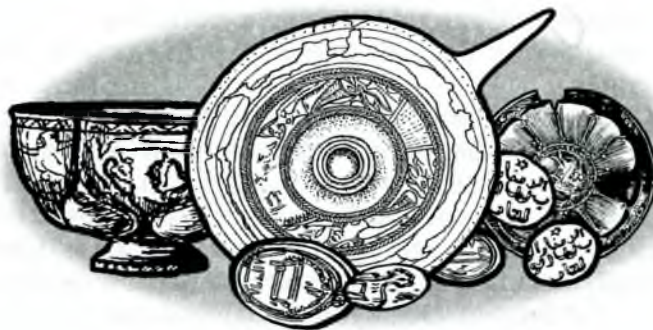
Пробравшиеся в этот городок лазутчики из отряда Брызги и впрямь увидели золотое изваяние кумира, вокруг которого ночь напролет ханты совершали загадочные гадательные ритуалы. «Посоветовавшись» за ночь со своим божеством, ханты наутро без боя сдали город вой-

скам атамана. У казаков в предвкушении удачи (и богатства) уже тряслись, наверное, руки и темнело в глазах. А когда туман в глазах все-таки рассеялся и город был взят и прочесан, выяснилось, что Золотой идол исчез.

Есть и другая версия, согласно которой противники христианского миссионера XIV в. Стефания Пермского, ведшего свою проповедь среди хантов, коми и манси, бежали за Урал на Обь и именно в это время унесли с собой «Золотую бабу» и другие богатства своей кумирницы в безбрежные леса Зауралья. Так полагал в своих «Дневных записках» еще И. И. Лепехин, твердо веря в реальность кумира. Сегодняшние краеведы коми-пермского Приуралья хоть и не столь твердо убеждены в действительной сохранности до сего дня неуловимой богини, все-таки допускают, что во всех этих дошедших до нас сказаниях отражен факт былого существования общего божества пермских земель. Точнее говоря, пермских лесов, ибо «Перм» или «Парма» на языке коми – *хвойные* леса!.. Там и нашла, видимо, себе убежище Золотая богиня. Что же до серебряной статуи, которую выдавал вогул из Ямнель-Пауля Савва, то это, надо думать, своего рода копияный «слепок» с оригинала, гораздо меньших размеров, как вспоминал и сам старец.

По его словам, эту статую закопали в песок с глиной, а сверху в виде метки вылили ковш расплавленного серебра. До лучших времен... А пока они не наступили, у каждого ханта и манси хранились (да и сейчас хранятся) амулеты – овальные бляхи из бронзы, изображающие женщину с высоко поднятой головой, несущую ребенка в чреве и на руках. По краю овала внимательный глаз археолога без труда заметит национальный шнуровой орнамент; минуют века, а память и традиции сохраняются, ибо в сильно схематизированном изображении женщины на амулете – вне сомнения! – проглядывает облик Золотой богини герберштейновского описания 1549 г.

Ну, а что сама Богиня? Леса Пармы безбрежны и не пропускают блеска золотых лучей и алмазного сияния древней Юмалы, 15 веков назад покинувшей Вечный город. Прижилась она было в пермском Приуралье, одаривая благодатью преданных ей вогулов и остяков вплоть до ватаг Ермака. А затем сохранившие ей верность коми перенесли Богиню за Урал. Может быть, на восток, к Оби. Может быть, на север, за Норильск, в район Таймыра, где в пещерах Путорана древнее божество и поныне ждет своего искателя.

«БАТЫЕВА ТРОПА», или ДРАГОЦЕННОСТИ БУЛГАРСКО-ЗОЛОТООРДЫНСКОЙ ЭПОХИ

Кривавым шлейфом прошла по Руси «Батыева тропа». Наши материалы – своего рода «новые» свидетели той эпохи, появившиеся на свет в результате как планомерных археологических раскопок, так и случайных находок.

Еще до Октября 1917 г. в Спасском уезде Казанской губернии, у д. Балыкуль, местный житель Магомед-Гали Мостюков споткнулся о глиняный горшок. И не пустой! Внутри сосуда Мостюков нашел ажурного плетения шейную гривну да такой же работы 10 браслетов, а кроме них – 9 слитков серебра. Слитки были в виде пластинок около 0,5 см толщиной, согнутые в желобок или трубочку, общим весом 640 г¹. Позднее подобные вещи не раз встречались археологам, которые точно установили, что такие слитки и браслеты производились в Волжской Булгарии в X – начале XIII вв., а оттуда уже распространялись, в том числе и на Русь. И естественно полагают, что клад, найденный Мостюковым, был зарыт в период татаро-монгольского нашествия, первая волна которого пришлось на Волжскую Булгарию в 1223–1235 гг.

Из тех же мест и той же приблизительно эпохи до нас дошел другой клад – Именьковский, названный по имени с. Именьково, что на Волге в Татарстане. В обрыве берега великой реки открылся клад болгарских серебряных вещей X–XIII вв. И вновь здесь были шейная гривна, несколько перстней и височных подвесок в виде желудей на цепочках, а также слитки серебра опять в форме трубочек и другие предметы,

¹ Полякова Г. Ф. Балыкульский клад болгарских украшений домонгольского времени // История и культура Восточной Европы по археологическим данным. М., 1971.

всего 68 экземпляров. Солидная находка пополнила в 1962 г. фонды Государственного музея Республики Татарстан, где и экспонируется поныне¹.

Задолго до Именьковского клада земли Волжской Булгарии открыли россиянам другое собрание ценных вещей. Вспомним, глядя на два стенда первого этажа Государственного Эрмитажа: в 1911 г. из Елабуги, родины великого русского пейзажиста И. И. Шишкина, поступил в Императорскую археологическую комиссию Санкт-Петербурга так называемый Елабужский клад. В его составе были 4 серебряные серьги «киевского» типа с бусами. Все бусины одинаковы, кроме одной: эта – особая, центральная, покрыта крупной зернью. Помимо серег, клад содержал 17 серебряных гривен, из которых одна – в виде трубочки, а 16 – в форме лепешек². Подобные украшения XI–XIII вв. были особенно характерны для Северо-Восточной Руси, а ныне украшают они стенды Государственного Эрмитажа...

Характерным примером сокрытия ценностей в годы лихолетья служат старорязанские клады. 12(!) таких кладовых комплектов обнаружено на месте разрушенной монголо-татарами Рязани в 1237 г. Прежде чем навсегда покинуть свои очаги, рязанцы попытались сохранить (хотя бы для потомков) наиболее ценные вещи. Для *них* наиболее ценные. И глядя на эти клады, сегодняшний посетитель Рязанского городского краеведческого музея видит женские украшения из серебра, которые обычно надевали только по праздничным дням, в остальное же время тщательно храня в ларцах и передавая их по наследству. А когда в 1237 г. опустошительный пожар охватил великий город, жители второпях стали прятать от врага наследственные ценности в местах, которые казались им понадежнее: на дне подпечной ямы, под лестницей, под полом. Там они и были обнаружены спустя 700 лет, донеся до нас трагедию XIII в. Не устояв против Батыя, рязанцы в числе многих других на долгие десятилетия стали данниками Степи. А между тем Золотоордынское иго, помимо прочих бед, выкачало из Руси практически все золото и серебро. Неудивительно, что клады с драгоценностями второй половины XIII–XIV вв. становятся надолго большой редкостью. А ведь иго продолжалось не год, не два – века. Что же теперь ценили, берегли и прятали? Ответ опять же дают вам, любознательные наши читатели, данные археологии последних 50 лет раскопок.

Судите сами: долгое время считалось, что в восточных районах расселения мордвы в домонгольский период не было пашенного земледелия. Это многолетнее представление полностью опровергла находка клада сельскохозяйственных орудий в двух километрах к северо-востоку

¹ АКТ. М., 1981. Т. I. С. 116.

² АКТ. М., 1981. Т. I. С. 159.

от с. Киржеманы (Актяшевский район Мордовии). В составе клада, найденного при раскопках археологами в конце 60-х годов XX века, были железные сошники и наконечники плуга, серпы, косы, топоры, тесла. По формам орудий, их конструкции, составу железа Киржемановский клад датировали XII–XIII вв.¹ Весьма вероятно, что его зарыли в связи с теми же событиями, что и клады старой Рязани. Только для местного населения (видимо, из-за нехватки своего железа) сельскохозяйственный инвентарь был куда ценнее и важнее «золата-серебра». С той же, как кажется, опасностью прихода незваных гостей-степняков связан и еще один клад мордовского края – Нижнеборковский. В 1968 г. при весенней вспашке поля лемех плуга зацепил металлические предметы. При внимательном осмотре извлекли 4 сошника, серп, тесло, долото, скобель, сверло, скобу-накладку и 5 стрел. Все найденное – из железа, которое хорошо датируется рубежом XII–XIII вв.²

В леса народа коми степняки Орды, насколько известно, особенно часто не заглядывали: это – не Рязань, не Тверь, не Киев. Однако вездущие сборщики дани – баскаки – бывали и тут. И подобно мордве, коми прятали от лихого незваного гостя особо ценное для жизни, а ими, судя по находкам, были опять же предметы из железа.

Это подтверждает клад, найденный в 1951 г. у с. Малое Галово (Республика Коми) на месте древнего ритуального кострища. Под охрану духов огня жителями села от чужого жадного взора были спрятаны 26 топоров, 7 наконечников копий и другие предметы XII–XIV вв.³ На дворе уже было XIV столетие, когда навсегда ушли в прошлое Батый и Берке, но на горизонте маячил Мамай, не давая зарастить «тропе Батыея». И как веком раньше, так и теперь прятали от ханских баскаков самое ценное жители Твери и Смоленска, Рязани и земли коми, мордвы и ярославцы, население Поволжья и Башкирии. Наш край, пожалуй, дольше других был под прямым контролем потомков Темучина. И поэтому заботы Рязани и Смоленска были вполне понятны в XII–XIV вв. и жителям Южного Урала.

Подтверждение тому – две находки. В 1914 г. близ д. Петровка (ныне Белебеевский район Башкортостана) из земли извлечен медный кувшин, полный вещиц конца XIV в. Здесь лежали 3 серебряные серьги, круглая гладкая подвеска, 2 браслета, 4 перстня, обломки серебряных подвесок с филигранью и стеклами (для той эпохи стекло – великая редкость). В кувшине также находились небольшая цилиндрическая коробочка для амулета и несколько золотоордынских монет

¹ Циркин А. В. Киржемановский клад // СА. 1969. № 1. С. 237–242.

² Циркин А. В. Нижнеборковский клад // СА. 1971. № 3. С. 276–281.

³ Стоколос В. С., Королев К. С. Археологическая карта Коми АССР. М., 1984. С. 93.

1310–1363 гг.¹ Судя по всему, зарывший в конце XIV в. этот клад был человеком не из бедных. «Автор» же второго клада из Башкирии был человеком, скорее всего, другого сословия. Клад, обнаруженный в 1932 г. около д. Хозятово (Чишминский район), включал комплекс сельскохозяйственных орудий – железные топоры, косы-горбуши, резец сохи, сошник и серп. Топоры аналогичного типа найдены археологами при раскопке слоев Новгорода рубежа XIV–XV вв. Примерно этим же временем датирована и чишминская находка. Она, несомненно, свидетельствует, что в указанное время местное башкирское население использовало эти орудия для возделывания земли, поэтому очень берегло, ценило их, пряча в случае приближающейся беды в матушку-землю, как самое дорогое.

¹ Археологическая карта Башкирии. М., 1976. С. 106.

ВОСТОЧНОЕ СЕРЕБРО НА УРАЛЕ

Так уж издревле повелось, что желтый металл («от солнца») ценился куда выше белого («от луны»). В античной Элладе соотношение их было 1:12 в пользу, как вы понимаете, «солнечного». В эпоху средних веков, в наше время или же в живущем по своим временным параметрам арабском мире это соотношение могло меняться. И менялось. При господстве золота как денежном эквиваленте и как металле, служившем для украшения и характеристики величия их владельцев, серебро твердо знало свое второе «я», а в прикладном значении, в частности на Востоке, часто играло роль первой скрипки. Неудивительно проникновение изделий из него в самые неближние, даже по сегодняшним понятиям, края. Будем судить об этом по находкам.

В 1907 г. крестьянка Вятской губернии пошла из своей деревни на церковный праздник в соседнее село (церкви и храмы на Руси в сельской местности были именно в селах). Вдруг услышала под своим батогом какой-то металлический звук. Может быть, послышалось? Вдруг горядь ударила по тому же месту – опять почудился звон. Решила посмотреть в земле, что там, копнула палочкой и ... из рыхлого грунта вытащила ведро с четырьмя серебряными блюдами внутри! Придя в село, набожная крестьянка, конечно, сообщила о находке сельскому старосте. Тот отдал распоряжение о досмотре места находки, во время которого и были извлечены еще три блюда из серебра. Когда же спустя 60 лет с разведочным осмотром на этот пяточок пришли археологи, земля уже не отзывалась серебряным звоном.

То, что земля вятская еще много чего хранит, говорит следующее. В 1927 г. на опушке леса около д. Турушевка Кировской (бывшая Вятка) области справно нес свою службу пастушок. Вечерело, и мальчик уже собирался возвращать стадо коров в деревню, сделал несколько шагов да вдруг угодил ногой в яму, а она отзывалась серебряным звоном. Что

за чудеса?! Поковырял он яму кнутовищем и наткнулся на ручку ведра. Потянул осторожно, ручка подалась, и в руках пастушка оказалось серебряное ведро, где лежали из того же металла 4 блюда, 2 шейные гривны да 2 светильника с позолотой. Все предметы – работы тонкой, мастерской. И вновь, как в предыдущем случае, последовавшие много десятилетий спустя археологические раскопки (причем, масштабные!) на месте этого случайно найденного когда-то клада успеха уже не имели.

Основная масса кладов по серебру была обнаружена (в отличие от золота) в конце XIX – начале XX вв. Именно в это время шло особенно интенсивное освоение под пашню освободившимися от неволи крестьянами России обширных лесных массивов Прикамья. Тут и корчевка пней, и пахота земли, и находки... Конечно, вполне вероятно, что этих находок в еще большем количестве могло быть в XIV–XVII вв., когда только начиналось освоение русским людом Вятско-Камского края, да где теперь сыскать те находки, у каких торговцев и переплавщиков? А что касается рубежа XIX–XX вв., то находки этой поры скупались специальной Императорской Археологической комиссией или же служащими владений Строгановых. Председателем Археологической комиссии царской России был князь Сергей Александрович Строганов, так что заботам этой организации и инициативе ее руководителя мы во многом обязаны тем, что скупленные тогда ими клады и находки донны украшают стенды и целые залы Эрмитажа и Московского Исторического музея. Много уникальных находок хранят зарубежные музеи. Археологический музей г. Лиона во Франции среди своих экспонатов вот уже больше 100 лет – с 1890 г. – с гордостью демонстрирует серебряный кувшин с изображением музыканта. Рисунок выгравирован рукой зрелого мастера VIII–IX вв. из Восточного Ирана, а судьба занесла кувшин торговыми путями в Пермский край. Именно здесь он был найден в 1873 г., через 1000 лет после создания и за несколько тысяч верст от родных мест.

Значительная часть обнаруженных кладов из серебра приходится на 20-е–30-е годы XX века. К этому времени ушла в прошлое Императорская Археологическая комиссия. После 1917 г. как-то «не у дел» оказался князь С. А. Строганов... Многое в то лихолетье оказалось прерванным. Некоторое время было не до археологии. Но с окончанием Гражданской войны новая Россия начинает возрождаться после разрухи: расчищаются пепелища, сносятся пришедшие в полную ветхость целые кварталы лачуг для строительства новых домов. Большие земляные работы ведутся по всей стране. Урал – не исключение, в том числе и Башкирия, богатая на курганные могильники разных эпох и народов. Уже немало сказано о ее кладах в предыдущих главах. Да не все... В пределах Уфы древних могильников видимо-невидимо, да не пустых!

Например, курганные могильники племен турбаслинской культуры (VI–VIII вв. н. э.). За несколько десятилетий раскопок собран уже немалый материал, давший пищу для массы публикаций в центральной и местной прессе. Долгое время при этом казалось, что памятники турбаслинцев находятся за пределами Уфы, в лучшем случае – на ее окраинах. Когда-то так оно, видимо, и было. Но время шло. А город строился, рос и вверх и вширь. И получилось, что несколько курганных могильников, в настоящее время полностью застроенных, находятся в центральной части города и сосредоточены в местах, наиболее возвышающихся над р. Белой. Это территории мусульманского кладбища, детской больницы, а также район между улицами Гоголя и Пушкина – приблизительно до улицы Ленина, который, расширяясь вблизи Театра оперы и балета, протягивается затем узкой полосой к юго-востоку до парка им. Салавата Юлаева. В юго-западной части города Турбаслинские курганы в ряде мест были возведены прямо на могильниках предшествующей им карабызской культуры. Самым замечательным открытием в этих курганах явились погребения, обнаруженные во время земляных работ в июне 1936 г. по улице Ленина у дома № 3, что во дворе медицинского университета. Тогда было открыто три погребения. Женский костяк лежал на глубине около двух метров на спине с вытянутыми конечностями, ориентированный головой на северо-восток. Предметы головного убора и нагрудной части – золотые медальоны в виде тройных кругов. Справа у тазобедренного сустава найдено зеркало, а вдоль левого бедра – ложка с длинной ручкой в костяной оправе и железный нож. Рядом был и наконечник ремня из двух пластинок с остатками кожи и шелковой ткани.

Тело мужчины было положено в гроб, обитый железными пластинками. В детском же погребении найдены шейная гривна из скрученной проволоки, дугообразная пластинка с ушком на одном конце и лопаточкой на другом и тонкостенный глиняный сосуд.

Нет сомнений, что эти захоронения – семейное кладбище знатного лица, возможно, родоплеменного вождя, сосредоточившего в своих руках значительное богатство.

Ныне ученые располагают данными более чем о четырех десятках подобных погребений турбаслинского типа в южной части города, и почти все погребения содержат богатый инвентарь.

Пожалуй, наиболее интересной находкой является золотая цепь из Уфимских погребений. Она сделана путем сложного витья и переплетения массивных спаянных колечек. Цепочка свободно загибается и по внешнему виду напоминает чешуйчатую поверхность пресмыкающегося. На одном конце цепочки имеется четырехгранная коробочка со вставленными в боковых стенках стеклышками рубинового цвета и мелкой зернью по краям. К коробочке прикреплен длин-

ный стержень, состоящий из трех припаянных друг к другу проволочек с тремя крупными зернышками на конце, расположенными в виде пирамиды. На другом конце цепочки, очевидно, была петелька, но она не сохранилась.

Из этих же погребений происходят еще две гривны, одна из которых золотая и выполнена в довольно сложной технике витья.

Поражают своим богатством золотые украшения из женского погребения. Они внушительны не только по весу (около 500 г), но и по тонкости, и сложности технических приемов изготовления. На последнем, пожалуй, стоит остановиться. Первым этапом в производстве этих предметов было изготовление золотых листьев, шариков (зерен), витых и невитых проволочек и ленточек. А далее шел второй этап – соединение орнаментальных деталей в одно целое путем скрепления с основанием и между собой при помощи пайки. Нужно обладать виртуозным мастерством, чтобы сохранить при этом геометричность комбинации деталей на каждом предмете в отдельности! Лучистый блеск самих предметов усиливается отражением от стенок красного, фиолетового и коричневого цветов, вставленных в гнезда. Рассмотрим некоторые из этих предметов. Вот золотой медальон. Он выполнен из пластинки овальной формы, покрытой с лицевой стороны зернью и филигранью. В центре – гнездо для драгоценного камня, окруженное рядом довольно крупной зерни и жгутиком, окаймленным двумя нитями тонкой филигранной проволоки. По краю медальона идут еще два ряда крупной зерни, образующей треугольник. Сверху и снизу к основной пластине прикреплены гнезда для цветного стекла или камня, также окруженные крупной зернью. Ничего не скажешь – высокое искусство!

В такой же технике выполнены и другие медальоны. Имеется еще и колесообразная привеска в виде круга с перекрытием внутри, с расширенной в форме ромба центральной пластинкой и четырьмя лепестками, расположенными в свободном пространстве. Поверхность лепестков заполнена прозрачным стеклом, окаймленным полоской зерни. Найдены в Турбаслинских курганах также золотые колты в виде округленных коробочек, очень богато украшенных. Они отличаются друг от друга и по форме, и по орнаменту. Один из них сделан из тонкого золотого листа. Поверхность его лицевой стороны разделена крупной и мелкой зернью на четыре орнаментальные полосы. Середина заполнена зернью, скомбинированной в виде треугольников и кружочков, чередующихся между собой на определенном расстоянии. Внутри полосы филигранью выделен орнамент, напоминающий лунницу и заполненный волнистым переплетением золотых лент, с кружочком, украшенным зернью и с гнездом для камня. Четвертая же часть представляет собой подковообразную пластину с гнездом для вставки кам-

ня в центре и с зерновым орнаментом в виде полос и треугольников. Таков первый из найденных колтов.

Второй также украшен четырьмя орнаментальными полосами, но его третья часть – в виде лунницы – отличается большей простотой и заполнена лишь филигранной золотой лентой, образующей зигзагообразный узор.

Вполне вероятно, что уфимские золотые медальоны были сделаны по индивидуальному заказу и, быть может, служили знаками величия или важного положения в обществе.

А в 1970 г. на улице Тукаева при земляных работах было разрушено погребение, в котором обнаружены железный двулезвийный меч в деревянных ножнах, покрытых позолоченной и серебряной фольгой, железный нож, конские удила с кольцевыми соединениями и рифленая конская псалия, имеющая на концах утолщения в виде многогранников. Здесь же лежали бронзовая и железная пряжки с овальными кольцами и загнутыми язычками, а также 3 бронзовых колокольчика и 3 большие бляхи. Но это еще не все! Ибо бляхи с лицевой стороны обтянуты позолоченной фольгой на серебряной основе. В центре каждой бляхи и сегодня хорошо просматривается рельефное изображение лица с четкими очертаниями деталей. В них сочетаются европеоидные и монголоидные черты. Хорошо проработаны глаза, нос, рот. Даже морщины и складки! Одно лицо – мужское, причем оно выполнено грубее, даже выражение лица грубое. Другое лицо, видно, женское; выполнено оно более изящно, причем характер прически у обоих лиц одинаков – в виде ровных рифленых линий. Изображения окаймлены круглыми стеклянными вставками зеленоватого оттенка, помещенными в углубление между позолоченной фольгой и бронзовой пластинкой. Такие бляхи, возможно, прикреплялись к ремню знатного военачальника и имели значение талисманов-оберегов.

Подобные находки встречаются и в курганах за пределами столицы республики. Вот перед нами небольшой серебряный медальон с изображением головы из загородного Турбаслинского кургана. Здесь лицо немножко иного типа, чем на уфимских бляхах, а выражение лица не оставляет сомнения – широкая улыбка радости.

Но вернемся в Уфу: на углу улиц Пушкина и Советской найден клад из трех вещей – серебряной чаши, блюда и медного сосуда с крышкой. Оригиналы этих предметов столь значимы, что находятся в Эрмитаже, а копии – в Республиканском Краеведческом музее в г. Уфе. На блюде, иранском по происхождению, представлена сцена царской охоты: царь на скачущей лошади, оборотясь назад, стреляет из лука в стадо диких коз. На голове царя ступенчатая корона с шаром в полумесяце и с развевающимися сзади лентами. На шее – гривны, на груди – типично иранская подвеска «Апеза» с медальоном в виде круглой бляшки. К поясу всадника прикреплен длинный меч с крестовидной перекладной.

Реалистична не только трактовка костюма, но и сама фигура царя. На первый взгляд, несколько не соответствуют друг другу движения скачущего коня и совершенно спокойная фигура царя. Но в этом и заключался смысл, который хотели передать иранские мастера, воспитанные на преклонении и почитании всего того, что касается их владыки. Реалистично изображены и фигуры бегущих козлов. Среди предметов клада находилась также и серебряная с позолотой чаша сферической формы, у которой на внешней стороне было выгравировано изображение орла, держащего в лапах джейрана.

О научной значимости и эстетической ценности этих находок, о художественном своеобразии вкуса создавших их мастеров исследователи будут размышлять, наверное, еще не одно десятилетие. Поэтому важны *сами* эти находки, они сохранились и радуют ныне глаз и посетителя Эрмитажа, и любителя старины в Краеведческом музее Уфы. И как же обидно, что не у всех находок нашего края такая вот завидная судьба. У Аврюзского клада она оказалась и вовсе печальной. Все началось в 1989 г., когда трое рабочих Раевского участка Уршакской мехколонны № 81 при установке трансформаторного пункта на р. Аврюз (ныне Альшеевский район Башкортостана) заметили на поверхности «земли блюдо красновато-коричневого цвета. Проведя на месте самодельные раскопки, горе-археологи извлекли кроме этого блюда еще около 15 предметов. Были там, по их же словам, сковородки и кастрюли, кувшины и подносы с изображениями коров, верблюдов, львов и человека. В местный музей из всех находок попало несколько вещей благодаря школьнику Тулунгузину. Но основную массу клада ждала судьба, мягко говоря, удивительная. Хозяйка дома, где столовалась бригада и с которой «щедрые» рабочие поделились предметами находки, пыталась из серебряных чашек поить цыплят. Предназначенные совсем не для этого, древние чашки плохо стояли и «за ненадобностью» были практичной хозяйкой выброшены. Одна из кастрюль клада почему-то «упала» в реку, где спасти ее никто и не подумал.

Когда спустя год несколько вещей, похожих по описанию на предметы Аврюзского клада, поступили в музей города Стерлитамака, его работники оказались, к счастью, начеку и тотчас обратились в «компетентные органы» за помощью, благодаря которым удалось установить «раскопщиков», а также ряд еще нереализованных предметов клада. Большинство вещей, правда, к этому времени исчезло. Сохранились 6 ручек от трех сосудов и 4 больших серебряных предмета: блюдо, миска и 2 ритона – все в великолепной орнаментации, причем блюдо и миска несут изображение всадника, поражающего копьём в одном случае вепря (кабана), во втором же – горного козла. Тематика и техника изображений, как считают сотрудники Стерлитамакского музея С. Кириллов и И. Денисов, уводят находки к мастерам древней Согдианы,

откуда они с племенами караякуповской культуры и прибыли на берега р. Аврюз около середины IX в. н. э.

Таким образом, этот клад вполне вписывается в каталог изделий восточного (иранского) серебра на Урале, который был создан В. П. Даркевичем по состоянию материалов находок в середине 70-х годов XX века¹. Судя по каталогу, основная масса восточных изделий располагается в Западном Приуралье весьма четко, полосой с юга на север по бассейнам рр. Белой и Камы. Изучая это обстоятельство, казанский археолог А. Х. Халиков выделил даже несколько групп локализации восточного серебра в регионе. К первой группе были отнесены находки в районе среднего течения Белой: серебряное блюдо из окрестностей Алкино византийской работы, кувшин из с. Красная Поляна, чаша и 2 серебряных блюда, сосуд из меди из Уфимского клада, бронзовая чаша, 4 серебряных зеркала (на одном из них изображены по кругу 12 зверей, т. е. годичный календарь со «звериным циклом» древнетюркских племен!) из Куганакского клада. Сюда же следует включить и уже известный нам клад с берегов р. Аврюз.

Вторая группа находок кладов из серебра (их более 10) локализуется в бассейне одной только р. Сылвы возле г. Кунгур, но зато сколько тут истинных произведений древнего искусства! Взять хотя бы Бартымский клад: 3 чаши из древнего Хорезма, византийское блюдо, чаша из сасанидского Ирана и чаша из древней Бактрии, откуда и прекрасно сохранившийся кубок. И 264 византийских монеты 615–629 гг.! В этой группе так же Шестаковский клад: серебряный кувшин, в котором лежали 20 сасанидских, византийских и индо-бактрийских монет, серебряные подвески, серьги и ожерелье. Очевидно, сюда же следует отнести найденный в низовье р. Чусовой еще в 1872 г. клад Вереинский. Включал он в свой состав 2 серебряных блюда, браслеты, перстни (в том числе один из золота) и несколько монет из «лунного металла» сасанидского правителя Хосрова II, царствовавшего в Иране в 591–628 гг.

Наконец, в отдельную группу выделены А. Х. Халиковым находки сасанидско-византийского круга выше устья Чусовой – в бассейне правых притоков рр. Камы и Иньвы. На этой небольшой территории выявлено на сегодня 25(!) кладов. Укажем здесь на один клад, Климовский, в который входят котелок и 8 блюд с чашами иранского производства VI–VII вв.

Список этот можно продолжить. Но, видимо, уже пора поразмыслить над вопросом: а откуда взялось такое огромное количество восточного серебра на Урале, как оно сюда попало? Обратимся на миг другой к истории раннеарабского Востока. Иран и Средняя Азия были завоеваны выходцами из Аравийских оазисов, арабами-бедуинами, еще

¹ Даркевич В. П. Художественный металл Востока. М., 1976.

в VII в., в самом его начале. Тогда-то в руки завоевателей и попали несметные богатства Ближнего и Среднего Востока, в том числе и утварь из серебра. Но традиции Византии, Парфии и Бактрии, восходящие к эпохе эллинизма с его тягой к реалистичному изображению людей, птиц, зверей – вообще всего живого, – оказались совершенно чужды завоевателям, исламское мировоззрение которых запрещало подобные изображения. Купцы за сущий бесценок начали скупать произведения искусства, ненужные в исламо-арабском мире, чтобы затем втридорога (если не в 10–20 раз) перепродать этот товар язычникам Урало-Поволжья. Ведь именно здесь большим спросом пользовалось серебро, в обмен на которое шли шкурки бобров и горностаев, белок и соболей. А новая знать Ирана и Средней Азии питала к экзотическим мехам слабость. В свою очередь, народы Волго-Камского бассейна видели в серебряной утвари реальную ценность, часть этих вещей могла в виде «лома» идти на переплавку и чеканку своих монет. К тому же, обычаи угров не разрешали им вкушать жертвенное мясо с деревянной посуды – это было табу, поэтому угры дорожили посудой металлической.

И потянулись, подобно перелетным птицам, караваны с серебряным товаром по Волжскому (на север) и Волго-Камскому (в Приуралье) торговым путям. Позади оставались плато Устюрт, затем – Хазария, Волжская Булгария, впереди же ждало восточных купцов Пермско-Камское угорье. Базу этого транзита, его постоянную «подпитку» составляли бесперебойно действующие тогда серебряные рудники Ирана как на западе (горы Загросса), так и на востоке державы (Гиндукуш). Поэтому сасанидские изделия из серебра наводняют даже Северную Европу. А на главных водно-торговых магистралях Евразии появляются клады-гиганты, состоящие из нескольких тысяч (!) арабских дирхемов. Подробнее о находках монет пойдет речь в следующей главе, а сейчас лишь отметим: подобные клады стали таковыми с течением времени, а тогда они были «живым капиталом» купцов, которые готовились и проводили обмены в больших масштабах. Подобные же современные находки – это подчас «склады» древних купцов. Что-то реализовалось, что-то не удалось, на то и жизнь. В те времена красавицу Волгу называли «главной дорогой серебра». Этот «серебряный путь», действуя в Приуралье в VII–XIII вв., вызвал в среде местного населения немало заметных изменений в экономике, социальной сфере, даже в быту. Прежде всего обмен стимулировал развитие (с внутренней специализацией) пушного направления в охоте. Им занимались если не все, то многие, доходы же от обмена пушнины на серебро шли уже избранным – родовой знати и жречеству (шаманам), все более и более подрывая тем самым бывшее родство и социальное единство, равенство в общинах. Процветала знать. Не бедствовали и шаманы,

активно осваивая серебро в магических ритуалах: находя восточные изделия, часто археологи обнаруживают на краях византийских и сасанидских блюд отверстия – за них восточные изделия подвешивались на священные деревья при совершении культовых обрядов.

Происхождение большинства кладов восточного серебра, как считает А. Х. Халиков, носит «светский» характер, большая часть драгоценностей попала в Западное Приуралье не в VIII–XIII, а еще в VI–VII вв. в качестве трофеев местных военных отрядов после их успешных «вояжей» в Среднюю Азию и сасанидский Иран. Конечно, какая-то часть сосудов из находок на Ике, Уфимке и Белой попала сюда после лихих набегов на северное пограничье Хорезма, либо – как дань, полученная в виде «откупа». Но большая часть этого вида находок оказалась на Урале, на наш взгляд, не на «кончике копья». Взглянем на карту и проследим один из торговых путей древности в его самых общих чертах: Хорезм – плато Устюрт – Эмба – Яик – Самара – Кинель – Черемшан – хазарский город Итиль на Нижней Волге и, наконец, Булгар – столица Волжской Булгарии на месте будущей Казани¹.

Что и говорить: мудрено, двигаясь из Хорезма в Булгар, миновать на этом пути промежуточные торговые «полустанки» Южного Приуралья и Верхнего Прикамья! А между тем, в V–IX вв. на Верхней Каме формируется ломоватовская культура местного населения. Ломоватовские общины веками вели комплексное хозяйство, занимаясь в меру потребностей и земледелием, и скотоводством. Не пренебрегали охотой, благо дичи в лесах водилось в достатке, в том числе и пушной. Что до ремесла, то данные археологии указывают на довольно развитую у камских этносов металлообработку железа, бронзы и серебра. Так что знание металлов было. Следовательно, и интерес к ним, и спрос на них. Вот для иллюстрации некоторые арифметические выкладки. По подсчетам В. Ю. Лещенко, к началу 70-х годов XX века только на Урале учтено более 70 кладов серебра. Из них извлечено более 80 блюд, 40 чаш, 12 больших и 7 маленьких кувшинов, 6 ведер, 3 ковша, 23 кружки и кубка, 3 светильника, т. е. всего более 170 серебряных сосудов иранского, среднеазиатского и византийского происхождения².

Не забудем, что речь идет только об *учтенном* материале. И во сколько же раз его надо увеличить, говоря о серебре расхищенном, незафиксированном, просто еще лежащем в земле-матушке?.. Кто его найдет и как воспользуется – вопросы пока без ответов, ибо обращены к будущему.

¹ Мухамадиев А. Г. Булгаро-татарская монетная система (XII–XV вв.) М., 1983. С. 119.

² Лещенко В. Ю. Даркевич В. П. Использование восточного серебра на Урале // Указ. соч. С. 188.

А вот кто им пользовался прежде, 1000 «с хвостиком» лет назад, археологи знают точно: наиболее многочисленная группа владельцев кладов серебра принадлежала родовой верхушке ломоватовских и раннеродановских (предки коми-пермяков) племен IX–XI вв. Именно эта «элита» Прикамья держала тогда в своих руках весь товарооборот с волжскими булгарами. И использовалась в их домах восточная серебряная утварь в качестве престижной для знати роскоши, составляя семейную или даже родовую святыню¹. Около четверти всего найденного на Урале серебра (23 % – по подсчетам В. Ю. Лещенко) оказалось в сфере шаманского «ведомства», что отчетливо видно на кладах серебра родановской культуры древних коми. Это и Мартыновский клад (3 серебряных сосуда из древнего святилища), и 5 Аниковских кладов Пермского края, найденных возле родановских селищ, в жилищах шаманов. Это и (самое-то главное!) подчас *вторичное*, и именно культовое использование восточных сосудов. Археологи давно подметили, что на части иранских сосудов поверх древнего рисунка сасанидского мастера нанесены (вырезаны острым предметом) новые изображения. Причем повторяется, как правило, один и тот же мотив: мужская фигура с двумя мечами в руках и шаманским головным убором. Несомненно, это изображения местных жрецов, связанные с охотничьей магией населения Камы конца 1-го тыс. н. э. Впрочем, у шаманов были и свои культовые предметы бронзового литья, дошедшие до нас как «клады душ». Это многочисленные пластины с изображениями бобров, кротов, лосей, медведей, сульде (шамана в головном уборе в виде головы лося) и т. д. Фигуры на пластинах обычно располагались тремя зонами, в которых следует видеть аналоги трех миров – небесного, земного и подземного – обитания человеческих душ. Подобные находки, начиная с 1881 г. (первый найденный клад пластин близ р. Унья – левого притока Печоры) и кончая Обской находкой 1968 г. из 92 поделок, ныне хорошо известны археологам земли коми (см. работу К. С. Королева «Археологическая карта Коми АССР». М, 1984.). Известен теперь и смысл многочисленных фигурок птиц, зверей и человека на этих пластинках – это вместилище души человека, либо нескольких душ, как считалось, у шамана. И потому-то такие фигурки (хранители душ, по поверьям угров) должны были укрываться в «особых» местах подальше от поселений, завернутые в шкурки животных. Это и есть шаманские клады, а точнее «склады душ». К тому же выполнялись они из бронзы, а это уводит нас в сторону от основной темы разговора. Напомним же, что речь у нас до этого шла о владельцах восточного серебра, среди которых мы отметили уже две наиболее многочисленные группы.

¹ Лещенко В. Ю. Указ. соч. С. 189.

Была, однако, и третья, пусть малочисленная, группа этого населения, которой также был хорошо знаком «лунный металл», – это ремесленники. Немного находок на сегодня ремесленных кладов, но тем дороже каждый из них! Вот перед нами Усть-Кишертский клад. Он едва ли поразит пресыщенный взор «знатока», привыкшего к византийскому или сасанидскому серебру высокой пробы. Здесь же перед нами серебряные накладки и подвески поясного набора вперемешку с железными наконечниками стрел, а свинцовые пластины (свинец, как известно, первый спутник серебра) соседствуют с различной длины слитками из бронзы, сырьем для изготовления украшений местным ремесленником-умельцем. Но клад этот тем не менее, несмотря на его заметную скромность в сравнении со многими вышеуказанными, важен и показателен. Становится очевидным, что основная часть восточного серебра использовалась населением Приуралья и Прикамья по назначению полностью (элита) или частично (жречество). Какая-то часть этого металла, полученного в обмен на пушнину, шла на переплавку в местные «мартены». И пройдя их, поступала в новом виде чаще всего на отливку предметов культового характера: таковы, скажем, лицевые маски – покрытия в Ломоватовских и Родановских могильниках IX–X вв., подобные крито-микенским погребальным маскам ранней Греции XVI–XIII вв. до н. э. или этрусским аналогам Древнего Рима VIII–VI вв. до н. э., не говоря уже о «классических» масках на мумиях Древнего Египта... Другая же часть преобразованного серебра шла на изготовление местных украшений – поясных накладок и подвесок, шейных гривен «глазовского (IX–XI вв.) типа». Нередко византийское и иранское монетное серебро переплавлялось в слитки «впрок», в слитки, которые тоже дошли до нас в составе кладов.

В последнем случае находку нельзя назвать кладом восточного серебра: ибо металл-то есть, а Востока, увы, уже нет. Именно поэтому Р. Д. Голдина 36 кладов Верхнего Прикамья V–IX вв. подразделяет на 3 группы. Не вдаваясь в детали этой классификации (желающих отсылаем к самой работе данного автора¹), отметим для нашей темы главное: клад восточного серебра в «чистом виде» составляют вторую и самую многочисленную группу находок, учтенных Р. Д. Голдиной – 30 из 36, с общим числом сосудов, блюд и чаш около 70.

Почти все кладовые этого типа были *преднамеренно* зарыты в землю, о чем говорит аккуратность сложения и компановки предметов. Пример – Архангельский клад – весьма типичен: сасанидский сосуд и 6 вложенных друг в друга чашек были плотно и аккуратно уложены на дне серебряного котла перед тем, как зарыть его в землю.

¹ Голдина Р. Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск, 1985.

Земля, конечно, принимала настоящие изделия Востока. И не только их: в языческой среде, как уже говорили, весьма популярны были для культовых целей сосуды с изображением людей и животных, спрос на которые в VII–XI вв. еще покрывал ирано-византийский импорт. В XIX в. языческие потребности угров ушедший в прошлое сасанидский Иран удовлетворить, как вы понимаете, уже никак не мог. А спрос оставался! И тогда где-то под Петербургом возник «подпольный» центр по изготовлению тарелок и блюд с имитацией сасанидского серебра. Подделки в обмен на меха прямым ходом шли в угорское Зауралье, вновь оседая здесь в земле в виде кладов – «обманок»¹. Впрочем, это уже тема другого разговора...

¹ Лещенко В. Ю. О ритуальном использовании серебряных сосудов с отверстиями // КСИА. Вып. 150. М., 1977. С. 52.

МОНЕТЫ ПОНТИЙСКОЙ ЧЕКАНКИ

Люди с древнейших времен зарывали (да и ныне, наверное, продолжают прятать) в землю сокровища в виде монет. Хотя официальные власти это всегда порицали, осуждали и даже запрещали в законодательном порядке. Например, в Древней Греции в самом начале VI в. до н. э. законодатель из Афин мудрый Солон за один год издал около ста(!) законов. Один из них запрещал пышные похороны, в ходе которых усопшего отправляли в «лучший мир» при большом количестве драгоценностей, в том числе и серебряных монет – драхм. Прошло много веков, наступила на Руси эра христианская. И с позиций христианской этики великий Владимир Мономах в известном своем «Повучении» (начало XII в.) говорит о большом грехе тех, кто прячет богатства (а значит, и деньги) в земле.

Не прислушались современники ни к Солону (хотя и клялись исполнять его законы), ни к Мономаху. И продолжали утаивать деньги в земле и в I в. до н. э., и в XII в. уже новой эры, и гораздо-гораздо позднее. А точнее говоря, с того времени, когда в том или ином регионе развитие товарно-денежных отношений приводило в конце-концов к появлению товара-посредника между натуральными продуктами. Этим мерилom стоимости и становились в жизни любого общества в определенное время деньги, обычно из какого-либо драгоценного металла – меди, серебра, золота.

На Южном Урале и в Поволжье процесс появления денег как эквивалента стоимости любого товара приходится на IV–V вв. н. э. Хотя надо сказать, что эпизодически иноземные монеты встречались здесь и в более раннее время. Так, в Мелеузовском районе Башкирии в начале 80-х годов XX века у д. Иштуганово при раскопках погребения кочевника были найдены 2 медные монеты понтийской чеканки времен

знаменитого царя Боспора Митридата VI Эвпатора (I в. до н. э.¹). Правда, такие находки вплоть до IV–V вв. были здесь все-таки единичны.

А возрастает их количество – и существенно – через век или полтора, когда правители расположенного на Нижней Волге Хазарского каганата организуют серию успешных (для себя, конечно, не для местных жителей) походов на Кавказ. К этому времени, начиная еще с IV в., в Поволжье появляются к тому же и первые металлические деньги собственного изготовления – в виде бронзовых слитков. Их наиболее ранние экземпляры обнаружены в Тураевских курганах Елабужского района (ныне территория Татарстана) – это несколько металлических палочек-прутьев квадратного сечения размером 1х1 см и длиной около 20 см. Кстати, древнейшие деньги в античной Греции вначале тоже были в виде прутьев из металла, связанные по 6 штук они составляли одну древнюю драхму.

Как и в далекой Греции, палочки-прутья Поволжья постепенно сокращаются в своих размерах. Их дальнейшее развитие мы видим у племен именьковской культуры Среднего Поволжья: прутья-слитки становятся короче, на концах заметно утоньшение, да к тому же в сечении они становятся теперь не квадратными, а трехгранными! Подобные слитки встречаются нередко и в погребениях, и в виде отдельных находок-кладов. В погребениях они подчас соседствуют с другой «денежной системой» – раковинами каури, что делает Поволжье в области нумизматики регионом просто поразительным. Наблюдается своего рода «стык» Запада и Востока. Хотя раковины-каури Новгородских и Псковских кладов XI–XII вв. н. э. поступали в эти земли, как принято считать, через Ригу с Запада, нет никаких сомнений, что происхождения они самого что ни на есть восточного. Ведь в качестве денег каури использовались в Китае еще в XV–XIV вв. до н. э., если не раньше, т. е. за 3,5 тысячи лет до транзитной Риги их знали и использовали именно как деньги на Древнем Востоке. Знал их Китай, знала, естественно, и Древняя Индия, ибо добывали раковины почти для всего тогдашнего мира (древняя Ойкумена) на Мальдивских и Сейшельских островах Индийского океана. Так что очень вероятно появление каури в могильниках Поволжья не с Запада, а по древним караванным путям (в т. ч. и «шелковому») с Востока.

В северных землях Европы в эпоху раннего средневековья каури уже были «не в моде». В цене же был серебряный монетный чекан, о чем говорит просто невероятное (более 1000!) количество монетных кладов, попавших в землю в результате периодических захватнических походов викингов в Северную Европу. Больше всего кладов ока-

¹ Кропоткин В. В., Обьеденнов М. Ф. Находка античных монет в погребении кочевников на Южном Урале // СА. 1985. № 2. С. 242–246.

залось сосредоточено в Норвегии, Дании и, особенно, в Швеции: только на одном ее острове Готланд найдено 472 клада... Крупнейшая находка (по времени монет относится к середине XII в.) весит более 10 кг и содержит 3 290 серебряных номиналов германского, англосаксонского и арабского чеканов. Во всех же северо-европейских кладах (тысяча с лишним) викингов зарегистрировано 160 тысяч монет. Не будем забывать при этом, что наряду с деньгами в «варяжских» кладах были так же и вещи из драгоценных металлов. Так что, по подсчетам специалистов, *средняя* добыча викинга во время одного похода составляла где-то около 2 кг серебра, а на «душу населения» (если разделить этот доход по среднему числу домохозяев викинга) приходился «доход» в 100 г серебра¹. Много это или мало для X в.? Такой вопрос обязательно должен возникнуть у читателя, живущего на десять веков позднее, да к тому же в окружении совсем нереальных цен. Все, как известно, познается в сравнении. Вот давайте и возьмем для сравнения и сопоставления два примера из этой эпохи: на 100 г серебра (это 0,5 тогдашней германской марки) на севере можно было купить корову! А на Востоке, если к 100 г «лунного металла» добавить еще чуть-чуть и перевести на арабский денежный курс, то за 45–50 дирхемов вполне можно было приобрести приличную рабыню...

И стоит ли после этого удивляться, что итогом долгой практики «варяжских вояжей» стало значительное повышение уровня жизни населения нормандского мира в IX–XI вв.

Обратимся теперь к Руси тех же времен. Знала и она викингов-варягов, да только не как «благодетелей» всего населения государства, а в качестве дружин у отдельных северо-русских князей, которые платили за службу северным соседям пушниной и воском, медом и монетой. А вот какая монета была в ходу? Как же, со школьной скамьи известно: куны – металлические слитки, похожие на шкурки куниц, а также гривны – длинные узкие полоски металла, которые разрубались на более мелкие части (отсюда рубль). Это – местный «чекан». Но появляется и настоящий чекан без кавычек: в конце X в. при дворе Владимира Святославича Святого (просветителя Руси) начинают чеканить золотую монету, сходную по весу с византийским солидом («золотой» в переводе), который тянул на 4,26 г. Правда, внешне монеты Руси отличались от денег Византии, с которой после 988 г. россы крепко дружили и старались во всем ей подражать. Однако подражание так и останется имитацией, пусть даже искусной. А ценители оригиналов, в данном случае – византийских монет, были уже и в наших краях, о чем говорят два клада – Шестаковский и, особенно, Бартымский.

В местечке Бартым земли Пермской в 1950 г. была найдена чаша из серебра, полная византийских монет императора Ираклия (610–641 гг.).

¹ Лебедев Г. С. Эпоха викингов в Северной Европе. Л., 1985. С. 140–146.

И что характерно: серебряные монеты (всего 264) этого клада никогда не были в употреблении! Блестящие в солнечных лучах, как новенькие, эти монеты, очевидно, были поднесены какому-нибудь знатному лицу или ратнику за доблестную службу непосредственно из императорского монетного двора. А вот воспользоваться ими по каким-то причинам не успели.

В Урало-Поволжье наиболее популярными были монеты сасанидского Ирана: серебряные и медные дирхемы, золотые динары. Чуть-чуть уступали им хорезмские (туранские) эмиссии, а за ними уже шли серебряные гексаграммы и золотые солиды Византии. Замыкали парад монеты местного хазарского и болгарского чеканов, которые вначале подражали византийским, а позднее арабо-куфической денежной системе Среднего Востока.

Наиболее ранние экземпляры сасанидских монет в Поволжье и Приуралье появляются на рубеже IV–V вв. Правда, это еще первые «ласточки». Обильное же поступление денег из Ирана приходится на XI в., что напрямую связано с развитием в регионе товарно-денежных отношений, внутренней и внешней торговлей племен Южного Приуралья через степи Казахстана и Хорезм со Средней Азией (Туран) и Ираном. Неудивительно поэтому преобладание в Урало-Поволжье VI–VIII вв. денег сасанидского типа с надписями на средне-иранском языке пехлеви.

На рубеже IX–X вв. на смену сасанидским приходят монеты куфического типа. Внешне эти серебряные дирхемы диаметром 25–35 мм практически не отличались от предшественников, если бы не язык надписей. Теперь он был в виде арабской вязи, характерной для городов Западного Ирана Аль-Куфы и Аль-Басры. По названию места происхождения новой графики письма все монеты этого типа с тех пор стали именоваться куфическими.

На территории Волжской Булгарии монет такого типа найдено немало: 16 кладов времен IX–X вв. В Прикамье 10 аналогичных кладов. В 1874 г. находка с монетами куфического чекана была обнаружена и в Башкирии – возле д. Дюсяново на территории современного Бижбулякского района. Это было начало. Затем монеты куфического и хорезмийского типов археологи извлекли из Стерлитамакского могильника, затем... Одним словом, к концу 1992 г. археологам было известно на территории нашего края и соседнего Оренбуржья 11 находок восточных монет. Возможно, какому-нибудь кладоискателю-энтузиасту известно еще какое место клада, не ведомое науке, потаенное.

Торговало Волго-Камье не только с Востоком. Куда ближе была Русь, связи с которой не прерывались никогда и также отмечены своими кладами. Интересна находка 1869 г. в окрестностях г. Спасска на Волге. В древности рядом с ним находился знаменитый град Булгар,

что и нашло свое отражение в наборе вещей клада. Здесь и типично болгарские украшения в виде височных колец с уточкой, оснащенные ажурной зернью и золотой нитью-сканью. А рядом – серебряные слитки (похожие отливали в Чернигове) да того же металла перстень работы псковских или новгородских мастеров XI–XII вв. Прочные торговые связи Урало-Поволжья с Востоком в XI–XII вв. оказались в состоянии глубокого кризиса. Источник же кризиса был на юге, где во владениях «Великих Сельджуков» разразился столь масштабный «серебряный кризис» середины XI в., что его эхо докатилось и до степей Приуралья. Нет, на Урале с серебром все было в порядке! А вот в Средней Азии резко обнаружилась его нехватка из-за истощения иранских рудников и совпавшая с этим истощением сильная перекачка арабо-иранского чекана IX–X вв. в Европу, где он осел в массе кладов викингов... Была и третья причина, как нам кажется, самая главная: сельджукский мир вступил в эпоху глухой феодальной раздробленности, где всевозможные беи и беки, эмиры и шейхи воевали между собой, стараясь возвыситься над соседом, ближним и дальним. Страдали от этой исторической глупости все – и в Иране, и в Средней Азии, и в Урало-Поволжье. Кто же отважится в этих условиях на долгий караванный переход?

На время кризиса импорт восточного чекана в Урало-Поволжье иссяк почти полностью. И надо было как-то на это реагировать. Тогда-то и активизируется собственное денежное обращение, прежде всего, болгарское. В то время как в Средней Азии и Иране в условиях «серебряного кризиса» шла активная порча серебряной монеты (добавляли медь, а то и вовсе серебрили медяшки, выдавая их за полноценный чекан дирхемов), в Булгарском государстве с самого начала, т. е. с X в., чеканили медь и серебро раздельно, не играя в обман населения. Монетные дворы в гг. Булгаре и Суваре вначале, правда, перечеканивали арабское серебро, но потом, вплоть до XIV в., наладили и успешно чеканили свои собственные эмиссии из «лунного» металла. Когда в первой половине XIV в. частью владений золотоордынского хана Узбека, кроме Поволжской Булгарии, стали земли еще и Западной Сибири, обильная чеканка серебра и меди в Булгаре получает как бы «второе дыхание», видимо, за счет рудников Алтая.

Развитое денежное обращение края в XIV–XV вв. нашло свое отражение, естественно, и в кладах – этой своеобразной летописи времени. С 1911 г. несколько витрин Эрмитажа украшают 907 серебряных монет с Волги времен ханов Узбека и Кибяка (XIV в.)¹. Клад этот был найден при корчевке леса под пашню крестьянами д. Сосновка, что стоит на левом берегу реч. Сумка бассейна левобережья Волги. Найденные на глубине пол-аршина монеты, как указывалось в сопроводительной де-

¹ АКТ. М., 1981. Т. 1. С. 30.

пеше, с небольшим количеством найденных тут же русских денег прямым путем были отправлены вверх по Волге сначала в Белокаменную, а оттуда – после подтверждения подлинности и исторической ценности – в столицу на Неве, в Эрмитаж! Несколько кладов, обнаруженных в середине нашего века, пополнили фонды краеведческого музея в Казани. Первый из них происходит из с. Татарские Измери, точнее с небольшого островка Куйбышевского водохранилища напротив этого волжского поселка. Невелик был пятачок земли, со всех сторон окруженный рукотворным морем, а выдал клад в 2358 серебряных монет первой половины XV в.! Причем, все они столичной чеканки, из Булгара, как тогда официально именовалась Казань¹. Второй клад – с тех же мест. В мае 1957 г. его нашли у с. Караульная Гора, что в Октябрьском районе Татарстана. На сей раз земля поделилась с сельчанами и вовсе по-царски, «отстегнув» находку серебряных номиналов второй половины XV в. в количестве 22 859 монет.

Не все клады сохранились так хорошо, как названные выше. Например, в конце 80-х годов XX века в Гафурийском районе Башкирии был найден клад медных монет объемом «около ведра». Значительная их часть тотчас же была расхищена. И лишь толика уцелевшего попала в Дюртюлинский краеведческий музей.

Так, Б. Ербаев из Павлодара (Северный Казахстан) никогда не думал стать кладоискателем. Но в начале 80-х годов XX столетия при ремонте пола своего гаража наткнулся на неповоротливый камень, выворотил его после немалых мук, а под ним – гора монет российских с двуглавым орлом и металлических дензнаков Средней Азии XIII–XVII вв. Аккуратно уложенные когда-то в одном месте старым нумизматом, они не совратили души Б. Ербаева подобно гафурийским горе-«знатокам». И ныне эта находка украшает один из залов Павлодарского историко-краеведческого музея.

Где истоки кладов Волго-Камья и Урало-Поволжья указанных времен, столь емкие по содержанию? Конечно, полный ответ на вопрос даст только время, а пока по свежим следам можно указать на ряд факторов монетного изобилия. Основным, думается, был фактор острой борьбы за власть между целыми региональными группами феодалов. Грызня эта не прекращалась десятилетиями, передаваясь по наследству от отца к сыну, а от того к внуку. Едва ли это обеспечивало в XIV–XVI вв. (вплоть до взятия Казани Иваном Грозным да, наверное, и позднее) мир и спокойствие на старых торговых дорогах. И оседала пыль на караванных путях.

¹ Мухамадиев А. Г. Булгаро-татарская монетная система XII–XV вв. М., 1983. С. 119–120.

Была и экономическая основа сокрытия кладов: деньги у населения (иранской, арабской, болгарской чеканки) были, а товара явно не хватало.

Кредитной системы в Урало-Поволжье тогда еще не было. Не было и практики выдачи денег в долг (в «рост») под проценты. Оставалось одно: до лучших времен сохранить деньги в земле. Конечно же, были и внешние факторы сокрытия кладов – опасность вторжения врага, возможность попадания в плен и другие. Завершая разговор о кладах монетных, скажем, что им не везет больше всего. Почему? Да потому, что в вещевом кладе в 20–30 предметов одна серьга или булавка «погоды» может и не сделать. А в денежных кладах каждая монета ценна, датировка находки устанавливается по наиболее поздней из монет; а если именно ее-то «вдруг» и решил положить за щеку, как хомяк, счастливый обладатель находки? Даже если все остальное после этого такой «нумизмат» отдает за известное вознаграждение государству, наука уже несет огромный урон. И подчас, увы, невосполнимый. А урон науки – это наш общий урон, общая потеря человечества. Вот почему клады требуют к себе и честного, и бережного отношения. И в особенности – монетные.

Кстати, откуда пришло к нам это слово – монета? И почему оно созвучно грузинским деньгам (манэти), азербайджанским (манат), туркменским (мэнэт) и некоторым другим? Это случайные созвучия? Едва ли. Ответ нам дает история Древнего Рима, Вечного города, на семи холмах которого было немало храмов местным богам. Был, естественно, и храм покровительницы города – юноны Монеты (от латинского «монете» – «предохраняю», «оберегаю»). Здесь-то и располагались, под охраной защитницы, монетный двор и городская казна. По имени богини со временем и сами деньги стали называться монетами. Через галлов, германцев, викингов это слово по просторам Европы дошло в конце концов и до Руси. Дошло, как видим, северным путем. А был и южный: в самом начале новой эры Рим вошел в длительный контакт с Парфией, частью обширного иранского мира. И воевали, и торговали, как водится. А где торговля, там и деньги. Так латинское слово «монета» попадает сначала в Иран, затем в Среднюю Азию, потом – в Закавказье, где в акающих языках горцев превращается в манэти и манат... Это южный путь. А истоки его – в Вечном городе. Не зря же «все дороги ведут в Рим»!

«ЕСТЬ НА ВОЛГЕ УТЕС», или ТАЙНЫ ЛИХИХ АТАМАНОВ

Кто не знает слов песни, вынесенных в первую часть заголовка? А вот еще строки из этого народного сочинения: «И поныне стоит тот утес, И хранит он заветные думы Степана; И лишь с Волгой одной вспоминает порой удалое житье атамана»... Они тоже знакомы с детства. А вот кто возьмется ответить на очевидный, казалось бы, вопрос: О чем они, заветные думы Разина? Мы, спустя 300 с лишним лет, можем лишь догадываться, о чем думалось и мечталось лихому атаману на волжском берегу. Может, о переходе с Волги на Дон, а там – на Москву. Но в любом случае, конечно, о воле. О ней на Руси мечтал народ всегда, слагая песни о вековых чаяниях забитого барскими поборами землепашца. Два века назад пели:

*– Далеко-далеко степь за Волгу ушла.
Там, за Волгой-рекой, вольна воля жила...*

Не обрета воли и в 20-х годах XX века, о том же пел бесшабашный Нестор-атаман в Гуляй-Поле:

*Жаль мне только волю во широком поле,
Жаль мне мать-старушку да буланого коня...*

А замечательный наш писатель В. М. Шукшин роман о Разине так и озаглавил – «Я пришел дать вам волю». Все верно: воля – прежде всего. И поскорей бы! Еще лучше – сейчас, сразу! Ну хорошо: положим, вот она, воля. И гуляет лихой казак день-другой, неделю, много – месяц. А дальше на что гулять? И на что вольно жить? Не об этом ли прежде всего и думалось: казак – не пустая голь, «душа нараспашку», от роду привык думать наперед и готовить добро впрок. Готовил, как говорят легенды, запасы-клады на будущее и Разин...

Впрочем, не он один. И коль пошла у нас речь о лихих атаманах земли русской, то как тут не вспомнить Кудеяра и Ермака, атамана Сокола и Ивана Кольцо! Что ни имя – то легенда! Не уступали им Иван Климов и Васька Ус. А Дороня с Четырех Ключей? А Улан из-под Саратова? Не говоря уж о Разине и Пугачеве... Сколько песен о них, а сколько легенд об их сокровищах?! Взять, например, Кудеяра. Начиналась его жизнь мерно, степенно, в приятельстве с наследником престола Иваном Васильевичем и его помощниками – Адашевым и А. Курбским. Имея *такой* круг знакомств, можно было рассчитывать на блестящую карьеру. Можно... Только вот ладить с Иваном Васильевичем, ставшим из наследника трона его хозяином Иваном IV Грозным, становилось все труднее. Первым не выдержал Адашев. Затем деспотизм владыки перешел на Андрея Курбского. Наконец, растущая подозрительность и неукротимый гнев царя стали причиной стремительного бегства из Москвы на Волгу и Кудеяра. За свои обиды он крепко отомстил руками Давлет-Гирея, показав тому кратчайший путь к Москве для ее сожжения... Тем самым были сожжены и все мосты назад, все пути к возвращению, а на Волге объявился грозный атаман, грабивший вначале приспешников царя Ивана IV, а потом и... О несправедных сокровищах Кудеяра стали слагать легенды.

Говорили, что награбленное им привело к помутнению рассудка хозяина. А еще ходили слухи, что за сделку с Сатанаилом тот открыл ему последний ключ ко всем кладам подземным, так что атаман теперь в паре с нечистым владеет всеми сокровищами земли. И где их потом только ни искали! По одним данным, в Усманском лесу у городища Чистое озеро (ныне Воронежская область) Кудеяром были сооружены тайно и «доверху заполнены» бочками с золотом несколько погребов. По другим данным, это не погреба вовсе, а укрытые сверху, снаружи, пещеры. И не в Воронежской земле, а в Саратовской. Именно там который век народная молва «наполняет» золотом и серебром полузасыпанную ныне песком пещеру на склоне горы за с. Лох.

«Да почему именно эту пещеру считают Кудеяровой?» – спросит иной читатель. Ответим: с подачи самого Кудеяра! Ибо водилась за атаманом странная черта: то ли не надеясь на память, то ли от угрызений совести, но атаман чуть ли не на все свои клады оставил «кладовые записи». И если современникам в бурные годы царствования Грозного было не до «кладоводителей» Кудеяра, то потомки вдруг опомнились, лихорадочно стали разыскивать, спустя век (!), записи атамана, а по ним – и сами клады. Записи, коль появился на них спрос, начали поставяться в больших количествах. Их имела чуть ли не каждая крестьянская изба. Хуже оказалось с самимикладами: больше 10 лет с «планом» в руках искали клад Кудеяра около г. Землянска на берегу р. Ветлуги. Увы... Спустя годы «золотишко атаманово» целых 12 лет

искали уже около г. Миценска на Орловщине. С тем же успехом. Но энтузиазм не угасал – и эстафету поисков приняла в 1683 г. Тула. И здесь более 10 лет стряпчий С. Хрущев «сотоварищи» при самой активной помощи городских властей вел земляные работы, используя присылаемых властями «работных людей»: одна партия копала, вторая – засыпала, третья – вела новые поиски. Но все шло вслепую, а потому и безрезультатно. В конце концов, убедившись в подложности «кладовых записей», бросили искать... Новый этап охоты за кладами Кудеяра пришелся на конец XIX в., когда в Саратовской губернии вновь вспомнили о его пещерах – одной у с. Лох, а другой у с. Нечаевки в 30 верстах от Саратова. Раскопки обеих начались почти одновременно в пореформенные 70-е годы XX века и почти синхронно через 15–20 лет были прекращены за очевидной бесперспективностью. Собственно к тому времени уже не одни Кудеяровы клады были на уме у освобожденного от крепостной неволи крестьянина. Да и сам Кудеяр потерял уже давно «монополию» на клады, ибо был первым(?), но не последним!

Его младший современник Ермак (Ермолай) хорошо известен каждому школьнику как первопроходец Сибири, посланный на «ознакомление» с владениями хана Кучума для их последующей экспроприации Русью Ивана Грозного. Сейчас модно стало говорить о рейдовом характере похода, о чуть ли не исследовательской задаче, поставленной перед Ермаком Тимофеевичем Иваном Васильевичем¹. Кажется, все-таки, что в жизни все было несколько иначе, грубее и проще: покорение – оно и есть покорение. И до исследований ли было 840 казакам, осенью 1581 г. отправившимся в поход по землям враждебного хана Кучума? Да и стояли во главе отряда не Пржевальский или Миклухо-Маклай, а имевший прегрешения перед законом беглый казак Ермашко («ермак» – ручная мельница на Волге) и приговоренный к смертной казни за большие грехи Иван Кольцо, для которых связанный со смертельным риском поход на Кучума был шансом искупления вины в глазах государя Ивана Грозного². По указу царя «спонсорами» похода стали Строгановы, чьи уральские владения постоянно тревожил сибирский хан. Однако рейд возмездия проработан был весьма халатно, средств «суточных» Строгановы выделили мало, явно намекая казакам на их инициативу, т. е. на разбой.

Не секрет был для владык Урала, что Ермак с Иваном Кольцо идут на восток не пустыми, а с «товаром» волжского происхождения (за что и были еще до похода в Сибирь судимы). Правда, сколько его, товара, было – не знал, кроме них двоих, никто. Слухи же ходили, что 12 бочонков серебра перед походом на Кучума спрятали в пойменных озе-

¹ Скрынников Р. Г. Сибирский поход Ермака. Новосибирск, 1986. С. 32–36.

² Валишевский К. Иван Грозный. М., 1989. С. 371–372.

рах Яйвы лихие сотоварищи, да столько же – в верховьях этой реки, где в скальных массивах у Соколиного камня и сейчас видны две пещеры с парящими над ними орлами.

Четыре века назад Ермак не раз, еще перед походом в Сибирь, поднимался вверх по Яйве вплоть до Соколиного, а то и выше, выполняя загадочные распоряжения самих Строгановых¹! Места эти в ту пору были таежные, глухие, а значит, – и лихие. Две пещеры находятся столь высоко, что даже весной, в пору паводка, снизу по отвесным скалам до них не достать – только сверху, спускаясь на веревках. Именно так, на веревках, и попыталась проникнуть в пещеры группа альпинистов и спелеологов. Проникла – и повторилась история с кладами Кудеяра!.. То ли за четыре века здесь уже побывали, то ли у пещер есть пока не найденное, «заповедное» второе дно, то ли это не те пещеры – ответа пока нет. Есть легенды.

И легенды упорно «привязывают» именно к этим местам клады конца XVI в. Уж не было в живых ни Ермака, ни дружка его Ивана Кольцо. Но оставались где-то припрятанные еще до 1581 г. их богатства. И не просто оставались, но, как кажется, и приумножались немногими из вернувшихся из сибирского рейда. Был среди них «птенец гнезда Ивана Кольцо» атаман Сокол. Не пошел он с отчетом о походе к Строгановым (мало ли как повернется весть о гибели Ермака?), а остался именно в верховьях Яйвы на неприступных скалах, которые с тех пор и называются Соколиным камнем. Ватага Сокола питалась не только лесными грибами да ягодами: с 1594 г. поползли по разбитым российским проселкам в столицу доклады о разбое, который уже не первый год учиняет купцам, следующим по торговым делам из Соликамска в Верхотурье, бывший соратник Ивана Кольцо. Через год совместными силами дружин соликамского и верхотурского воевод началось «выкуривание» со скал новоявленного «Соловья-разбойника». Хоть и не сразу, а удалось-таки избавить торговый путь от татя: Сокол бежал на Каму в то ее место, где и сейчас на правом берегу реки стоит с. Атаман. Там он продолжал доходное свое «ремесло», грабя идущие по Каме в Волгу богатые купеческие суда.

Жалобы вновь поползли в столицу, откуда вскоре поступил Строгановым категорический царский указ: «собрать сколь тому делу потребуется войск и изловить вора». Если на поход Ермака Строгановы явно поскупились, то теперь, когда речь шла о собственном благополучии, денег на поимку атамана не пожалели – иначе «себе дороже выйдет». Снаряженные в изрядном количестве строгановские ратники окружили село, где скрывался Сокол и сожгли разбойное гнездо дотла.

¹ *Марин Е.* Тайна сокровищ Ермака // Наука Урала. 1990. С. 50.

А атаман? Атаман оправдал свое прозвище, выпорхнул из горящего села – и был таков. И где богатства его – поныне неизвестно. Впрочем, еще в начале 60-х годов XX века довелось слышать полувымысел-полуправду, что скончался в таежном поселке древний старик, в одной из пещер «бабки Сокола». Была-де та пещера полна золота-серебра и камней-самоцветов уральских.

В 20-е–30-е годы XX века этот старик по одним ему ведомым тропам регулярно хаживал в тайник и брал оттуда по чуть-чуть на продажу. Клад, видимо, был обширен и содержателен, т. к. не один десяток лет черпал из него средства к существованию потомок кержаков. А когда совсем уж состарился, заболел и не мог самостоятельно «наведывать» заветный клад, поведал о нем перед уходом в мир иной дружку-приятелю, рассказал и о тропах потаенных. Да разве в тайге с ее масштабами, где от поселка до ближней заимки может быть не одна сотня верст, сыскать дорожку к кладу лишь по ее описанию? Все равно, что искать иголку в стоге сена.

Так и ищут до сих пор, кто по слухам и легендам, кто – по «кладовым записям» сокровища, припрятанные любителями воли. Сколько песен сложено об утесе Степана Разина, о вольных думах атамана на волжском кряже. Да не только думы Разина хранит утес возле Царицына: говорят, что в недрах того утеса хранится добро атаманово аж на 10 млн рублей (по курсу 1914 г.).

Еще в 1904 г. начались здесь раскопки на месте необычного провала возле царицынской церкви Святой Троицы. На глубине более 4 м вскрылись никому неизвестные гробы и скелеты, а потом – идущие в разные стороны галереи с дубовыми перекрытиями: целый подземный город. Копать – не перекопать! Да разразилась вначале русско-японская, затем настала очередь Первой мировой войны, потом грянула революция, за ней – Гражданская война с незабываемой обороной Царицына. А уж после Сталинградской битвы у города на Волге (во время Великой Отечественной) живого места не осталось от военной «вспашки», какие там клады атамановы...

Впрочем, искали их не только под Царицыном. В 60-е годы XIX века досмотру подверглась Стенькина пещера в Саратовской земле, где нашли вещи и монеты болгарско-казанского происхождения. Мощный обвал 1884 г. пресек ход дальнейших раскопок в этом месте. Эстафету принял в 1893 г. Нижний Новгород, где произошли столь дивные события, что умолчать о них, право, грешно. Не один год тогда по р. Алатырь уроженец Нижнего Новгорода Ящеров разыскивал наследие Разина по его же «кладовой записи», за помощью к археологам ездил в Петербург. А пока Северная Пальмира раздумывала над степенью достоверности очередной записи атамана, на околице с. Печи Нижегородской губернии по весне во время пахоты одна лошадь по круп

провалилась в яму. Ее, конечно, вытащили. Стали осматривать яму, а это оказался обрушившийся за века ход типа вентиляционной трубы, один конец которой выходил в овраге на поверхность (в него и провалилась лошадь), а второй... Второй уходил в землю, соединяясь на глубине 22 саженей (это более 40 м!) с обширным подземельем. Вход в него перекрывали дубовые, на железных запорах, двери. Вновь отправил Ящеров в Петербург донесение, и на сей раз в 1895 г. получил из столицы «добро». Начались обследования, подогреваемые шумом местной прессы: еще бы – вот она, кладовая Разина!

Однако длительные приготовления, перейдя в конкретные изыскания, кончились стремительно. И неудивительно: два смельчака при стечении народа первыми опустились на веревках в отверстие, а когда были вытащены назад, то первый от увиденного там лишился дара речи и умер в ту же ночь от разрыва сердца; второй же, псаломщик, поднят был и вовсе без сознания. Придя в себя, начал было рассказывать, как в подземелье двери со страшным скрежетом вдруг сами начали раскрываться перед ними, – и вновь потерял сознание. Слушавшие его мужики из с. Печи, не сговариваясь, тут же приступили к засыпке «дыры окаянной», наказывая впредь никогда в нее не соваться¹. Так и остались невостробованными клады Степана Разина, они ждут своего часа.

Равно как ждут его клады разбойника Улана между с. Полчаниновка и Скатовка земли Саратовской; ждут своего Шлимана, как джин Аладдина, сокровища атамана Тяпки в 30 верстах от г. Лебедяни земли Липецкой (на берегу Дона соорудил-де атаман для несметных своих богатств подземную галерею аж в 5 этажей. Ничем не поделился с «собратниками», был ими убит, но тайного места клада так и не выдал); на левом берегу Ветлуги, у с. Вознесенского, давно ищут кирпичный подвал Ивана Климова, полный бочонков с золотом, а в берег пензенской р. Мокши еще 200 лет назад закопали казаки Пугачева лодку, наполненную серебром...

Нет конца этому списку: крепко хранит земля клады атамановы.

¹ Белоусова Т. Из архива И. Я. Стелецкого // Совершенно секретно. 1991. С. 5.

ДРАГОЦЕННЫЕ КАМНИ И САМОЦВЕТЫ

Аи впрямь, что это мы все о золоте да о золоте, на худой конец – о серебре? Ровно кладология и не знает (или забыла) других сокровищ. А камни? А самоцветы уральские! Было (и есть), что охранять Хозяйке Медной горы, ведь ильменские горы на Урале, там, где ныне располагается заповедник, являются настоящим *неисчерпаемым* кладом. «Почему?» – спросите. Да потому, юные друзья, что в Ильменах есть *почти* все минералы мира, а некоторые залегают только там. ...Вот перед нами старый, еще до 1917 г. издания, справочный «путеводитель» по уральским камням с указанием таинственных, полезных (иногда не очень) их свойств и качеств. А сведения дореволюционного путеводителя по камням Урала спустя много лет после издания справочника мало чем отличаются от нынешних толковников. Судите сами.

Алмаз. Дает мужество, стойкость, смелость и отвагу, предохраняет от врагов. Способствует ясности и остроте ума, умеренности в чувствах. Укрощает ярость и гнев. Древние греки именовали его «неодолимым» и высоко ценили.

На Урале первый алмаз был найден в золотых россыпях Нижне-Туринского завода в 1829 г.!

Аметист. Принято дарить любимым и класть под подушку, чтобы видеть счастливые сны. Он смягчает злобу, делая человека рассудительным, мягким, разумным. Однако сила камня работает, если носить его не постоянно, а временами. Из всех камней аметист заметнее других меняет окраску в зависимости от освещения. Некоторые из них к вечеру становятся багрово-красными. Это свойство с древних времен было известно путешественникам и использовалось ими: резкое изменение цвета предвещало сильный ветер или бурю, грозу. И ведь сбывалось!

Бирюза. Камень радости, счастья и любви. А какие запасы ее на Урале, наверное, на полмира хватит, если не больше.

Гранат. Предохраняет от несчастных случаев, веселит сердце и прогоняет печаль. Арабы испокон веков твердо верили, что гранат излечивает желтуху и лихорадку.

Жемчуг. Загадочный камень. Полагают не без основания, что он приносит хозяину слезы, утраты и печаль. Тем не менее, веками в теплых морях люди ныряют в поисках жемчугосодержащих раковин. И камень, несмотря ни на что, популярен. Так как считается, что вбирая в себя болезнь хозяина и темнея от этого цветом, жемчуг несет человеку *здоровье...*

Изумруд. Как и аметист, отводит дурные сны и тяжелые мысли. Поэтому от него светлеет на душе и радостно на сердце. Старая примета гласит: если с утра посмотреть на этот камень, весь день будет радостным и легким.

Изумрудов на Урале находят немало, но мелких. А вот крупных, достойных получения собственного имени, очень немного. По словам ведущего геолога России А. Ю. Кисина,¹ таких изумрудов (кстати, и алмазов) в год находят единицы.

Коралл. Укрепляет у человека память и знания. А в знаниях – мудрость. В лечебных свойствах ценится его способность снимать жар, останавливать кровотечение, лечить сердце. Древние греки даже полагали, что постоянно носящий коралловое украшение и ведущий добродетельный образ жизни человек не просто становится носителем счастья, но он и бессмертен! Жаль, с кораллами на Урале не густо, хотя эта территория и была некогда дном моря. Зато чего в достатке, так это лазурита и малахита.

Лазурит. Оберегает от дурных мыслей, от которых чернеет кровь и болит сердце. Поэтому камень «улучшает» кровь, делает ум яснее, а сердце – добрее. Оберегает преданность и взаимность любви, поэтому считается издревле «небесным камнем любви».

Малахит. Обладает целой гаммой сверхъестественных качеств и свойств, которые ему приписывались алхимиками средневековья. Считали, что малахитовые амулеты защищают детей от сглаза, а взрослых делают невидимыми, что пьющий из малахитовой чаши начинает понимать язык животных – отсюда легенды о магах-чародеях Нострадамусе и Фаусте, Сен-Жермене и Калиостро. Браслеты или перстни с малахитом спасали этих чародеев от мора и молнии, сил явных и тайных. Одним словом, камень этот колдовской, и обладатель его владеет чарами необычными. Может, поэтому так часто в палаты Кремля Московского да во дворцы Санкт-Петербурга августейшие самодержцы России любили заказывать (и, естественно, получать) поделки из ураль-

¹ Кисин А. Ю. // Наука Урала. 1993., февр. С. 3.

ского малахита: то – чашу в Кремль, то – вазу в Эрмитаж, то – столешницу в Царское Село, то – табакерку на «ближнюю дачу» в Кунцево. И ни в какие времена Каменный пояс не срывал заказов. Только грустнее становились раз за разом глаза Хозяйки Медной горы от неумеренности appetitов знати и унылой покорности и забитости «низов».

Опал. Минерал разных цветов и оттенков. Может, поэтому и качества ему приписывают различные. Как и оникс, он считается камнем несчастливym, приносящим скорбь и печаль. Правда, в Древней Греции полагали, что он несет дурное не всем, а только алчным и корыстолюбивым, кто живет за чужой счет. Мечтателям же и родившимся в октябре он совершенно не опасен!

Рубин. Считается, прежде всего, камнем любви, но вместе с тем – гнева и крови... Носящий *рубин* часто бывает излишне вспыльчив, но рубин надежно хранит его от тяжелых болезней, поддерживая своей магической силой память, мозг и сердце хозяина.

Вопреки расхожему мнению, рубины – очень редки в природе и потому *самые дорогие* камни в мире, куда дороже алмазов и изумрудов. А уж крупные рубины – и вовсе уникальная редкость, встречаются они единицами не в год (как алмазы), а в столетие! Всему миру известны найденные в Бирме три крупнейших рубина: «Мир» – 43 карата (1919 г.), «Александр» – 40 каратов (1934 г.) и «Навата» – 496 каратов (это почти 100 г, 1989 г.). Кстати, стоимость рубина на торгах (около 30 тысяч долларов за карат) намного превосходит цену на драгоценные металлы, алмазы. Но такие великаны – редкость. На Урале рубинов подобных размеров не найдено, хотя первые находки камней в россыпях в нашем регионе относятся к 1855 г. Долгое время, правда, эти находки были случайными, и лишь в конце 70-х годов XX века уже упоминаемyс нами А. Ю. Кисину удалось сначала теоретически, а затем и практически выявить природную связь рождения рубинов в мраморах. В 80-е годы XX века на базе его теории найдено около 20 единичных выходов месторождений и, наконец, выявлена целая рубиноносная уральская провинция (жила) протяженностью более 600 (!) км. Так что не исключено теперь при правильных целенаправленных разработках повстречать свои, уральские «Наваты»...

Сердолик. Камень счастливый и для человека оздоровительный. Улучшает зрение, успокаивает нервы. Женщины Востока верят в его помощь при родах. Подобно сардониксу, он хранит верность любви, супружеское счастье, покой и благополучие.

Топаз. Делает человека честным, порядочным, справедливым и великодушным.

Находки топазов – одни из ранних на Урале. Хорошо известны они здесь задолго до обнаружения алмазов и рубинов, а когда были обнаружены впервые – лишь Медной горы Хозяйке известно. По дошедшим

до нас документам, в 1771–1774 гг., когда Урал оказался в зоне Крестьянской войны Е. И. Пугачева, сюда для подавления восстания были посланы верные Екатерине II отряды казаков. Именно они при рытье окопов и нашли в ильменских горах первые топазы – самоцветы. Камни эти с реляцией были отправлены в столицу, получены там, зафиксированы и описаны, казакам же – за честность (на то и топазы!) – объявлена благодарность, отраженная в указе царицы...

Вера в особые свойства камней уходит в глубочайшую древность. Еще во времена первобытности яркий блеск или таинственное внутреннее свечение камней вызывало у людей не просто любовь к ним, но какую-то поистине магическую тягу, религиозное почитание, основанное на вере в сверхъестественные способности и свойства камней – их силу. Сила же эта, по представлению древних, способна влиять на судьбу человека, обладателя камня. Вера в силу камней дошла до нас из седых глубин времени.

УПРЯТАННЫЕ В XX СТОЛЕТИИ

После 1917 г., десятки и сотни бывших господ и благородий разом оказались «бывшими». Их не гнали из России, но и не удерживали, напоминая вдруг ставшую «красной» евангельскую заповедь апостола Павла: «Не работающий да не ест».

Ставшие чужими на Родине, они уходили за кордон. А награбленное у народа припрятавали, надеясь на самое скорое возвращение в свои имения и извлечение захороненных сокровищ.

Итог их мечтаний нам хорошо известен. Хуже известно, где оставляли «бывшие» свои богатства. В общем-то плане, конечно, ясно: в подвалах, на чердаках, в стенных тайниках своих родовых особняков в Москве и Пензе, Питере и Екатеринбурге, Саратове и Перми, Киеве и Самаре, – словом, повсюду, где в губернских и уездных центрах были свои дворяне, купцы и фабриканты... Вот и идут отовсюду сообщения о тех или иных кладах XX в., которые остались от бывших хозяев и теперь, как правило, передаются в местные краеведческие музеи.

Примеров тому множество, мы отметим из их необозримого «моря» лишь некоторые и тогда нельзя будет не упомянуть о том, что в начале 80-х годов XX века подобная находка была сделана в Перми. Старый дом на окраине города «подарил» местному музею 17 предметов столового серебряного сервиза: кофейники, солонки, горки, ложки и ложечки... В те же годы и Вятская земля, богатая на клады *древние*, «решила» расширить свой «ассортимент» за счет клада XX в. И не одного, а трех – друг за другом! Если в двух первых были коллекции золотых и серебряных монет рубежа XIX–XX вв., а также фамильные украшения знаменитых в этих краях обувных промышленников Вахрушевых, то третья находка представляла собой выкопанный из земли при рытье траншеи большой металлический ящик, в котором оказалось 144 (!) предмета чайной и столовой утвари из по-

золоченного серебра. И что характерно – все три клада обнаружены с небольшим интервалом на одном и том же месте – возле возводившегося тогда Дома отдыха, т. к. строили его на месте бывших построек Вахрушевых. Вот, оказывается, где надо строить-то новые здания! И не только в Вятке...

Конечно, были немногочисленные случаи, когда старые владельцы сами возвращались из-за рубежа домой и передавали Кремлевской власти спрятанные сокровища. Разумеется, не безвозмездно! Дело в том, что в самом начале 30-х годов XX века советское правительство за подписью «Всероссийского старосты» М. И. Калинина издало и опубликовало в прессе указ о выплате тридцатипроцентной компенсации нашедшим клад «и всем бывшим гражданам, кто пожелает вернуться (в т. ч. на время) в СССР и добровольно передать Советской власти оставленное здесь состояние». Откликнулись немногие. Но среди них была часто тогда упоминавшаяся в «Правде» и «Известиях» (в положительном, разумеется, тоне) наследница екатеринбургских купцов из клана Агафуровых Салия Султановна. Всего на несколько дней приехала она на родину из Японии, чтобы за положенную сумму компенсации выдать сотрудникам НКВД завернутые в рогожу и упрятанные возле садовой беседки слитки чеканного золота¹. Вот он, эффект.

Единственно, кто не преуспел в той истории, так это НКВД, т. к. оказался в посредственной роли созерцателя и приемщика клада, а никак не его первооткрывателя – и это огорчало. Тем более что давил груз двух неудачных операций по отысканию крупных сокровищ, которые проводились незадолго до этих событий и закончились для «компетентных органов» неудачей.

Первая из этих историй берет свое начало на Кавказском фронте военных действий русской армии в ходе Первой мировой. Награбленную в христианских храмах Армении церковную золотую утварь, украшенную камнями, турки спешно пытались переправить на свою сторону. В последний момент уже почти на границе их настиг казачий отряд под командованием полковника Икатурова и отбил награбленное. Драгоценное имущество казаками было аккуратно упаковано в два объемных тюка. Вперед были отправлены два вестовых казака с сообщением о выполнении поставленной перед Икатуровым задачи. Остальные же, вместе с полковником, на обратном пути через несколько дней попали в турецкую засаду, из которой вырвались лишь четверо. Они-то и сообщили, где по приказу Икатурова спрятали тюки, чтобы не достались противнику. Сам полковник в той стычке погиб, а казаки, видимо, в горах Армении ориентировались не лучшим образом. Во всяком случае, когда много лет спустя по их указаниям и документам

¹ Служин В. С. Екатеринбургские клады // Рифей. Уральский краеведческий сборник. Челябинск, 1989. С. 222–225.

штаба армии (все это, естественно, оказалось после Октября в ведомстве Ф. Э. Дзержинского) сотрудники соответствующего управления попытались разыскать место тайника, «сим-сим» не открылся...

Вторая история, от которой тоже ученикам «железного Феликса» радости было мало, началась в том же 1915 г., но уже не в Армении, а в Литве под Каунасом. Была она столь же короткая и столь же трагичная: в условиях окружения едва не оказалась 10-я русская армия. И поскольку исход «мешка» тогда еще не был ясен, золотой запас казны армии пришлось срочно предавать земле. Место это знали несколько офицеров, но за последующие годы кто-то из них погиб на фронтах Первой мировой, кто-то – в гражданскую на одной из сторон «классовых баррикад». И когда «верные соколы отца народов» попытались найти закопанную казну 10-й армии, не имея даже предположительного ориентира в окрестностях Каунаса, успеха ждать было проблематично.

И уже вовсе крепким «орешком» оказался знаменитый клад адмирала А. В. Колчака. Загадочна история этого клада, равно как поразительна судьба его хозяина. Кавалер двух золотых медалей Академии Наук за действительно оригинальный и ценный вклад в развитие географической науки об арктической зоне России, он стал военно-морским инженером, на его минах в начале Первой мировой войны взрывались корабли противника на Черном море. Получает чин адмирала. В гражданскую воюет на стороне «белых» и в течение первых двух ее лет пользуется немалым авторитетом не только в странах Запада, но и у значительной части населения Сибири (зажиточных, «крепко» живущих тут было больше половины, не то что в центре России).

Однако жестокость, труднообъяснимые даже в условиях войны масштабы массовых казней и расправ среди лояльного еще недавно населения отталкивали сибиряков от «верховного правителя» России все больше и больше. А в 1919 г. силы стали таять на глазах, так что осенью пришлось отступать, увозя с собой в глубь Сибири около 50 т золота. Эти «золотые вагоны» по Транссибу искали и отколовшиеся от Колчака «белые», и застрявшие тут чехи, и вездесущие японцы. И, конечно, спецподразделения Красной армии, которым все-таки удалось отбить у «верховного» золотой запас под Иркутском и повернуть его в обратную сторону, к Казани. Тут-то и выяснилось, что не хватает «солнечного металла» на 700–800 кг, если не больше. Проведенные тогда же по «горячим следам» разыскания ничего не дали: «красные следопыты» были еще слабы по части кладоискательства, а свидетелей «утечки» почти тонны золота было всего 4, да и то со стороны «белых», так что... Впрочем, один из этой четверки – бывший полковой писарь, латыш Карл Пуррок – вскоре после окончания Гражданской войны из «белых» резко стал «красным латышским стрелком»

и вместе с сотрудниками ГПУ пытался разыскать клад Колчака в 1931 г. Согласно его рассказам, клад был закопан поздней осенью 1919 г. в лесу под Иркутском, примерно в 5 верстах от Транссиба, в четырех специально выкопанных для того ямах. В первой было уложено оружие, во второй – лошадиная амуниция, третья яма приняла солдатские шинели, а четвертая – 26 ящиков казны адмирала. Из них 8 ящиков были наполнены золотой монетой, остальные – слитками. Весили эти ящики и 1 пуд, и 4, но в среднем, как вспоминал Пуррок, каждый тянул пуда на 2. Так что получалось под 800–850 кг! Но розыски 1931 г. окончились ничем. Как и повторные, в том же составе, в 1941 г.

Последующие поиски адмиральского золота, проводимые вплоть до наших дней уже силами «общественности» и кладоискателями «индивидуального профиля», также не имели положительного итога.

Кто-кто, а читатели хорошо знают, что *такой* итог частенько сопровождает тех горе-археологов, кто преследует при раскопках только одну узкую цель – клад во что бы то ни стало, любой ценой. Цена и впрямь, может быть, при этом большая, а результат – ноль. Бывало наоборот: не ищут – и находят. Известно ведь из истории Гражданской войны, что при отступлении белых в 1920 г. затонула в Амуре-батюшке канонерка с грузом золота. Ее по-настоящему никто и не искал, а через 61 год один из местных колхозников возьми да и найди заляпанный грязью и тиной «кирпич». Почистил его и обомлел: банковский клейменный слиток золота с той канонерки выплеснул на берег Амур!

Так и с кладом Колчака: где только не ищут, все леса под Иркутском уже перерыты. А лежат слиточки желтого металла, может быть, и не в лесу, а где-нибудь в подвалах ближайших старых построек или церквей. Ведь события те происходили, как признавал и сам Пуррок, уже в дни крепкого морозца. По морозу едва ли в спешке выкопаешь четыре огромных ямы, куда разумнее и проще воспользоваться старым подвалом.

Как тут не вспомнить историю с питерским Гостиным Двором? Как же, украшение Невского проспекта, а потому требует и внимания, и регулярного ремонта. Особенно подвальная его часть, фундамент и полы первого этажа. Вот тут-то при очередном ремонте рабочие и наткнулись на нестандартного размера кирпичи, которыми был выложен один из участков пола. Решили, конечно, заменить на обычные. Что-бы было, «как везде». Подцепили ломами, вытащили и удивились: что-то уж больно тяжелые не по размеру. Копали поверхность раз, другой. Глина, лежащая тонким слоем, отвалилась – и тут-то выяснилось, что это за «кирпичики» – бруски желтого цвета. Что ни брусок, то фирменное банковское клеймо с указанием пробы. Получилось как в сказке: не думал, не гадал, а клад отыскал.

Отмеченные выше находки, как, наверное, заметили наши читатели, пока что имели счастливый исход. Есть же среди кладов XX в. и

курьезные, которые для нашедших их «счастливчиков» выходили, что называется, боком. Так, в середине 80-х годов XX столетия за литр «зеленого змия» уступил несведущий электросварщик г. Челябинска своему смекалистому мастеру по ЖЭУ небольшую старую посудинку с орнаментом по краям. Договорились, обменялись, выпили-закусили. Мастер был рад: всего-то за две «беленьких» взял у несмышлениша серебряную вещицу, за которую назавтра местный антиквар обещал «отвалить» 970 рублей чистыми! Зря, однако, радовался, ибо «спешить не надо»: на другой день в назначенном месте его ожидала... милиция. А вместе с ней и один год исправительных работ за сокрытие клада. Ибо предмет оказался столь редкостным, что не каждый краеведческий музей может похвастаться наличием такого в своих фондах. А речь идет о *бульетке*, т. е. старинном дорожном самоварчике, изготовленном во второй половине XIX в. из 2140 г «лунного металла» высокой 875 пробы. Между прочим, каталоговая стоимость такой бульетки – 18 тысяч рублей. Это означает, что будь тот мастер ЖЭУ почестнее, вместо года колонии мог бы иметь 4,5 тысячи по курсу 1985 г.

А вот вам и находки наших дней, так сказать, в ценах современных. Весной 1992 г. в совхозе Ирендыкский Башкирского Зауралья один из механизаторов (фамилию по понятным причинам мы не назовем) вывернул лемехом плуга из земли самородок золота весом почти в 5 кг. Самородка такого размера на территории нашего края до сих пор не находили. Представляете, сколько составили даже 25 % от его стоимости? Ну, а кто ищет обходные пути, может получить и по более одного года исправительных за вольную трактовку законов кладологии и государства. Кто же не знает, что в современном радиоделе используют микродетали из серебра и золота? Любой школьник это знает, но не едет на свалку в поисках списанных приборов. Если их специально списывать целыми партиями, а ближайшей ночью в известных местах изымать из списанных приборов анодное серебро? Казалось бы, «клад со свалки» – ничей. На свалке-то, быть может, ничей. Если списанное оборудование вовсе даже не мусор, а вполне пригодные к работе приборы, имеющие вполне рабочую, заводскую прописку? Да если еще при этом и милиция не дремлет? Как она не дремала, к примеру, в Новосибирске, где в 1992 г. была на подобном «подножном промысле» задержана преступная группа из семи человек. Занимавшиеся хищением и сбытом промышленного серебра гальванического цеха одного из заводов города, они получили тогда прекрасную возможность гармонического сочетания размышлений о содеянном с бодрящим физическим трудом в «местах не столь отдаленных». Не дремали органы милиции и в Якутии, где был задержан новоявленный О. Бендер, точнее, некто Касаев с килограммами рудникового золота. Вряд ли после этого очередной любитель «легкого клада» сможет быстро устроиться управдомом! Точно так же, как и некто Эстамиров из Магаданской области, который пытался «приватизировать» более 7 (!) кг металла.

Долгое время успешно занималась подсудным промыслом преступная группа контрабандистов во главе с В. Гончаренко и Г. Бочкаревым, переправляя через границу СССР многие десятки предметов национального достояния страны. «Сбой» произошел неожиданно: с распадом Союза на нынешних границах стран СНГ стали возникать непредвиденно длительные заторы, что и подкосило любителей «оперативного бартера». Данные с таможни повели следователей в глубь нашей страны, к родным очагам. И тут-то выяснилось, что у родных этих очагов припасен был группой В. Гончаренко для переброски «за бугор» сущий клад: 800 икон XVI–XIX вв. в жемчуге и эмали, 86 золотых монет достоинством 5, 10, и 15 рублей дореволюционного чекана, масса ювелирных изделий и предметов фирмы Фаберже, более 200 полотен живописи XVI–XX вв. (Рембрандт, Ван Дейк, Айвазовский) – всего не перечесть. Отметим лишь, что конфискованный клад «потянул» в ценах осени 1991 г. на 4 млн 200 тысяч рублей. А на какой срок это «потянуло» – судите сами, отсылаем в данном случае нашего любознательного читателя к УК РФ, т. к. этот вопрос уже – согласитесь – за границами классической кладологии. Не можем лишь умолчать при этом одного грустного обстоятельства: многое из ушедшего за рубеж скуплено контрабандистами у людей неосведомленных фактически за бесценок, ибо мало кто знает об истинной стоимости отечественных российских оригиналов XVII–XX вв. Как говорится, слава богу, что в указанной выше истории на высоте оказалась российская таможня, уберегла национальное достояние Отечества.

А достояние это у каждого государства свое. Для России это, безусловно, Палех и Мстера, Шишкин и Айвазовский, каслинское литье и ростовская финифть – да мало ли что еще! Для французской же таможни в 1988 г. национальное достояние, возвращенное с границы назад в страну, выразилось в нескольких полотнах Ван Гога, Сера, Моне и Сезанна, 35 кг золота, 273 предмета старинного фарфора. И это еще не все, ибо сюда же можно добавить изъятые у контрабандистов 2089 бриллиантов, 47 кг икры, 1 кобру, 2 скорпионов и... 20 т лягушачих лапок! Ну какая же Марья без Ивана, какая Волга без Руси, какая Франция без этой деликатесной закуски! Э-эх, эту бы таможню да на наше Карское и Баренцево моря, где иной аквалангист может наткнуться, не дай Господь, на совсем иной «клад»: 21 реактор с общим радиоактивным уровнем в 312 тысяч кюри. Перебравшись для подводного кладоискательства на Балтийское море, такой ныряльщик рискует «познакомиться» с лежащими на дне этого моря 302 000 т немецкого химического оружия. Всего на дне Мирового океана до сих пор находятся, судя только по официальным данным, 7 самолетов и 8 подводных лодок с ядерными устройствами на борту – и это тоже «клады» XX в.

Во всяком случае – его страшное наследие для века грядущего.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Упомянув все известные клады, авторы проявили бы нечестность, не указав места сокрытия еще не открытых кладов. Список таковых у них, к счастью, имеется. Ниже публикуется список мест кладов в надежде на то, что, прочитав его, кто-нибудь встретит в тех краях на раскопках авторов этой книги. Итак, вот этот краткий список:

№ 1. Клад варяжский, составленный из награбленного древними викингами от Померании до Поднепровья. Находится предположительно в одной из «дальних» пещер Киево-Печерской лавры. Последние раскопки 1921 г. были, как водится, безуспешны.

№ 2. Клад польского магната И. Вышневецкого, срочно зарывшего его в подвалах своего замка в Лубнах на Полтавщине накануне бегства отсюда в 1648 г.

№ 3. Клад Б. Хмельницкого в тайнике его резиденции – гетманского дворца около г. Субботова. Считается не тронутым ни С. Чарнецким, ни С. Петлюрой, ни Н. Махно, ни «продразверсткой»...

№ 4. Сокровища изменника России И. Мазепы, о чем довольно подробно изложено в сочинениях видного историка XIX в. Н. И. Костомарова. Клад И. Мазепы в его вотчинном г. Батурине искала по личному указу Петра I целая комиссия, но...

Но все указанные клады находятся ныне на территории «ближнего зарубежья», что затрудняет выход российских археологов на их раскопки, в том числе и авторов этой книги.

№ 5. Золотой шлем (или корона-диадема) Александра Македонского, знаменитого полководца древности. Утерян, «по слухам» Диодора, Арриана и Плутарха, когда флот победоносного царя огибал мыс Доброй Надежды у южной оконечности Африки... Да, далековато.

Авторы сомневаются, что «выдающиеся кладоведы человечества» захотят разыскивать этот клад. Это подальше «ближнего зарубежья» не меньше, чем на 6–7 тысяч км!

№ 6. Куда ближе упоминавшийся в последней главе клад адмирала А. В. Колчака. Тем более что авторы книги наотрез отказываются от версии лесного местонахождения золота. Но, с другой стороны, старых построек и церквей в окрестностях Иркутска тоже немало. Тем более что культовые сооружения теперь активно возвращаются в пользование верующих, что серьезно затруднит изучение храмовых подвалов и фундаментов.

№ 7. «Либерея» Ивана Грозного или его знаменитая библиотека в 800 томов уникальных изданий поздней античности и раннего средневековья. Исчезла в 1564 г. с началом «опричнины» царя. Более четырех веков ее разыскивают в подвалах Московского Кремля без всяких признаков на успех. Между тем, по версии М. Н. Куницына и знаменитого кладоведа рубежа XIX–XX вв. И. Я. Стеллецкого, искать надо не в Москве, а в столице опричнины – современном г. Александрове в 20 км от г. Сергиева Посада. Здесь Иван IV жил безвыездно 8 лет, вел яростную полемику с А. Курбским, не раз обращаясь к старым книгам «Либереи». В. Н. Осокин в работе «Ожившая статуя» (М., 1984. С. 46–49.) настоятельно советует копать земляные оборонительные валы именно г. Александрова.

И остается вариант № 8: Казанский клад, который по легендам до сих пор покоится на дне озера Кабан столицы Татарстана. Оказался же он там по решению жителей Казани в середине XVI в., в условиях осады города войсками Ивана Грозного. Первые попытки поднять сокровища предпринимали в 1774 г. еще казаки Е. Пугачева, а в 1910 г. – бельгийцы (!); в 1970–1971 гг. – казанские аквалангисты два сезона исследовали илистое дно озера с тем же «успехом», что и их предшественники.

Где скрыт следующий клад? И кто его найдет? Не авторы ли нашей книги?.. А может быть, кто-то из читателей этой книги?

ЛИТЕРАТУРА

Аванесова М. А. Культура пастушеских племен эпохи бронзы Азиатской части СССР. Ташкент, 1991.

Бадер О. Н., Смирнов А. П. Серебро Закамья первых веков нашей эры. М., 1954.

Бочкарев В. С. Новый клад прикубанской бронзы из Ростовской области // Краткие сообщения института археологии АН СССР. Вып. 132. М., 1972.

Васильев С. А. Клад каменных орудий из Майнинской палеолитической стоянки // Советская археология. 1985. № 3.

Грибова Л. С. Пермский звериный стиль. М., 1975.

Даркевич В. П. Художественный металл Востока. М., 1976.

Журавлев А. П. Клад сланцевых орудий на стоянке Пегрема I // Советская археология. 1973. № 1.

Збруева А. В. Затонское селенце // Археология и этнография Башкирии. Уфа, 1962. Т. 1.

Кожомбердиев И., Кузьмина Е. Е. Шамшинский клад эпохи поздней бронзы в Киргизии // Советская археология. 1980. № 4.

Кропоткин В. В., Обыденнов М. Ф. Находки античных монет в погребении кочевников на Южном Урале // Советская археология. 1985. № 2.

Курочкин Ю. М. Легенда о «Золотой бабе». Пермь, 1963.

Лебедев Г. С. Эпоха викингов в Северной Европе. Л., 1985.

Локерман А. А. Загадка русского золота. М., 1978.

Марин Е. Тайна сокровищ Ермака // Наука Урала. 1990.

Марковин В. И., Глебов А. И. Клад бронзолитейщика из станицы Ахметовской // Советская археология. 1979. № 2.

Мерперт Н. Я. Сабанчеевский клад // Материалы и исследования по археологии СССР. Вып. 130. М., 1965.

Морозов Ю. А. Клад каменных орудий на р. Уршак // Советская археология. 1982. № 4.

Мочанов Ю. А. Древнейшие этапы заселения человеком северо-восточной Азии. Новосибирск, 1977.

Мухамадиев А. Г. Булгаро-татарская монетная система XII–XV вв. М., 1983.

Полякова Г. Ф. Балыкульский клад болгарских украшений домонгольского времени // История и культура Восточной Европы по археологическим данным. М., 1971.

Попов С. А. Тайны Пятимаров. Оренбург, 1982.

Пшеничнюк А. Х. Раскопки «царского» кургана на Южном Урале. Препринт. Уфа, 1983.

Рындина Н. В. Древнейшее металлообрабатывающее производство Восточной Европы. М., 1971.

Слукин В. С. Екатеринбургские клады // Рифей. Челябинск, 1989.

Цветкова И. К., Крайнов Д. А. Ритуальные «клады» стоянки Володары // Памятники древнейшей истории Евразии. М., 1975.

Циркин А. В. Киржемановский клад // Советская археология. 1969. № 1.

Циркин А. В. Нижнеборковский клад // Советская археология. 1971. № 3.

Членова Н. Л. Золото в карасукскую эпоху // Советская археология. 1972. № 4.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Рассуждения о природе клада, или Введение в кладологию	3
Где сокрыты сокровища?	9
Кто ищет – тот найдет	17
Эрмитаж для каменного века	23
Секреты эпохи бронзы	33
Пути древнего золота	47
Жемчужины сарматских царей	63
«Буртас-намэ», или Мистерии финно-угров	87
Чудские легенды	93
«Золотая баба»	97
«Батыева тропа», или Драгоценности болгарско-золотоордынской эпохи	101
Восточное серебро на Урале	105
Монеты понтийской чеканки	117
«Есть на Волге утес», или Тайны лихих атаманов	124
Драгоценные камни и самоцветы	130
Упрятанные в XX столетии	134
Место заключения	140
Литература	142

Научно-популярное издание

ОБЫДЕННОВ Михаил Федорович, КРУГЛОВ Евгений Анастасович

КЛАДЫ И СОКРОВИЩА НАРОДОВ УРАЛА И ПОВОЛЖЬЯ

Редактор *Усманова В. С.*

Художник *Ахмадуллин М. Л.*

Художественный редактор *Мухтаруллин А. Р.*

Технический редактор *Пятаева Н. Г.*

Корректор *Аминева А. М.*

Подписано в печать 26.07.11. Формат 70х90¹/₁₆. Бумага офсетная.
Гарнитура Банниковская. Печать офсетная. Усл. печ. л. 10,53. Усл. кр.-отт. 21,65.
Уч.-изд. л. 9,3. Тираж 2000 экз. Заказ 1.0105.11.

Государственное унитарное предприятие Республики Башкортостан
Башкирское издательство «Китап» имени Зайнаб Бишевой.
450001, Уфа, пр. Октября, 2.

Отпечатано с предоставленных файлов.

Государственное унитарное предприятие Республики Башкортостан
Уфимский полиграфкомбинат.
450001, Уфа, пр. Октября, 2.

Издательство
"КИТАП"
имени
Зайнаб
Биишевой